

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 29 (2022)

Симферополь

2022

Рекомендовано к печати Учёным советом
ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол № 7 от 26.05.2022 г.)

Редакционная коллегия:

Главный редактор – В. А. Горенкин, заслуженный работник культуры
Республики Крым, кандидат политических наук, доцент,
ректор ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Заместитель главного редактора – А. Ю. Микитинец,
кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе
ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Члены редакционной коллегии:

О. В. Резник, доктор филологических наук, профессор
А. В. Швецова, доктор философских наук, профессор
В. И. Нилова, доктор искусствоведения, профессор
О. В. Романько, доктор исторических наук, профессор
А. Д. Шоркин, доктор философских наук, профессор
Л. А. Штомпель, доктор философских наук, профессор
О. М. Штомпель, доктор философских наук, профессор
Э. Э. Ибрагимов, доктор экономических наук, доцент
Н. Г. Попович, доктор политических наук, кандидат филологических наук, доцент
О. Б. Элькан, доктор искусствоведения, кандидат культурологии, доцент
Э. Р. Зарединова, доктор педагогических наук, доцент
М. Р. Скоробогатова, доктор педагогических наук, доцент
Н. Л. Кабачек, кандидат искусствоведения, доцент
Е. В. Донская, кандидат культурологии, доцент
О. И. Микитинец, кандидат философских наук, доцент
А. В. Норманская, кандидат культурологии
А. В. Севастьянов, кандидат исторических наук

Г. Н. Гржибовская – литературный редактор
В. И. Цирульник – консультант по английскому языку
А. Н. Жаворонков – ответственный секретарь

Таврические студии № 29 / ГБОУВОРК «Крымский университет культуры,
искусств и туризма». — Симферополь : ООО «Антиква», 2022. — 88 с.

Выпуск подготовлен в рамках проведения Всероссийской конференции
«Философско-культурологическое наследие Н. Я. Данилевского: цивилизационный
вектор», посвященной 200-летию со дня рождения Н. Я. Данилевского.

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности
не несёт. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой
зрения редакционной коллегии.

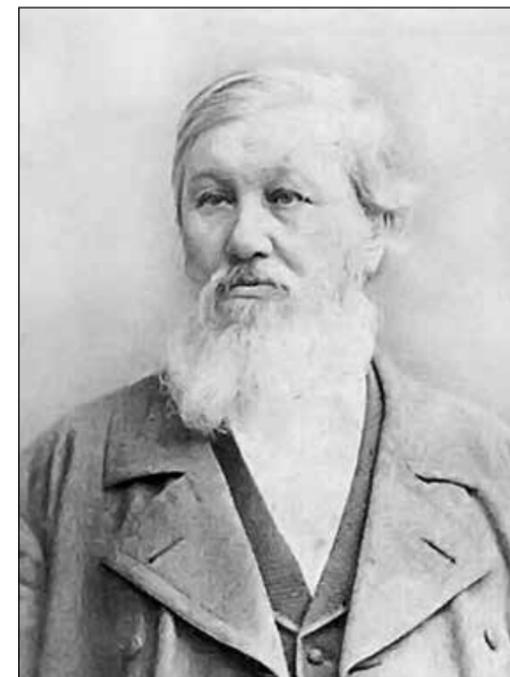
Журнал «Таврические студии» включён в национальную
информационно-аналитическую систему РИНЦ.

ISSN 2307-8758 (print)

© ГБОУВОРК «Крымский университет культуры,
искусств и туризма», 2022
© Оформление. ООО «Антиква», 2022

Министерство культуры Республики Крым
ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
Научно-образовательный центр
«Гражданское общество и социальные коммуникации»
ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ
ГАУК РК «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник»
Московское культурологическое общество
Научно-образовательное культурологическое общество (Крымский филиал)
Оргкомитет Культурного форума регионов России
АНО «Новый институт культурологии»

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ «Стратегии социокультурного развития России»

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЕКТОР»

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

В. А. Горенкин, А. В. Швецова

Культурное наследие как фактор формирования национальной идентичности

В статье рассматривается культурное наследие — материальное и нематериальное, взаимосвязь данных составляющих и роль в формировании коллективной и индивидуальной идентичностей.

Основой любой идентичности, в том числе и национальной, выступает культурная идентичность. Это позволяет утверждать о базовом значении культурного наследия для формирования национальной идентичности и, соответственно, определить основные направления деятельности общественных институтов.

Ключевые слова: культурное наследие, материальное культурное наследие, нематериальное культурное наследие, коллективная идентичность, индивидуальная идентичность, национальная идентичность, культурная ценность, социокультурная деятельность.

В настоящее время, когда общество приходит к пониманию важности сохранения национальной идентичности и национальной культуры как факторов национальной безопасности, особое внимание должно уделяться культурному наследию нации, выступающему основанием и результатом ее формирования, сохранения и развития.

В связи с этим в Стратегии национальной безопасности среди национальных интересов Российской Федерации на современном этапе отмечаются следующие приоритеты: «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исто-

рического наследия народа России», а одной из задач сохранения культурного суверенитета выступает «сохранение материального и нематериального культурного наследия российского народа» [12].

Это определяет актуальность данного исследования, целью которого является рассмотрение культурного наследия — как материального, так и нематериального — как важнейшего средства и основы формирования национальной идентичности, осознания нацией своей самобытности и уникальности, исторически сформированных ее особенностей и качеств, определяющих судьбу нации, ее настоящее и будущее.

Следует отметить, что тема культурного наследия и его роли в социальном развитии достаточно хорошо представлена в отечественной науке. Она является предметом научных интересов И. Г. Бойко, А. В. Бондарева, О. В. Галковой, С. П. Калиты, Ю. В. Кирюшиной, Д. С. Лихачева, В. П. Максаковского, Л. М. Мосоловой, А. Н. Панфилова, М. А. Полякова, Т. Б. Сабитова и др. Роли культуры в формировании национальной идентичности посвящены исследования таких ученых, как О. Н. Астафьева, С. А. Демина, М. Н. Громов, А. С. Каргина, И. В. Кондаков, А. А. Копсергенова, А. В. Костина, В. В. Кочетков, И. В. Малыгина, А. А. Никонова, Э. А. Орлова, В. А. Тишков, А. Я. Флиер и др.

При этом на наш взгляд, недостаточно изученными остаются вопросы о составляющих формирования национальной идентичности и соответствующих формах вовлечения культурного наследия в этот процесс. Именно этой проблеме и посвящена данная статья.

Исторически в нормативно-правовых документах понятие культурного наследия использовалось, прежде всего, в отношении материальных ценностей культуры и понималось как то, что мы сейчас называем материальным культурным наследием. Согласно принятой 16 ноября 1972 года Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия, «...под «культурным наследием» понимаются памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; архитектурные ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представля-

ющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии» [7].

То есть понятие «культурное наследие» касается объектов, имеющих уникальную, отражающую наивысшие достижения человеческой практики историческую, художественную, научную, эстетическую, антропологическую и онтологическую ценность.

Исторически культурное наследие понималось прежде всего как материальное, о чем свидетельствует гл. 1, ст. 1, п. 1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», где говорится о том, что одним из предметов регулирования выступают «... особенности владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) народов Российской Федерации как особым видом недвижимого имущества» [13].

Однако по мере понимания, что в формировании культурной уникальности и культурной идентичности, в том числе национальной, ведущее значение имеет духовная культура и духовные ценности нации, все большее внимание стало обращать на нематериальное культурное наследие.

Началом нормативно-правовой деятельности ЮНЕСКО, связанной с охраной нематериального культурного наследия, считается 1989 год, когда была принята «Рекомендация о сохранении традиционной культуры и фольклора», зафиксировавшая их международное признание как важнейшей составляющей культурного наследия человечества.

В данных рекомендациях фольклор понимается достаточно широко — как традиционная или народная культура — и представляет собой результат коллективного или индивидуального интеллектуального творчества, часть живой культуры, отражающий чаяния общества и определяющий его культурную и социальную самобытность. В них особо подчеркивается, что сохранение фольклора требует специальной целенаправленной деятельности государственных органов [9].

В указанном году в научный обиход вводится и само понятие «нематериальное культурное наследие». На совместной конференции ЮНЕСКО и Смитсоновского института была дана «Глобальная оценка Рекомендаций о сохранении фольклора», на основе которой создается Проект «Провозглашение шедевров устного и нематериального наследия», предусматривающий сохранение исключительно ценных образцов духовной культуры, находящихся на грани исчезновения [5].

Взаимосвязь материального и нематериального культурного наследия обозначена в 2001 году во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии. В данном документе культура и культурное наследие рассматриваются как система материальных и духовных (нематериальных) достижений человечества, «как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков — духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных», и подчеркивается, что «помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», системы ценностей, традиции и верования». В декларации отмечено, что культурное разнообразие не только является одним из источников экономического роста, но и средством, обеспечивающим полноценную интеллектуальную, эмоциональную, нравственную и духовную жизнь человека [3].

То есть понятие культурного наследия стало использоваться достаточно широко — включив в себя, по сути, весь накопленный нацией культурный опыт, представленный в памятниках материальной и нематериальной культуры.

Итоговым документом, ставшим основным международным правовым актом в деле охраны нематериального культурного наследия, явилась принятая 17 октября 2003 года ЮНЕСКО «Конвенция об охране нематериального культурного наследия», как дополнение к Конвенции ЮНЕСКО по вопросам охраны мирового культурного и природного наследия 1972 года.

В данном документе понятие «нематериальное культурное наследие» означает

«обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия». В нем же подчеркнуто, что нематериальное культурное наследие обеспечивает преемственность поколений, постоянно воссоздается людьми, формирует чувство их самобытности [7].

Согласно современным исследованиям, можно выделить следующие основные виды нематериального культурного наследия: имеющие физическое воплощение феномены духовной культуры, элементы уклада жизни соответствующего сообщества (религиозные обряды, формы традиционного хозяйствования, нормы образа жизни и т. д.); коллективные и индивидуальные формы выражения духовной культуры, которые не имеют физического воплощения (устное народное творчество, язык, песни, традиционная музыка и т.п.); метафорические и симбиотические значения (смыслы) феноменов культуры, относящихся к материальному культурному наследию, так как для каждого такого феномена «существует не только физическое, но и смысловое измерение, возникающее из истории и интерпретации, которой наделяют его остальные, из возможности, умения и таланта интерпретирующих связать воедино прошлое и настоящее» [4, с. 112].

Отличительная черта нематериального наследия состоит в том, что оно сохраняется в живом общении людей, передается в процессе их непосредственного взаимодействия и предполагает постоянный обмен соответствующей информацией. Это определяет трудность сохранения данного вида наследия, так как оно предполагает необходимость постоянной целенаправленной работы по сбережению не только памятников духовной культуры, но и всех культурно значимых форм и средств жизнедеятельности соответствующего субъекта — создателя, носителя и ретранслятора культурных ценностей.

Как отмечает Ю. В. Кирюшина, «передача традиционных нематериальных ценностей осуществляется от поколения поколению, от человека человеку, минуя институционально-организованные формы, они должны постоянно воссоздаваться человеческим сообществом; такой способ наследования делает их особенно хрупкими и уязвимыми» [6, с. 246].

При этом следует исходить из того, что материальное и нематериальное культурное наследие сущностным образом связаны между собой и существуют в едином поле человеческого мира, определяя его характерные черты и своеобразие, участвуя в формировании и развитии общества и личности, в том числе такого феномена, как национальная идентичность.

Именно национальная идентичность обеспечивает целостность и солидарность национального сообщества и определяет существование нации как особого исторического субъекта, обладающего уникальными социокультурными характеристиками, особым культурным наследием, особой судьбой. Именно национальная идентичность «связывает» поколения между собой и обеспечивает непрерывность национального существования. Основой этого и является национальная культура и такой ее важнейший элемент, как культурное наследие, которое всегда принадлежит конкретному народу, конкретной нации. Несмотря на глобалистские тенденции современного мира, национальные культуры и национальные государства играют ключевую роль в его развитии и существовании.

Как указывает Э. Смит, глобальная культура не отменяет культуру национальную, ибо культура укоренена во времени и пространстве, формирует коллективную память, соответствующие эмоции и «никакие наднациональные общности не могут породить чувства верности и привязанности», и потому «сейчас у нации нет серьезных соперников, способных привлекать чувства и верность большинства людей».

Э. Смит выделяет пять главных элементов национальной идентичности, такие как четко ограниченная территория

или «родина», публичная культура, экономическое единство, система всеобщих гражданских прав и обязанностей, мифы об общем происхождении и коллективная историческая память [11, с. 66].

Таким образом, мы видим, что национальная идентичность предусматривает отождествление индивида с нацией самым способом его существования. Если понимать культуру широко — как образ жизни, как, говоря словами С. Б. Синецкого, «характер жизненного устройства», то культура и культурное наследие входят во все элементы национальной идентичности, выделенные Э. Смитом, а потому без его освоения, производства и воспроизводства национальная идентичность (а значит, и нация) в принципе невозможна [10].

Культурная идентичность выступает основой любой другой идентичности, в том числе и национальной. Это отмечает, в частности, О. Н. Астафьева: «Что объединяет живущих на одной и той же территории людей с различными взглядами, статусами, различных возрастов? Прежде всего, язык и культура. Они составляют основу национальной идентичности и выступают в качестве мощного интегрального символического объединяющего ресурса» [2, с. 26].

Здесь возникает проблема взаимосвязи коллективной и индивидуальной идентичности, поскольку образ нации формируется на уровне коллективной идентичности, а сама нация предполагает личностный выбор каждого ее представителя и личностное соотнесение с ней. «В идеальном варианте модель коллективной идентичности, — отмечает О. Н. Астафьева, — выстраивается с учетом многообразия индивидуальных решений самоидентификации, которые оказываются встроенными в процесс конструирования коллективной идентичности» [2, с. 226].

Коллективная идентичность основана на признании и принятии фундаментальной схожести членов определенной общности — нации, если речь идет о национальной идентичности. Она проявляется в солидарности, коллективной деятельности, совместной работе,

досуге и т. п. Это образ, представление, которые общности – нация – конструируют относительно самой себя, и с которыми идентифицируют себя все ее представители. Образ, формирующийся в процессе социальных взаимодействий, освоения соответствующих культурных артефактов, в том числе, культурного наследия, воссоздания и поддержки традиций, и в то же время — производства новаторских форм материальной и нематериальной культуры.

При этом коллективная идентичность объективно и неразрывно связана с индивидуальной, благодаря которой устанавливаются чувственно-эмоциональные, ментальные связи индивида с другими представителями общности.

В связи с этим отмечается, что важнейшей проблемой является трансляция культурных ценностей и культурного наследия. В частности, А. А. Никонова, определяя данную трансляцию как многофункциональную и открытую систему с двумя типами связей, выделяет практическую деятельность соответствующих социальных институтов (музеев, архивов, библиотек, научных организаций) и трансляцию символическо-сущностных культурных ценностей, предполагающую производство и воспроизводство традиционных духовных практик, что «сродни художественному творчеству» [8, с. 207].

Здесь автор отмечает связь данных трансляций с коллективной и индивидуальной идентичностью: если коллективная идентичность усиливается «различными институциональными формами видимой части культурного наследия (музеями, мемориальными местами, школами, библиотеками и т. д.)» и основой ее формирования является, материальное культурное наследие, то «индивидуальная идентичность еще сохраняет связь с духовными практиками», и тогда основой этому выступает нематериальное культурное наследие [8, с. 208].

Все выше обозначенное предполагает систему социальных, политических и культурных мероприятий, направленных на формирование личной заинтересован-

ности в сохранении культурных традиций и переживании и ретрансляции духовного опыта в различных сферах человеческой жизнедеятельности «через практики природнения, когда «жизненные истории» каждого будут переплетаться с другими, по определению П. Рикера, в «повествовательной идентичности» национального сообщества» [8, с. 207–208].

По мнению того же автора: «...мы вправе говорить о том, что культурное наследие как ценностная часть культурного ресурса в большей мере связано с формированием индивидуального самосознания/идентичности, чем коллективного» [8, с. 208].

И это нацеливает современные практики формирования национальной идентичности на активное вовлечение в освоение культурного наследия каждого представителя нации, создание для этого соответствующих условий.

На наш взгляд, исходя из выделенных Э. Смитом основных элементов национальной идентичности, необходимо сосредоточить внимание на таких явлениях, как, во-первых, культурный хронотоп, во-вторых, национальная мифология, в-третьих, быт или повседневные формы жизнедеятельности человека, в-четвертых, культурно-национальная нормативность, в-пятых, культурная, в том числе художественная, деятельность общества в ее устоявшихся, национально-специфицированных и инновационных формах, вытекающих из необходимости социокультурного развития и связанных с традиционной культурой.

Все это представлено в материальном и нематериальном культурном наследии нации, которое необходимо не только сохранять, но и вовлекать в его освоение, воспроизводство и производство конкретных людей — представителей нации и носителей национальной культуры, используя все доступные соответствующей социокультурной среде средства.

Основными векторами общественной деятельности, направленными на формирование и функционирование национальной идентичности, выступают:

— формирование и передача в процес-

се образования личности знаний, которые аккумулируются в культурном наследии и выступают рационально-когнитивной основой индивидуальной и национальной идентичности, позволяют осознать и оценить историческое прошлое и перспективы соответствующей нации, исторические особенности ее формирования и развития;

— формирование чувств и эмоций, формирующихся и функционирующих в процессе личностных и групповых переживаний исторических событий и культурных артефактов, представляющих наиболее значимые для национального развития события и феномены истории и культуры;

— формирование национального кода – системы стереотипов, понятий, представлений и смыслов, представленных в языке, литературе, фольклоре, традициях, нравах, обычаях, обрядах, искусстве, ремеслах, хозяйственных и бытовых, повседневных, практиках;

— внедрение в социальную практику символов, образов и брендов как интегративных когнитивно-эмоциональных

феноменов культуры, транслирующих и представляющих национальный имидж, национальные ценности и идеи;

— донесение до массового и индивидуального сознания содержания памятников материального и нематериального национального культурного наследия;

— внедрение в социальную практику и сознание ценностных ориентаций и культурных норм как регуляторов национального поведения и поведения конкретного индивида;

— активизация деятельностной составляющей, то есть непосредственного участия в различных социокультурных практиках, направленных на производство и воспроизводство различных культурных артефактов – как материальных, так и нематериальных.

На это должны быть направлены системы воспитания и образования, деятельность политических, экономических, социальных, культурных институтов различных уровней и форм, социокультурная деятельность конкретных представителей нации.

1. Астафьева О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории. – 2011. – Т. 5. – С. 223–241.
2. Astafyeva O. Instability of cultural identity in the modern world and its projections in creative industries / O. Astafyeva // The 4-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. – Book 2. – Ancience science. – Vol. II. – Sofia, Bulgaria, 2017. – P. 25–32.
3. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. – Текст: электронный – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения 24.04.2022).
4. Галкова О. В. Теоретические основы культурного наследия / О. В. Галкова // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 7. – № 3 (15). – 2011. – С. 110–114.
5. Каргин А. С., Костина А. В. Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке / А. С. Каргин, А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 3. – С. 59–71.
6. Кирюшина Ю. В. Нематериальное культурное наследие – актуальное понятие современности / Ю. В. Кирюшина // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 2–1 (70). – С. 244–247.
7. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. – Текст: электронный. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения 24.04.2022).
8. Никонова А. А. Культурное наследие и формирование идентичности / А. А. Никонова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – № 2. – 2009. – С. 203–209.
9. Рекомендация о сохранении традиционной культуры и фольклора. – Текст: электронный. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902084650> (дата обращения 24.04.2022).
10. Синецкий С. Б. Культурные трансформации в XXI веке: осмысление перспектив / С. Б. Синецкий // Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. – 2012. – № 3 (9). – URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/146.html&j_id=11 (дата обращения 24.04.2022).
11. Сокулер З. А. 2000.03.006. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический анализ современных теорий наций и национализма. Smith A/D/ Nationalism and modernism: a critical survey of recent theories of nations A. nationalism. L.; N. Y.: Routledge, 1998. XIV, 270 p. Bibliogr.: p. 244–263. Incl.: p. 264–270 / З. А. Сокулер // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 11: Социология: Реферативный журнал. – 2000. – № 3. – С. 30–70.
12. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [справ.-правовая система]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 24.04.2022).
13. Федеральный закон № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [справ.-правовая система]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 24.04.2022).

The article examines the cultural heritage — material and immaterial, their interrelation and role in the formation of collective and individual identities. It is noted that the basis of any identity, including national identity, is cultural identity. This allows us to assert the basic importance of cultural heritage for the formation of national identity and, accordingly, to determine the main activities of public institutions.

Keywords: *cultural heritage, tangible cultural heritage, intangible cultural heritage, collective identity, individual identity, national identity, cultural value, socio-cultural activity.*

УДК: 930.85+130.2

О. А. Митрошенков

Славянофилы и современная русская историософия: влияние и идентичность

В статье речь идет о славянофилах, их идеях в современных контекстах отечественной культурной жизни. Кризис профессиональной историографии, выразившийся в распаде «национально-официальной парадигмы», обнаружился в сознании исследователей в трудно разрешимом противоречии — необходимости и привычке соблюдать высокие требования профессии, с одной стороны, и в осознании трудности осуществления такого подхода — с другой. Рассматривается ряд особенностей, используемых в современных историософских текстах дискурсивных практик.

Ключевые слова: *славянофилы, новая историософия, русская идея, русский путь, постсоветский философский дискурс.*

Философские интуиции славянофилов отчетливо проявились в ходе последующего развития отечественной философской мысли. Однако, пожалуй, трудно было предположить, что влияние идей и концептов славянофилов окажется весьма значительным в постсоветский период (как, впрочем, и сам спор славянофилов и западников). Сами славянофилы, несомненно, немало удивились бы масштабам такого влияния, имея они возможность заглянуть в будущее.

Об особенностях и формах этого влияния речь пойдет ниже, пока же отметим следующее. Подобный поворот дела говорит, с одной стороны, об онтологичности, жизненности, укорененности основных идей славянофилов на российской почве. Эти идеи выявляют и отражают слишком глубокие основания русской жизни, чтобы просто бес-

следно исчезнуть в глубинах времени и истории и остаться всего лишь вехой, пусть и значительной, на пути развития русского самосознания и философской мысли, а также достоянием только до-тошных и кропотливых исследователей. И неудивительно, что после нескольких десятилетий практического отсутствия идей славянофилов в отечественном философском дискурсе и научном обороте интерес к ним резко возрос, и на этой основе возник целый пласт современной философской литературы, прежде всего историко-философской.

С другой стороны, невольно возникает впечатление, что в этом обнаруживается некая вторичность современной отечественной философской мысли по отношению даже к собственной философии, развивавшейся великими предшественниками, в том числе славянофилами, а не

только по отношению к современной западной философии¹. Иначе трудно объяснить весьма масштабное использование в постсоветский период историсофских построений и ведущих концептов славянофилов целой группой исследователей в различных областях гуманитарного и социального знания – культурологии, политологии, социологии, истории и, разумеется, философии. Речь, понятно, не об историках философии: упрек в таком виде не может быть адресован им – людям, которые осознанно избрали предметом своего исследовательского интереса различные аспекты многогранного творчества славянофилов. Речь, прежде всего, об исследователях, которые стремятся разрабатывать собственные оригинальные концепции.

Влияние славянофилов проявилось прежде всего в том, что (и это можно констатировать) в отечественном социально-гуманитарном знании последних 10–15 лет образовался значительный массив произведений, авторы которых идентифицируют свои работы с жанром «историсофии», столь характерном для творчества славянофилов. Масштабность этого массива вызывает необходимость его теоретического исследования, и одна из первых попыток такого анализа уже осуществлена, в частности, Г. И. Зверевой².

Исследовательница рассматривает прежде всего «способы конструирования концептосферы новой «историсофии» в связи с дискуссиями о современной цивилизационной специфике России, ее месте в истории и современном мире», а также вопрос о том, как в процессе авторского письма формируются определенные авторские

¹ Мы отдаем себе отчет в спорности и дискуссионности этого утверждения, особенно второй его половины, которое, впрочем, принадлежит вовсе не нам. Мы не развиваем здесь эту мысль в собственную систему доказательств, потому, что, во-первых, эта проблема не является основной в данном исследовании, выходя далеко за его рамки, а во-вторых, это не может доставить никакого творческого удовлетворения, скорее напротив.

² См.: Зверева Г. И. Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой «историсофии» // *Общественные науки и современность*. 2003. № 4. С. 98–111.

риторические стратегии³. В этих целях используются приемы дискурсивного анализа текстов, что, по замыслу Г. И. Зверевой, позволяет сосредоточиться на конкретных процедурах построения авторами *познавательной матрицы* (курсив Г. И. Зверевой): отборе и означивании ключевых слов-концептов, технологиях их применения как формул конвенционального знания с целью «приведения к известному» новых идейно-политических и социально-культурных реалий России и т.д. Обращение к текстам, дискурсивный их анализ дают возможность, по мнению исследователя, выявить из идеологической и концептуальной разноголосицы черты риторической общности «историсофского» нарратива, а также обратить внимание не только на способы порождения культурных значений в процессе создания новых историсофских концепций, но и на их *прагматику*, условия распространения и закрепления в массовом быденном сознании.

Отнесение постсоветскими авторами своих произведений к «историсофии», несомненно, подразумевает преемственность содержащихся в них современных концепций взаимосвязи исторического прошлого, настоящего и будущего (прежде всего России) с отечественной интеллектуальной традицией. Правда, Г. И. Зверева почему-то полагает, что такая традиция начинается лишь со второй половины XIX века, в то время как историсофия имеет гораздо более ранние корни, о чем речь шла выше. По крайней мере, славянофилы создавали свои историсофские труды уже в первой половине этого века. Впрочем, справедливым представляется замечание Зверевой о том, что контексты работ наших современников обусловлены прежде всего *текущими* процессами политической, социальной, культурной жизни страны». Важный стимул для размышлений автор усматривает в непрерывной общественной полемике о месте России в мире. Возможности собственного позиционирования для авторов историсофских произведений расположены в широком диапазоне,

³ См.: Зверева Г. И. Указ. соч. С. 98.

противоположными полюсами которого является определение России как *периферии* процессов модернизации, с одной стороны, и как *духовно-культурного центра* грядущего мира — с другой.

Трудно не согласиться с мыслью Г. И. Зверевой о том, что создание корпуса новых историсофских произведений как особого жанра «историографического письма» во многом порождено ломкой идеологизированной государственной концепции советской российской истории, которая произошла в конце 1980 – начале 1990-х годов. Содержательное переосмысление различных аспектов отечественной истории совершалось при деятельном участии писателей и публицистов, заметно опережавших профессиональную историографию в «переименовании прошлого». Расширение политических и гражданских свобод, снижение уровня идеологической нагрузки теоретико-методологических аспектов и проблем русской истории, философии и истории философии открыли возможность приобщения к этой полемике массы людей и, казалось бы, подтверждали право любого человека авторитетно рассуждать о прошлом с позиции «здорового смысла».

Однако для российских академических сообществ — философского, исторического, политологического, культурологического и т.д. — это означало появление новой проблемы — проблемы уровня, а также выбора языка для научных исследований и учебной литературы. Кризис профессиональной историографии, внешне выразившийся в распаде «национально-официальной парадигмы», обнаружился в сознании исследователей в трудно разрешимом противоречии: необходимости и привычке соблюдать высокие требования профессии, с одной стороны, и в осознании трудности осуществления такого подхода — с другой. Преодоление этого противоречия как будто бы происходило во многом за счет включения в практику исследовательской работы процедур быденного мышления, введения в профессиональный исторический, философский и историко-философ-

ский дискурс архаических идей-образов и концептов коллективной памяти. Очевидная укорененность в постсоветском быденном сознании политизированных образов, штампов-идеологем из литературы и средств массовой информации, казалось бы, требовала от исследователей осторожности в обновлении лексикона. Тем не менее, замечает Г. И. Зверева, им представлялось привлекательным использование в своих произведениях такого свойства быденного мышления, как внепарадигмальность, позволявшего соединять в историческом сознании «несовместимости» повседневной жизни⁴.

Таким образом, в ходе реализации естественного желания исследователей создать обновленную концепцию «национальной истории» России или историческую панораму отечественной философии (ввести, например, цивилизационный подход в качестве ведущего объяснительного принципа, откорректировать содержание базовых понятий и пространственно-временное измерение российской истории, расширить набор соответствующих концептов и т.д.) нередко сочетались приверженность жестким научно-исследовательским нормам, с одной стороны, и недостаточно критическое использование клише и стереотипов массового сознания — с другой.

Приблизительно в таком социально-политическом и научном контексте появилось немало работ, авторы которых относят их к «историсофским». Их основу обычно составляют различные концепции о *цивилизационной, культурной и исторической* специфике России, ее *Пути* в прошлом, настоящем и будущем, ее *исторической миссии*, а также о содержании и возможности реализации *Русской идеи* и т.д.⁵

⁴ См.: Зверева Г. И. Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой «историсофии» // *Общественные науки и современность*. 2003. № 4. С. 99.

⁵ См., например: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3 тт. Новосибирск, 1991; Дугин А. Г. Основы геополитики. Мыслить пространством. М., 2000; Дугин А. Г. Эволюция национальной идеи Руси (России) // *Отечественные записки*. 2002, № 3 (4); Ерасов Б. С. Выбор

Сравнение постсоветских «историософских» произведений с русской историософией XIX – начала XX века, в частности, славянофилов, вызывает устойчивое «впечатление о заимствовании, уподоблении, имитации современными авторами этой формы и стилистики» (Г. И. Зверева) творчества. На это обращает внимание и Е. Рашковский, наблюдение которого, сделанное, в частности, при анализе одного из «историче-

России в евразийском пространстве // Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1994; Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; Кантор В. К. «Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997; Кантор В. К. Цивилизация как проблема «русского пути» // Россия и Запад. Диалог или столкновение культур? М., 2000; Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М., 2001; Можайскова И. В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России. Опыт метаисторического исследования. В 4 ч. М., 2002; На перепутье (новые веки): Судьбы интеллигенции. Российское общество и власть. Культурное своеобразие и либеральный реформизм. Россия и мир на рубеже веков. М., 1999; Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998; Основы евразийства (серия «Национальная идея» Политическая партия «Евразия»). М., 2002; Панарин А. С. Православная идея в глобальном мире. М., 2002; Панарин А. С. Россия на крутых поворотах истории. М., 1999; Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) // Русский исторический журнал. 1998. Т.1. № 1; Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М., 2003; Пивоваров Ю. С. Русская мысль. Система русской мысли и Русская система (опыт критической методологии). Ст. 1. // Русский исторический журнал. 1998; Платонов О. А. Русская цивилизация. М., 1992; Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты). К 70-летию М. П. Мчедлова. М., 1998; Российский цивилизационный космос (к 70-летию А. Ахиезера). М., 1999; Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. М., 1995; Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М., 2001; Троицкий Е. С. О русской идее. Очерки теории возрождения нации. М., 1994; Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М., 2001; Цымбурский В. Л. Россия – земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000; Чубайс И. Б. От Русской идеи – к идее Новой России. М., 1996; Шафаревич И. Р. Русский вопрос. М., 2003; Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999 и другие.

ских» текстов В. К. Кантора, приводит Г. И. Зверева: «Свой подход к историческому материалу Владимир Карлович определяет как историософский. Признаюсь, такое определение автором своей исследовательской позиции повергает меня в некоторое смущение. Ибо, во-первых, само понятие *историософии*, предполагая интуитивно-глобальную трактовку исторических судеб, несет в себе некоторые исторические коннотации; это — буквально — не просто философская трактовка истории, но некоторое мудрствование об истории как таковой; во-вторых, всякая развернутая философская трактовка истории предполагает обоснование некоторых предпосылок по части общих принципов и процедур исторического познания. Но такого рода обоснования в книге отсутствуют. Однако, снявши это «историософское», т.е. чисто понятийное, недоразумение, мы увидим перед собой серьезную *эссеистику* по части общих исторических судеб России — эссеистику выстраданную и по своему продуманную»⁶. Добавим к этому, что эссеистика, даже самая серьезная и продуманная, не заменяет собой философской трактовки истории, которая (трактовка) с точки зрения современных требований и в современном виде представляет собой преимущественно все же теоретическое исследование.

Несомненно, динамика заимствования и имитирования современными авторами жанрового своеобразия, формы и стилистики творчества славянофилов в значительной степени обусловлена особенностями политической борьбы и становления новой российской государственности. В ходе острого соперничества партий и движений, попыток формирования многопартийной системы был реанимирован (и в общем продолжается) старый спор славянофилов и западников, оказавшийся значимым ракурсом и эффективным

⁶ Рашковский Е. Б. Профессия — историограф: материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. Новосибирск, 2001. С. 168. См. также: Зверева Г. И. Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой «историософии» // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 99.

средством политической борьбы за власть и влияние на избирателей. Распространенный характер приобрело обращение к историософским построениям П. Я. Чаадаева, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, а затем Н. Я. Данилевского, И. А. Ильина, В. С. Соловьева, Г. Ф. Федотова, Н. А. Бердяева, Н. Трубецкого, П. Н. Савицкого и других мыслителей. В формировании новых дискурсов приняли деятельное участие средства массовой информации и публицистика, которые по-разному, в зависимости от идейно-политических ориентаций и групповых интересов, апеллировали к тому или иному типу «особого исторического опыта России».

Наглядная смена социальных настроений в стране — от наивно-утопических надежд на быстрое вхождение России в «цивилизованное мировое сообщество», стимулировавших приверженность к неозападничеству и либерализму, к разочарованиям второй половины 1990-х годов и заметному усилению почвенническо-государственнических позиций — усиливала интерес власти и интеллектуальной элиты к таким концептам и словосочетаниям, как *Российская (Русская) цивилизация, Русская идея, Русский путь, Судьба и историческая миссия России* и т.д. Разные субъекты философствования и политики вкладывали в эти концепты разное содержание, в меру своего понимания переосмысливали их, хотя в общественных дискуссиях негласно присутствовала и доминировала мысль о них как своего рода архетипах, универсалиях, духовных константах российской истории и бытия.

В этом контексте историософские построения XIX – начала XX века, и прежде всего славянофилов, приобрели «канонический» характер и продолжают использоваться для создания новых конструкций, идеологических схем и мифологем. Такая их востребованность отчасти обусловлена официальной концепцией естественной преемственности новой России с Советским Союзом и Российской империей. В официальных дискурсах историософские «готовые формы» служат обо-

снованием цивилизационной, культурной идентификации и геополитического позиционирования в современном усложняющемся мире, аргументами в пользу ее особого местоположения между Западом и Востоком⁷.

Однако не только этим политическим обстоятельством объясняется интеллектуальная активность российских философов, историков, социологов, политологов, культурологов, филологов, связанная с обращением к творчеству славянофилов и возвышением жанра историософии в социально-культурной среде. Как считает Г. И. Зверева, историософские концепты, ресемантизированные соответственно новым политическим и социокультурным реалиям, используются и для «теоретико-методологической разработки более общих познавательных установок, призванных заполнить лакуну, которая образовалась в социально-гуманитарном знании после «ухода» официального обществоведения»⁸. В этом она вторит В. К. Кантору, который, характеризуя современную ситуацию в России как «историософский вызов», полагает: «Историософское осмысление пути России — одна из постоянных тем и проблем русской мысли. Представляется, что в резко изменившейся жизненной ситуации наших дней эта традиция нуждается в продолжении и развитии. Уже недостаточен анализ историософских идей прошлого, необходим сегодняшний, рожденный нынешним положением дел анализ «русского пути»: слишком серьезен и значителен пережитый и накопленный Россией опыт, чтобы не попытаться его заново осмыслить»⁹. Мы полностью разделяем позицию этого авторитетного исследователя. Вопрос, однако, в том, как этот посыл реализуется.

⁷ См.: Зверева Г. И. Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой «историософии» // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 100.

⁸ См. также: Зверева Г. И. Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой «историософии» // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 100.

⁹ Кантор В. К. «Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997. С. 13.

В основе современных историософских текстов и конструкций российских авторов лежат различные идейно-политические концепции. Как утверждает Г. И. Зверева, эти концепции, закрепленные в соответствующих дискурсивных формациях, образуют разные сочетания *содержательно непроблематизируемых* риторических конструкций, которые, будучи представлены в определенном наборе, способны выглядеть как конкурирующие друг с другом способы высказывания¹⁰.

На наш взгляд, кое с чем в этом утверждении Г. И. Зверевой можно согласиться. Например, с тем, что в основе современных историософских текстов и конструкций лежат различные идейно-политические концепции. Или с тем, что эти концепции закреплены в соответствующих «дискурсивных формациях», а риторические конструкции, пусть даже и «содержательно непроблематизируемые», способны между собой конкурировать. Однако дальше возникают вопросы, и не один.

Прежде всего, вызывает вопрос самое главное: не вполне ясно, что значит «содержательно непроблематизируемые» риторические конструкции? Возможно, и с этим суждением можно было бы согласиться, если бы было понятно, о чем идет речь, т.е. если бы авторское суждение о неких «содержательно непроблематизируемых» риторических конструкциях само оказалось здесь достаточно «содержательно проблематизируемым». Мы можем об этом лишь догадываться. На наш взгляд, непроблематизируемое содержание означает, что существует набор слов, их сочетаний, суждений, высказываний, предполагающих определенное содержание, в котором, однако не просматривается реальная теоретическая проблема. Пытаться ставить здесь проблему — значит ломиться в открытые двери. Кроме того, непроблематизируемое содержание — значит содержание, не поддающееся инструментализации и операционализации

¹⁰ См.: Зверева Г. И. Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой «историософии» // *Общественные науки и современность*. 2003. № 4. С. 100–101.

каким-либо измерителям, показателям, индексам и т.д., и наоборот.

Таково наше очень кратко представленное понимание проблематизации (или непроблематизации) какого-либо содержания. Мы не уверены, что оно совпадает с тем, которое имманентно содержится в высказывании Г. И. Зверевой, иначе бы не возникло и вопросов.

Но в свете вопроса о сути «проблематизации» возникает другой вопрос: где пределы проблематизации какого-либо содержания? Как их установить? И кто их устанавливает? К тому же в стремлении к проблематизации важно не отождествить средства философии и социологии, философии и политологии, философии и культурной антропологии и т.д. Ибо то, что проблематизируемо в социологии или культурологии, может не быть таковым в философии или политологии.

И третий вопрос: оказывается, лежащие в основе современных историософских текстов идейно-политические концепции представляют собой риторические конструкции, да еще «содержательно непроблематизируемые»! Это что-то новое! Пусть даже они, как справедливо утверждает далее Г. И. Зверева, располагаются в широком диапазоне *между* либеральной миросистемностью и почвенническим изоляционизмом, а их авторов лишь *условно* можно отнести к таким направлениям, как неолиберализм, неоконсерватизм, неоевразийство, традиционализм-почвенничество. Но ведь известно, что на основе части из этих идеологий возникли весьма развитые общества Старого и Нового Света, да и в Азии тоже. А они, эти идеологии, эти широко известные идейно-политические направления есть, оказывается, всего лишь «содержательно непроблематизируемые» риторические конструкции? С этим довольно трудно согласиться.

Остается предположить, что этот ракурс рассмотрения не исчерпывает всего понимания Г. И. Зверевой такого сложного феномена, как идейно-политические концепции, что она не ограничивается их трактовкой как лишь риторических конструкций, и что речь идет лишь о таком

аспекте рассмотрения этих концепций, как закреплённость их «в соответствующих дискурсивных формациях».

Такие неточности и некорректности, хотя и малые числом, в анализе Г. И. Зверевой вызывают не только досаду, но и ощущение, что они обусловлены не только небрежностью, не только научно-теоретическими, но, отчасти, и идейно-политическими позициями автора, против смешения которых она сама же и выступает.

Несомненно, границы между названными идейно-политическими направлениями относительно и довольно размыты. Да и сами названия их также достаточно условны и мало идентифицируемы с привычными для западного сознания критериями деления. О трудностях типологии постсоветского «историософского» дискурса говорит и А. Малинкин. Выделяя «революционаристский», «либералистский», «центристский», «консервативный», «фундаменталистский» типы дискурсов, он настаивает на относительности такого разграничения, поскольку, по его мнению, на формаль-

ном уровне тексты такого рода содержат в себе больше сходных, причем негативного характера, черт, нежели различий. «Явно выраженная философичность, или философская нагруженность, дискурса по новой российской «идентичности» сочетается с недостаточной теоретичностью и концептуальной самостоятельностью авторских позиций, их слабой эмпирической обоснованностью, подчиненностью элементов исторического подхода определенным идейным и идеологическим доктринам. Возможно, этот контраст при таком характере темы был бы вполне оправдан, если бы указанная философичность не представляла собой довольно часто выражение известных ценностно-мировоззренческих стереотипов и клише, этнонациональных предрассудков и мифов, не носила отпечатка интеллектуальной моды, не отражала господствующие ныне иллюзии и самообманы общественного сознания»¹¹.

¹¹ Малинкин А. Н. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // *Социологический журнал*. 2001. № 4. С. 68.

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. / А. С. Ахиезер. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1991.
2. Дугин А. Г. Основы геополитики. Мыслить пространством / А. Г. Дугин. — Москва: Арктогея-центр, 2000. — 928 с.
3. Дугин А. Г. Эволюция национальной идеи Руси (России) / А. Г. Дугин // *Отечественные записки*. — 2002. — № 3 (4). — С. 125–140.
4. Ерасов Б. С. Выбор России в евразийском пространстве / Б. С. Ерасов // *Цивилизации и культуры*. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. — Москва, 1994. — С. 39–59.
5. Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. — Москва: Алетейя, 2003. — 235 с.
6. Зверева Г. И. Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой «историософии» / Г. И. Зверева // *Общественные науки и современность*. — 2003. — № 4. — С. 98–111.
7. Ильин В. В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / В. В. Ильин, А. С. Ахиезер — Москва: Изд-во МГУ, 2000. — 304 с.
8. Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки / В. К. Кантор. — Москва: РОССПЭН, 1997. — 479 с.
9. Кантор В. К. Западничество как проблема «русского пути» / В. К. Кантор // *Россия и Запад. Диалог или столкновение культур?* — Москва: РИК, 2000. — С. 6–30.
10. Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ) / В. К. Кантор. — Москва: РОССПЭН, 2001. — 704 с.
11. Малинкин А. Н. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания / А. Н. Малинкин // *Социологический журнал*. — 2001. — № 4. — С. 66–86.
12. Можайскова И. В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России (Опыт метаисторического исследования). В 4 ч. / И. В. Можайскова. — Москва, 2002.
13. На перепутье (новы вехи): Судьбы интеллигенции. Российское общество и власть. Культурное своеобразие и либеральный реформизм. Россия и мир на рубеже веков. — Москва: Логос, 1999. — 239 с.
14. Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива / И. Б. Орлова. — Москва: Норма, 1998. — 280 с.

15. Панарин А. С. Православная идея в глобальном мире / А. С. Панарин. – Москва: Алгоритм, 2002. – 496 с.
16. Панарин А. С. Россия на крутых поворотах истории / А. С. Панарин. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1999.
17. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается в России / А. П. Паршев. – Москва: АСТ, 2009. – 352 с.
18. Петрова М. В. Парадигмы русской национальной идеи: история и современность: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.03 / М. В. Петрова. – Москва, 2000. – 376 с.
19. Пивоваров Ю. С. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) / Ю. С. Пивоваров, А. И. Фурсов // Русский исторический журнал. – 1998. – Т.1. – № 1.
20. Пивоваров Ю. С. Русская мысль. Система русской мысли и Русская система (опыт критической методологии). Ст.1 // Русский исторический журнал. – 1998. – № 3.
21. Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа / О. А. Платонов. – Москва: Алгоритм, 2010. – 944 с.
22. Рашковский Е. Б. Профессия – историограф: материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия / Е.Б. Рашковский. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 249 с.
23. Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты). К 70-летию М. П. Мчедлова. – Москва, 1998.
24. Российский цивилизационный космос. К 70-летию А. Ахиезера / ред. В. В. Ильин, А. П. Давыдов, В. Ф. Бирюков. – Москва: Эйдос, 1999 – 308 с.
25. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь / отв. ред. М. П. Мчедлов. – Москва: Республика, 2001. – 544 с.
26. Троицкий Е. С. О русской идее: Очерки теории возрождения нации. В 2 ч. / Е. С. Троицкий. – Москва: АКИРН, 1994. – 313 с.
27. Уткин А. И. Мировой порядок XXI века / А. И. Уткин. – Москва: ЭКСМО: Алгоритм, 2002. – 509 с.
28. Фурсов А. Представляю номер (или о глобализации и не только о ней) / А. Фурсов // Русский исторический журнал. – 1998. – Т. 1. – № 4. – С. 17–26.
29. Цымбурский В. Л. Россия – земля за Великим Лимитрофом (цивилизация и ее геополитика) В. Л. Цымбурский. – Москва: УРСС, 2000. – 144 с.
30. Чубайс И. Б. От Русской идеи – к идее Новой России: как нам преодолеть идейный кризис / И. Б. Чубайс. – Москва: Гитис, 1996. – 104 с.
31. Шафаревич И. Р. Русский вопрос / И. Р. Шафаревич. – Москва : Алгоритм : Алгоритм-книга, 2003. – 543 с.
32. Шкаратан О. И. Информационная экономика и пути развития России / О. И. Шкаратан // Мир России. – 2002. – Т. XI. – № 3. – С. 44–61.
33. Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы / И. Г. Яковенко. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 213 с.

The article deals with Slavophiles, their ideas and influence in modern contexts of Russian cultural life. The crisis of professional historiography, expressed in the collapse of the “national-official paradigm”, was revealed in the minds of researchers in a difficult contradiction – the need and habit to comply with the high requirements of the profession, on the one hand, and in the awareness of the difficulty of implementing such an approach, on the other. A number of features of discursive practices used in modern historiosophical texts are considered.

Keywords: slavophiles, new historiosophy, russian idea, russian way, post-Soviet philosophical discourse.

УДК 338.48

В. В. Верна, Э. Э. Ибрагимов

Трансформация организационной культуры предприятий индустрии туризма в условиях цифровизации

В статье изучены теоретические аспекты организационной культуры туристического предприятия, рассмотрена сущность процесса трансформации организационной культуры в условиях цифровизации, показана роль персонала туристического предприятия в цифровизации организационной культуры. Систематизированы принципы цифровой трансформации организационной культуры туристического предприятия, сформулированы ее этапы и перечень ключевых компетенций персонала, необходимых для успешного прохождения процедур трансформации.

Ключевые слова: культура, организационная культура, предприятие, туризм, индустрия туризма, персонал.

Актуальность. Динамические изменения среды функционирования современных рынков неизбежно ведут к поиску путей оптимизации основных бизнес-процессов в деятельности предприятий, в том числе и в индустрии туризма. Решению этой проблемы способствует внедрение достижений цифровизации экономики. Туриндустрия является лидирующей отраслью по темпам цифровизации поскольку имеет ключевое значение в сфере продвижения услуг туристских предприятий и представляет собой особую форму коммуникаций между покупателями и продавцами туристских услуг [6]. В условиях пандемийных ограничений и постпандемийных реалий, отягощенных экономическими санкциями, актуализируется потребность в поиске новых резервов повышения эффективности принимаемых управленческих решений по оптимизации расходования

ресурсов и улучшению условий функционирования предприятий туриндустрии РФ для сглаживания негативных эффектов от действия экономических санкций, влияющих на предприятия отрасли.

Одним из управленческих механизмов, позволяющим обеспечить эффективное прохождение предприятием процессов цифровых трансформаций, является организационная культура предприятия туристической индустрии. Чтобы компания смогла использовать потенциал, который открывает переход к цифровым решениям, и смягчить негативное влияние последующего за этим переходом сопротивления изменениям со стороны персонала, важно работать с организационной культурой, поддерживающей необходимость цифровизации предприятий туриндустрии. Соответственно, возникает необходимость цифровой трансформации организационной культуры предприятий

отрасли для обеспечения адаптивности при их переходе к цифровым решениям в своей деятельности.

Постановка проблемы. По мере распространения цифровых технологий предприятия туристической индустрии должны развиваться и использовать такие технологии для эффективности и устойчивого роста. Для этого необходимо работать с организационной культурой внутри предприятий. Туристические предприятия, не осознающие суть цифровой трансформации, необходимых культурных изменений, обречены на то, что их ныне существующая организационная культура не позволит реализовать ее возможности. Сейчас таких компаний в России достаточно много. Начинать цифровую трансформацию следует не с конкретных цифровых технологий — AR и VR, обработки Big Data и создания цифровых двойников, а с изменения организационной культуры туристического предприятия, ее основополагающих принципов и убеждений. Каждая отдельная компания должна сфокусировать свои усилия на преодолении тех ограничивающих убеждений, которые характерны именно для нее и ограничивают ее возможности достижения больших результатов. То есть можно говорить о необходимости общей цифровой трансформации организационной культуры предприятий туристической индустрии.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретические основы формирования и развития организационной культуры активно исследуются в мировой и отечественной научной литературе. Среди зарубежных ученых различные аспекты этой проблемы изучали: М. Армстронг, Р. Акофф, Т. Дил, К. Дэвис, П. Друкер, А. Кеннеди, У. Оучи, К. Камерон, Р. Куинн, Дж. Ньюстром, Р. Уотерман, Г. Хофстеде, С. Ханди, Е. Шейн. Достижения российской науки и практики в этом научном направлении представлены в трудах В. А. Баринава, О. С. Виханского, Г. А. Кононовой, Т. О. Соломанидиной, Э. А. Капитонова, А. Н. Асаула, О. Г. Тихомировой. В работах этих ученых раскрывается сущность

организационной культуры, рассматриваются различные типологии и подходы к оценке и управлению ее развитием.

Вопросы особенностей формирования и развития организационной культуры на предприятиях индустрии туризма и гостеприимства рассматриваются в научных трудах Р. Е. Алюшина, С. А. Виноградовой, Н. В. Камкина, Т. Е. Лебедева, Р. В. Лотышева, А. Н. Полухиной, Т. Д. Торхова, Е. В. Яшковой и др. [1; 7; 8; 11; 13].

В исследованиях Е. В. Аноприевой, И. В. Богомазовой, Е. В. Вишневецкой, В. М. Кицис, Е. А. Морозовой, Э. М. Лебедевой, Л. А. Овчаренко, Т. В. Темяковой, Т. В. Черевичко раскрыты темы сущности и форм проявления цифровизации в индустрии туризма [3; 4; 6; 12], влияния цифровых технологий на развитие туристского рынка, тенденции и перспективы цифровых трансформаций в туризме. Однако в научных трудах современных теоретиков и практиков не уделяется должного внимания необходимости проведения цифровых трансформаций в организационной культуре туристических предприятий.

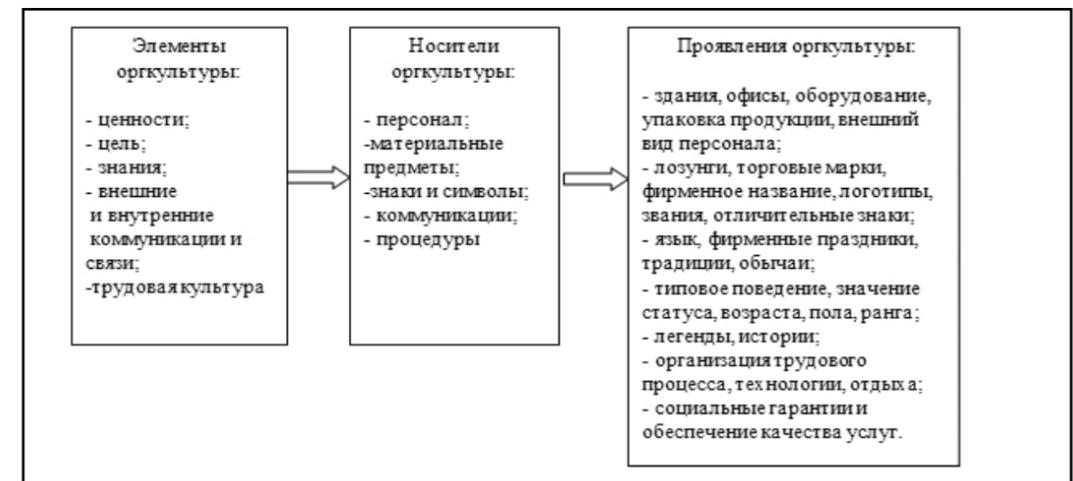
Целью исследования является определение содержания и порядка трансформации организационной культуры предприятий индустрии туризма в условиях цифровизации.

Объектом исследования выступает организационная культура предприятий индустрии туризма.

Предмет исследования — процесс трансформации организационной культуры предприятий индустрии туризма в условиях цифровизации.

Изложение основного материала. Каждое туристическое предприятие является уникальной системой с собственным обликом, который проявляется через персонал, материальные предметы (здания, оборудования, офисную мебель, дизайн помещений), знаки и символы, способы коммуникации и различные процессы, происходящие в нем. Все это делает предприятие узнаваемым и идентифицируемым по определенным параметрам.

При изучении феномена «организационная культура» исследователями используются различные подходы

Модель организационной культуры предприятия
Источник: составлено на основе [5].

к трактовке ее сущности и содержания, что свидетельствует о неоднозначности содержания данной категории. Ученые дают различные определения «организационной культуры», не выделяя единых критериев и принципов ее оценки в организации. По нашему мнению, в первую очередь, это связано с тем, что данный феномен не до конца изучен и находится на стадии накопления фундаментальных и прикладных знаний о нем.

Проанализировав различные подходы к толкованию понятия организационная культура, считаем, что под организационной культурой предприятия индустрии туризма понимается комплекс разделяемых персоналом компании мнений, эталонов поведения, ценностей, настроений, символов, отношений и способов ведения бизнеса, обуславливающих индивидуальность предприятия и его конкурентоспособность на рынке туристических услуг.

Несмотря на разнообразие дефиниций организационной культуры, исследователи отмечают ряд общих элементов, свойственных любой организации: ценности, образцы базовых поведений, символика [16].

Существуют экономический, организационный, организационно-культурный и гуманистический подходы к интерпретации организационной культуры. Она представляет собой сложную систему, которая имеет ряд структурных элементов, носителей и типов внешнего прояв-

ления (см. рисунок).

Персонал является стратегическим ресурсом любой организации и главным носителем ее организационной культуры. Комплекс конкретных характеристик сотрудника, таких как профессиональные знания, умения, навыки, творческие способности, здоровье, именуемый человеческим капиталом, является главным конкурентным преимуществом туристического предприятия. И чем выше оценка, а значит стоимость человеческого капитала организации, тем выше ее культура.

Организационная культура возможна только при длительном ее существовании, достаточном для формирования норм и правил, ритуалов и традиций, мифов и легенд, то есть наличии определенной истории. Но организационная культура, так или иначе, претерпевает изменения на протяжении своего существования, и ее эффективность, в первую очередь, связана с динамичностью, скоростью ее трансформации в результате воздействия внешних и внутренних факторов. В свою очередь, культура не может быть создана и поддерживаться одним человеком — это прерогатива коллектива, члены которого тесно взаимодействуют между собой, и деятельность, которых носит «яркую эмоциональную окраску» [10].

В современных условиях цифровизации вклад в мировую экономику цифровизации всех сфер деятельности

оценивается в \$100 трлн», а Россия входит в первую пятерку стран с лучшими темпами роста цифровизации. По оценке McKinsey, доля цифровой экономики в ВВП России в 2021 г. составила 3,9%, а в обозримом будущем 8–10% [2].

Процесс цифровой трансформации представляет собой переход организации к новым способам мышления и работе на базе социальных, мобильных и других цифровых технологий. Эта трансформация включает в себя также **изменения в мышлении, стиле руководства, системе поощрения инноваций и в принятии новых бизнес-моделей** с целью улучшения работы сотрудников организации, ее клиентов, поставщиков и партнеров [9].

К 2024 году Российская Федерация намерена осуществить комплексную цифровую трансформацию экономики и социальной сферы. Согласно исследованиям PwC Digital IQ за 2019 год, руководители предприятий в России и Европе назвали три основных направления достижения цифровой трансформации: автоматизация бизнес-процессов (34% в России, 23% в Европе), использование предиктивной (прогностической) аналитики для развития бизнеса (29% в России, 20% в Европе), новые подходы к взаимодействию с клиентами (28% в России, 24% в Европе) [2].

Однако следует отметить, что универсального решения для перехода к формам управления на базе цифровых технологий не существует. Такое решение должно основываться на уникальных условиях бизнес-среды и качестве обслуживания клиентов, а также удовлетворенности персонала. Согласно результатам опроса, основными целями цифровой трансформации в Европе являются: усовершенствование на базе новых возможностей — 36% (в РФ 16%), изменение бизнес-модели и переосмысление деятельности — 23% (в РФ 30%), выход на новые направления и рынки — 18% (в РФ 4%). 37% всех респондентов в мире и 33% российских отождествляют понятие «цифровой» с ИТ (информационные технологии).

По результатам опросов, руководители туристических предприятий счита-

ют, что препятствия на пути к цифровой трансформации обусловлены нехваткой квалифицированных специалистов, неэффективным подходом к подбору персонала, а также отсутствием необходимой поддержки персонала организации. Иностранцы эксперты высказывают мнение, что это явление может быть связано с тем, что российские компании не уделяют должного внимания удовлетворенности своих сотрудников, они менее сосредоточены на повышении квалификации руководства и улучшении управленческих навыков в области цифровой трансформации (44% респондентов в России и 65% — в мире). Сотрудники в России реже осведомлены о процессах трансформации в рамках всей организации (53% респондентов в России и 71% — в мире) и вовлечены в процессы цифровизации (49% респондентов в России и 57% — в мире) [2].

Анализ мнения исследователей о формировании цифровой организационной культуры предприятий индустрии туризма в условиях цифровых трансформаций показал, что организационная культура в компании формирует ее стратегию и развитие, а не наоборот. В условиях цифровой трансформации, нужно начинать с анализа культурных особенностей туристического предприятия, чтобы сформировать фундамент будущих преобразований.

Согласно результатам опроса, более 60% руководителей предприятий индустрии туризма и гостеприимства считают отсутствие необходимых компетенций и цифровой организационной культуры главными препятствиями на пути к цифровой трансформации [3].

Цифровая организационная культура предприятия индустрии туризма — это набор принципов и компетенций, характеризующих преимущественное использование информационно-коммуникационных цифровых технологий для взаимодействия с клиентами, персоналом и решения других задач в профессиональной деятельности туристического предприятия.

В практической работе с клиентами туристического предприятия применяются собственные методы построения

цифровой организационной культуры через внедрение ценностей и принципов в матрицу компетенций персонала и бизнес-процессы, что позволяет запустить фундаментальные трансформационные преобразования, способные поддержать реализацию стратегии, «снизу».

В результате проведенного исследования представляется возможности сформулировать структуру базовых ценностей и принципов цифровой организационной культуры предприятия индустрии туризма:

1) технологическая адаптивность — знание и применение современных цифровых технологий;

2) цифровое мышление — приоритет использования цифровых технологий в решении задач;

3) коммуникация — широкое использование цифровых каналов для взаимодействия;

4) цифровые данные — принятие решений на основе анализа цифровых данных;

5) цифровая этика — понимание принципов поведения в цифровой среде;

6) цифровая безопасность — знание принципов информационной безопасности.

К перечню наиболее значимых корпоративных компетенций персонала предприятия индустрии туризма в условиях цифровых трансформаций организационной культуры можно отнести следующие:

1) ориентация на клиента — создание каждого туристического продукта и услуги с ориентацией на потребности клиента/туриста;

2) принятие рисков и экспериментирование — увеличение склонности сотрудников и предприятия в целом к проверке инновационных идей и к принятию риска, т. е. формирование организационной культуры принятия неудачных результатов экспериментов как источника опыта;

3) культура самостоятельного и быстрого принятия решений — создание культуры автономного и быстрого принятия решений сотрудниками разного уровня;

4) культура быстрого создания стоимости — переход от проектов с долгой работой на конечный результат на быстрые спринты, ориентированные на ре-

гулярное достижение промежуточного продукта с определенным эффектом;

5) гибкость при радикальных изменениях на предприятии — обеспечение гибкости бизнес-модели и возможности быстрой адаптации бизнес-процессов к радикальным изменениям внешней среды;

6) культура принятия решения на основе цифровых данных — принятие решений в компании на основе анализа имеющихся данных, а также обеспечение качества данных для принятия решений;

7) взаимодействие с экосистемой — привлечение лучших идей, существующих на рынке, независимо от стадии проекта, ускорение и удешевление реализации цифровых проектов за счет привлечения внешних подрядчиков.

Любой руководитель, намеренный трансформировать организационную культуру на предприятии индустрии туризма, должен сначала составить четкое представление о текущем ее состоянии. Из этого и надо исходить, чтобы понять, как то или иное изменение обеспечит достижение стратегических целей предприятия. Необходимо подготовить список стратегических целей, определить наиболее важные из них, а также те, которые противоречат формируемой организационной культуре предприятия.

Для изменения организационной культуры на предприятии индустрии туризма в нужном направлении необходимо начать работать над изменением наиболее важных и видимых моделей поведения. Изменения убеждений следуют только за изменением поведения персонала. Поведение складывается из совокупности **«критически важных поступков персонала»**. «Критически важные черты компании» вырабатываются «критически важными поступками», которые, при частом и периодическом выполнении большим количеством сотрудников, смогут изменить привычные подходы к работе в сторону стратегических и операционных целей. Поступки должны быть конкретными, прикладными, воспроизводимыми, поддаваться наблюдению и измерению.

Лучший способ нащупать стратегически важные вехи на туристическом

предприятия — наладить контакт с неформальными лидерами, так называемые «критически важным меньшинством». Данные сотрудники имеют информацию о реальном состоянии дел, к ним обращаются в кризисной ситуации. Этот канал внутренней коммуникации поможет руководителю диагностировать и понимать организационную культуру в своей компании, выявлять элементы организационной структуры, противоречащие новым формальным и неформальным моделям поведения, а также продвигать новые форматы. Неформальные лидеры могут высказывать неприемлемые для руководителя мысли, могут осуждать стратегию предприятия и т. д.

Для того чтобы настроить эффективную систему коммуникаций с персоналом, руководителю необходимо комбинировать такие формы контроля и взаимодействия с персоналом, как сочетание регулярных личных встреч и оперативных совещаний. Регулярные коммуникации с сотрудниками позволят упростить внедрение цифровой организационной культуры на туристическом предприятии.

Следующий шаг — выбор команд или направлений бизнеса, в которых, в первую очередь, будут внедряться новые модели поведения. Это необходимо для упрощения процедуры наблюдения за тем, какие именно аспекты моделей окажутся наиболее актуальными в повседневной работе. Далее выбранные команды выявляют подразделения, конфликтующие с новыми подходами к работе. В ходе проработки конфликтных элементов формируются формальные и неформальные способы поддержания новых моделей поведения. На каждом этапе, при должном уровне дисциплины и настойчивости, появляется возможность выработать способы привязки таких моделей к осязаемым бизнес-результатам и измеримым целевым показателям.

Помня о ключевой роли неформальных лидеров в реализации программ трансформации организационной культуры предприятия, нельзя сводить к минимуму

роль официальных руководителей. Необходимо оперативно внедрить изменения в рабочие процессы, и эти изменения станут для остальных сигналом, что пора меняться, и укажут нужное направление. Если формальные руководители станут демонстрировать поступки, отличные от демонстрируемых неформальными лидерами, они рискуют создать диссонанс в развитии организационной культуры на предприятии. Факторы, препятствующие реализации стратегии развития предприятия, нужно элиминировать.

Выводы. Подводя итоги исследования, следует отметить, что предприятия индустрии туризма, не осознающие суть цифровой трансформации, суть необходимых культурных изменений, обречены на то, что их существующая организационная культура не позволит реализовать возможности цифровой трансформации. Начинать ее необходимо не с внедрения сквозных цифровых технологий, а с изменения организационной культуры туристического предприятия, ее основополагающих принципов и убеждений. Каждая отдельная компания должна сфокусировать свои усилия на преодолении ограничивающих убеждений, которые характерны именно для нее, поскольку цифровизация — это, прежде всего, новый способ мышления и работы на базе цифровых технологий, а не сами цифровые технологии.

Организационная культура каждого предприятия индустрии туризма уникальна и обладает ключевыми чертами, формируемыми критически важными поступками всего персонала. Цифровая культура поддерживается на базе использования социальных, мобильных и других цифровых технологий. Объектом управленческой деятельности являются организационные культуры, а не процессы.

Вклад организационной культуры в успешный процесс цифровой трансформации туристического предприятия огромен. Залогом устойчивого развития предприятия в цифровую эпоху является трансформация организационной культуры и понимание важности персонала в развитии потенциала предприятия.

1. Алюшин Р. Е. Корпоративная культура как инструмент эффективного управления предприятием туристской индустрии / Р. Е. Алюшин, Т. Д. Торхова // Человек, экономика, общество: грани взаимодействия: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 28 декабря 2019 г.: Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2019. — URL: <https://apni.ru/article/213-korporativnaya-kultura-kak-instrument-effektiv> (дата обращения: 20.04.2022).

2. «Бизнес24» о тенденции общей цифровизации // Интернет-портал Группы компаний СiТ. — URL: <https://cit-sites.ru/blog/biznes24-o-kulture-predpriyatiya-v-ramkakh-tendents/> (дата обращения: 20.04.2022).

3. Богомазова И. В. Цифровая экономика в индустрии туризма и гостеприимства: тенденции и перспективы / И. В. Богомазова, Е. В. Аноприева, Т. Б. Климова // Сервис в России и за рубежом. — 2019. — Т. 13. — № 3 (85). — С. 34–47.

4. Вишневская Е. В. Влияние цифровых технологий на развитие туристского рынка / Е. В. Вишневская // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. — 2019. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-razvitie-turistskogo-rynka> (дата обращения: 20.04.2022).

5. Зиновьев Ф. В. Организационная культура / Ф. В. Зиновьев, В. В. Верна. — Симферополь: ИП Бровка А. А., 2018. — 124 с. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36585179> (дата обращения: 20.04.2022).

6. Кицис В. М. Формы проявления цифровизации в туризме / В. М. Кицис, Е. А. Морозова. — Текст: электронный // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. — 2021. — № 2. — URL: <https://srjournal.ru/2021/id299/> (дата обращения: 20.04.2022).

7. Лебедева Т. Е. Особенности формирования корпоративной культуры туристской организации / Т. Е. Лебедева, С. А. Виноградова // Московский экономический журнал. — 2019. — № 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-korporativnoy-kultury-turistskoy-organizatsii> (дата обращения: 20.04.2022).

8. Лотышев Р. В. Формирование модели организационной культуры в туристско-рекреационной сфере (на примере ООО «Эрпан») / Р. В. Лотышев, Т. Е. Одаренко // Таврический научный обозреватель. — 2016. — № 5-1 (10). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-modeli-organizatsionnoy-kultury-v-turistsko-rekreatsionnoy-sfere-na-primere-ooo-erpan> (дата обращения: 20.04.2022).

9. Овчаренко Л. А. Цифровизация как новая парадигма управления развитием туризма / Л. А. Овчаренко, Э. М. Лебезова // Век качества. — 2021. — № 4. — С. 106–126.

10. Организационная культура: учебное пособие для обучающихся по очной и заочной форме обучения направления подготовки 38.03.03 «Управление персоналом» / сост. В. Ф. Зиновьев. — Симферополь: ДИАИПИ, 2019. — 226 с. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=40621350> (дата обращения: 20.04.2022).

11. Полухина А. Н. Применение современных технологий формирования организационной культуры на предприятиях сервиса и туризма / А. Н. Полухина // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2008. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-sovremennyh-tehnologiy-formirovaniya-organizatsionnoy-kultury-na-predpriyatiyah-servisa-i-turizma> (дата обращения: 20.04.2022).

12. Черевичко Т. В. Цифровизация туризма: формы проявления / Т. В. Черевичко, Т. В. Темякова // Известия Саратовского университета. — 2019. — Т. 19. — № 1. — С. 59–64.

13. Яшкова Е. В. Реализация корпоративной культуры в гостиничном предприятии / Е. В. Яшкова, Н. В. Камкин // Гуманитарные научные исследования. — 2015. — № 10. — URL: <https://human.snauka.ru/2015/10/12813> (дата обращения: 13.04.2022).

The article examines the theoretical aspects of the organizational culture of a tourist enterprise, examines the essence of the process of transformation of organizational culture in the conditions of digitalization, shows the role of the personnel of a tourist enterprise in the digitalization of organizational culture. The principles of digital transformation of the organizational culture of a tourist enterprise are systematized, its stages and a list of key competencies of personnel necessary for successful completion of transformation procedures are formulated.

Keywords: culture, organizational culture, enterprise, tourism, tourism industry, personnel.

УДК 069. 1: 725. 945 (47) «1941 / 1944».

В. А. Иванов

Социальные функции Мемориала жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь “Красный”» как объекта культурно-исторического наследия и центра патриотического воспитания молодежи

В статье рассматриваются социальные функции Мемориала жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь “Красный”» как объекта культурно-исторического наследия и центра патриотического воспитания молодежи. Анализируются: идеологическая, воспитательная, познавательная, утилитарная, компенсаторная, образовательная, регулятивная функции, а также исторической преемственности. Исследуется значимость комплекса в вопросе изучения истории Великой Отечественной войны и сохранения исторической памяти.

Ключевые слова: Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь «Красный», социальные функции, объект культурно-исторического наследия, центр патриотического воспитания.

Актуальность исследования. В 2015 г. был создан отдел Центрального музея Тавриды, Мемориальный комплекс «Концлагерь «Красный» [10], занимавшийся вопросами изучения и популяризации событий, касающихся оккупации Крыма в годы Великой Отечественной войны.

В ноябре 1941 — апреле 1944 г. на территории бывшего совхоза «Красный» [1; 12] нацистами и их пособниками — коллаборационистами зверски убиты, замучены и расстреляны свыше 15 тысяч человек. Эти цифры являются компилятивной оценкой, включающей в себя общее число погибших узников, замученных и расстрелянных непосредственно в концлагере «Красный», урочище Дуб-

ки и в балке в нескольких километра от бывшего совхоза [49; 50].

На сегодняшний день сотрудниками музея проделана огромная работа по выявлению персоналий погибших узников, создан музейный архив, благодаря чему имена жертв нацизма увековечены на Стене скорби комплекса. На сегодняшний день установлено лишь 1067 персоналий погибших узников. Работа по установлению имен павших чрезвычайно актуальна и кропотлива. Она сопрягается с идеями проекта «Без срока давности». Огромное значение придается сохранению исторической памяти о трагедии мирного населения СССР — жертв военных преступле-

ний нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны. Изучаются факты, касающиеся установления обстоятельств вновь выявленных преступлений против мирного населения Советского Союза.

Увековечивание имен павших узников является результатом тщательного анализа неопубликованных документов и материалов из фондов: Государственного архива Республики Крым (ГАРК), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), а также других источников. Кроме того, сотрудники комплекса черпают сведения из опросных листов и воспоминаний крымчан и жителей стран СНГ, которые располагают информацией о том, что их близкие погибли в концлагере на территории бывшего совхоза «Красный».

На открытии Мемориала спикер Госсовета Республики Крым В. А. Константинов отметил, что создание комплекса — это «...красноречивое напоминание о том, что те силы, что пытаются подорвать мир и спокойствие в нашем крымском доме как тогда, в годы нацистской оккупации, так и сейчас, пытаются рассорить, столкнуть лбами крымчан разных национальностей» [10]. Отсюда следует, что создание комплекса консолидирует народы Крыма в совместном противостоянии неонацизму и неофашизму.

В настоящей работе автор исследует значимость Мемориала не только как памятника истории, архитектуры, искусства, но, главным образом, как социокультурного объекта.

Анализ последних исследований и публикаций. Разработка данной проблемы началась сразу же после освобождения Симферополя от нацистских оккупантов 13 апреля 1944 г. и продолжается в настоящее время. Первая книга, в которой упоминался нацистский концлагерь на территории бывшего совхоза «Красный» вышла в 1944 г. [9] В 1961 г. несколько страниц о концлагере уделил в своей работе «Преступление. Борьба. Возмездие» публицист В. Яковлев [51].

В 1970-е гг. достаточно подробно описывались злодеяния пособников гит-

леровцев на территории бывшего совхоза «Красный» во время проведения Симферопольских судебных процессов на страницах периодической печати журналисты: Г. Соколов [27–48], В. Ягупов [26], Е. Первомайская [13–18], В. Селиванова [19–25]. Уже после, воссоединения Крыма с Россией, в 2015 г. в свет выходит коллективное издание «Лагерь смерти: совхоз «Красный» [7]. В нем дана обобщающая оценка преступлений нацистского оккупационного режима в Крыму и краткие сведения о местах принудительного пребывания военнопленных и гражданских лиц, к числу которых относился и лагерь на территории бывшего совхоза «Красный». Ценностью данной книги является детальный анализ памятников и памятных мест, связанных с мемориальным комплексом.

Только в 2021 г. совместными усилиями В. А. Константинова, М. Б. Кизилова и В. В. Бобкова (последние два являются профессиональными историками) издана книга «Красный» [6]. История нацистского лагеря смерти. Симферополь. Крым. 1941–1944», содержащая ранее неизвестные читателям документы из отечественных и зарубежных архивов, комплексно исследующая вопрос создания, функционирования лагеря, и рассматривающая обстоятельно аспекты уничтожения узников нацистским оккупационным режимом.

Объектом данного исследования выступает непосредственно Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь «Красный» как объект культурно-исторического наследия и центр патриотического воспитания молодежи; **предметом** — изучение социальных функций мемориального комплекса.

Цель исследования состоит в том, чтобы не только рассмотреть социальные функции Мемориала, детально проанализировать их, но и на конкретных примерах показать их значение для сохранения культурно-исторического наследия, но и значение Мемориала как центра патриотического воспитания молодежи.

Об этом красноречиво свидетельствуют события, предшествующие созданию Мемориала. На протяжении многих лет

информация о трагедии, произошедшей в Симферопольском районе и в г. Симферополе сознательно замалчивалась рядом политических сил. Противники создания Мемориала обосновывали свое мнение главным образом противоречивыми фактами и неподкрепленной доказательной базой свидетельств. Их идея ясна — представить Советский Союз «империей зла». Их версии базировались на том, что накануне войны совхоз «Красный» был одним из мест массовых сталинских репрессий 1920-х — начала 1930-х гг. и функционировал как трудовой лагерь ГПУ — ОГПУ — НКВД.

Однако подтверждения своих аргументов они не приводили: ни соответствующих документов, ни результатов работы криминалистов.

На наш взгляд, Мемориал играет важную роль не только как объект культурно-исторического наследия и центр патриотического воспитания молодежи, но и как исторический источник, имеющий огромное значение.

В нем отражены не только трагические, но и героические события периода Великой Отечественной войны, а именно — нацистской оккупации Крымского полуострова и истории «лагеря смерти» на территории бывшего совхоза «Красный».

Сомнению не подлежит тот факт, что мемориальный комплекс «Концлагерь «Красный» является одной из важных составных частей историко-культурного наследия Республики Крым на современном этапе. Он обладает не только научной ценностью, но и может выполнять ряд социальных функций, поскольку сам по себе является социальным объектом.

В настоящей публикации выделим и дадим характеристику основным социальным функциям мемориального комплекса.

Функция трансляции или исторической преемственности социального опыта. Мемориал — это социальная память о событиях Великой Отечественной войны. Так, к примеру, Главный вход в мемориал — две вертикальных стены, которые, смыкаясь, образуют в проеме контур горящей свечи — символ «неугасимой лампы», символ памяти об ушедших

поколениях. По обе стороны от главного входа стоят две даты: «1941» и «1944» — годы нацистской оккупации Крыма, а также существования концлагеря. Как видим, здесь часть Мемориала выступает в качестве своеобразного ретранслятора событий войны на современность.

Идеологическая функция. Следует сказать о значимой роли Мемориала как объекта формирования общественного сознания и развития духовной жизни крымчан и гостей полуострова. Говоря об интерпретации исторических событий важно помнить две составляющие:

— непосредственно создатели Мемориала ориентировались на современное крымское сообщество, в т. ч. молодежь и детей;

— учитывалась конкретная социокультурная среда.

Руководитель проектного бюро «Южный город» М. А. Пивоварчик попытался воплотить в своей идее важность диалога поколений, консолидацию гражданского общества Крыма, гуманизм и человеколюбие, ставшие важными парадигмами, смыслом существования Мемориала [10]. Следует отметить, что посещение Мемориала способствует формированию жизненной позиции у школьников и студентов о недопустимости существования идеологии нацизма и геноцида в будущем.

Комплекс работает со всеми слоями населения, прививая любовь к Родине, призывая к сохранению исторической памяти. Что позволяет формировать у подрастающего поколения патриотизм и верность Отечеству.

Воспитательная функция. С 1960-х гг. памятники истории периода Великой Отечественной войны стали широко использоваться в воспитательном процессе всесторонне развитой личности, привлекая внимания ученых не только как идеологические объекты, но и как особые категории историко-культурного наследия, всесторонне отражающие прошлое. В настоящее время Мемориальный комплекс «Концлагерь «Красный» достаточно широко используется в целях нравственного, эстетического и культурно-экологического воспитания. Неоднократно он

становился местом, где школьники и студенты на деле проявляли уважительное отношение к памяти павшим [3]:

— проводили субботники на его территории;

— организовывали покраску мемориальных пирамид;

— очищали площадь Мемориала от сорняков, убирали мусор, падшую листву;

— обрезали деревья и кустарники.

Как видим, комплекс проводит воспитательную и образовательную работу в обществе. Он сам по себе является источником информации и памяти о Великой Отечественной войне. Создание Поста № 1 и проведение цикла своеобразных мастер-классов на Вахте Памяти для воспитанников Симферопольского района являются не чем иным, как средством воспитания нравственности молодого поколения и проявления чувства уважения к памяти узников нацистского концлагеря [3; 4]. Всей своей сутью они убедительно доказывают, что без памяти о делах предков не может существовать никакое цивилизованное общество в XXI веке, и выступают своеобразным призывом не предавать произошедшие здесь события забвению.

Познавательная (гносеологическая) функция. В первую очередь, это использование Мемориала в целях получения новой информации о произошедших здесь событиях, касающихся не только периода Великой Отечественной войны, но и событий современности. Изучение комплекса является не только самоцелью организованных экскурсионных групп и индивидуальных посетителей, но и способствует более глубокому проникновению в саму суть исторических и культурных явлений. Примером познавательной (гносеологической) функции могут служить многочисленные выставки и выставочные проекты комплекса. Благодаря им дети и взрослые могут узнать о том, что представлял нацистский оккупационный режим на территории захваченного Крымского полуострова, каким образом была организована полномасштабная операция по истреблению жителей г. Сим-

ферополь и Симферопольского района. В чем сходство и отличие явлений Холокоста (уничтожение евреев и крымчаков) и Пораймоса (уничтожение цыган) и другие интересующие аудиторию вопросы.

Коммуникативная функция. Мемориальный комплекс «Концлагерь «Красный», несомненно, обладает внешними выраженными формами, которые отождествляют его, во-первых, с событиями Великой Отечественной войны, а, во-вторых, подчеркивают сохранение исторической памяти, напоминая о страшном периоде нацистской оккупации Крымского полуострова. Тем самым, музей выполняет коммуникативную функцию.

Наиболее значимы в этом аспекте символические памятники, которые создавались как интерпретация определенных событий на месте концлагеря на территории бывшего совхоза «Красный». Зачастую эти памятники приобретают значение подлинных памятников истории и культуры.

Например, клумба рядом с обелиском 1960 г. — это Братская могила, в которой захоронены участники антифашистской борьбы на территории полуострова: крымские партизаны, подпольщики, советские военнопленные, а также мирные граждане, замученные и расстрелянные нацистами и их пособниками. А над самым большим «колодцем смерти» на территории комплекса, из глубины которого 21–23 апреля 1944 г. было поднято на поверхность наибольшее количество тел погибших, установлен поминальный купол [5].

Утилитарная функция. Эта функция связана с возможностью вовлечения комплекса в сферу экономических отношений при условии не нанесения ущерба его сохранности. На данный момент Мемориал используется обществом исключительно как объект историко-культурного значения, удовлетворяя социальные потребности гостей и жителей Крымского полуострова.

Компенсаторная функция памятника. Данная функция определяется возможностью переключить внимание посетителей от обыденной деятельности на изучение новых возможностей в полу-

чении эмоциональной разрядки, разнообразить досуг и пополнить свои знания. Существует также иное определение этой функции — рекреативная. Оно выражается в совпадении ее с периодом отпуска — то есть когда человек отдыхает и находится в расслабленном состоянии, он свободен от напряженных рабочих будней и графика, что позволяет ему заняться своим собственным внутренним миром. Именно в этот период времени человек может получить значительную эмоциональную компенсацию туристических услуг. В качестве примера следует отметить то обстоятельство, что наибольшее количество посещений комплекса выпадает как раз на апрель – май и август – сентябрь – октябрь, то есть дни памятных дат в истории Крыма и России.

Образовательная функция. Мемориал в качестве памятника истории и культуры широко используется в образовательных целях. Отметим, что обучающимся комплекс помогает воспринимать учебный материал в активном взаимодействии с экспозиционными материалами в процессе изучения истории Великой Отечественной войны, что дает значительный положительный результат. В процессе тесного знакомства с памятниками Мемориала уходит проблема дефицита предметности и наглядности, особенно это проявляется в изучении гуманитарных дисциплин, а также является структурной основой для изобразительного искусства.

Нужно отметить следующее: Мемориальный комплекс стал площадкой для проведения различных конференций, симпозиумов, видеолекториев, пленумов и т. д. Так, он стал главной площадкой открытого республиканского конкурса «Палитра памяти» [12]. В данном мероприятии принимают участие: педагоги и воспитанники Евпаторийской детской художественной школы им. Ю. Волкова; дошкольного учреждения № 66 «Барвинок» г. Симферополя; МБУК «ИКС» Дома культуры с. Заветное Советского района; Симферопольской детской художественной школы им. В. Бернадского; Центра детского и юношеского творчества г. Саки. Юные художники возлагают цветы к Вечному огню

мемориала, чтят память павших в борьбе с нацизмом минутой молчания. Проходит отбор творческих работ.

Основными темами творческого диалога стало архитектурное отражение событий военного лихолетья, формирование создателями экспозиции музейного зала — своеобразного «пространства памяти» о судьбах крымчан-патриотов Отечества, а также факторы духовной жизни храма Всех Святых, на земле Крымской просиявших.

19 апреля 2022 г. состоялся Всероссийский юношеский исторический форум «Сила в правде!». В музейном зале комплекса в нем приняли участие воспитанники МДЦ «Артек» и учащиеся Симферопольской академической гимназии. Школьники обсудили вопросы, среди которых наиболее обсуждаемыми стали проблемы изучения Великой Отечественной войны, сохранения исторической памяти о событиях страшных военных лет, а также проведение памятных акций и мероприятий в рамках преемственности поколений, формирование традиций.

Следует отметить, что главная идея цикла данных мероприятий состояла в том, чтобы школьники субъектов Российской Федерации приняли участие в дискуссии на историческую тематику с обсуждением актуального вопроса необходимости сохранения исторической правды и памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны. Своего рода, это был своеобразный квест, с задачами которого участники справились на «отлично».

Регулятивная функция. Особенностью данной функцией является определение различных сторон общественной и личной деятельности человека. В этом случае мемориальный комплекс выступает как объект, влияющий на поведение конкретного человека, регулируя его действия, жизненный выбор в сфере тех или иных материальных и духовных ценностей. Конкретно это выражено в области межличностных отношений, когда Мемориал влияет на поведение людей и регулирует их поступки, отображает их действия, определяет выбор тех или иных

материальных и духовных ценностей. Эта функция опирается на такие нормативные системы, как мораль и право.

В качестве наглядного примера приведем деятельность спикера Госсовета Республики Крым В. А. Константинова, являющегося неформальным лидером Попечительского совета Мемориала, который финансово поддерживает культурно-массовые мероприятия, научные инициативы комплекса. Именно благодаря его последовательной и принципиальной позиции стало возможным завершение строительства мемориального комплекса.

При открытии Мемориала В. А. Константинов произнес такие и важные слова: «Мы не сомневаемся, что, храня память о трагических эпизодах Великой Отечественной войны, чествуя ее героев, отдавая дань памяти ее жертвам, мы выполняем свой долг. И не только перед жертвами и героями Великой Отечественной войны, но и перед последующими за нами поколениями» [10; 8].

Кроме того, В. А. Константинов отметил, что лично для него создание этого мемориала — еще и личный долг перед отцом — узником концлагеря в Германии. Также в своей речи он отметил настойчивость крымских парламентариев, массовую поддержку строительства комплекса жителями Крымского полуострова и россиянами, равнодушных к подвигу и трагедии крымчан, что обеспечило проекту финансовую составляющую: «Спасибо Главе Республики Крым Сергею Аксенову, депутатам крымского парламента, в самых разных обстоятельствах поддерживавших этот проект. Особая благодарность строителям, ученым-историкам и музейоведам, журналистам, дер-

жавшим эту тему в центре общественного внимания, тем добровольцам, которые привели территорию мемориала в порядок. Строительство мемориала стало истине народной стройкой. Думаю, что он станет местом всеобщего почитания, местом нашей скорби об оборванных судьбах и нечеловеческих мучениях, выпавших на долю узников этого концлагеря и всех жертвах нацизма» [8].

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Суммируя выше сказанное, следует отметить следующее:

— Мемориальный комплекс жертвам фашистской оккупации «Крыма» 1941–1944 годов «Концлагерь «Красный» является своеобразным информационным каналом, ретранслирующим знания о событиях Великой Отечественной войны (а именно – подчеркивающим страшные страницы в истории г. Симферополя и Симферопольского района) в настоящее и будущее;

— музейно-выставочный комплекс представляет собой памятник истории, архитектуры, культуры и монументально-изобразительного искусства. Он является носителем информации и сенсорного воздействия;

— социальные функции Мемориала достаточно разнообразны и связаны прежде всего с их способностью влиять на мировоззрение членов общества и восприятие людьми настоящего в контексте прошлого. Комплекс также способствует воспитанию, образованию и формированию идеологии общества, а также используется как определенный атрибут политики и достаточно широко применяется в этой сфере.

1. Белов Николай Николаевич // Мирновское сельское поселение: независимый информационный портал: Известные жители сел. – URL: <https://mirnoe.com/pochetnye-zhiteli-sela/320-belov-nikolay-nikolaevich.html> (дата обращения: 23.04.2022).

2. В Москве пройдет Первый Всероссийский школьный исторический форум «Сила – в правде!» // Минпросвещения России: [официальный интернет-ресурс]. – URL: <https://edu.gov.ru/press/4998/v-moskve-proydet-pervyy-vserossiyskiy-shkolnyy-istoricheskiy-forum-sila-v-pravde/> (дата обращения: 23.04.2022).

3. В день памятной даты // Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь «Красный»: [официальный сайт]. – URL: <http://memorialkrasniy.ru/2022/04/13/v-den-pamyatnoj-daty-3/> (дата обращения: 23.04.2022).

4. День единых действий // Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь «Красный»: [официальный сайт]. – URL: <http://memorialkrasniy.ru/2022/04/21/den-edinyh-dejstvij> (дата обращения: 23.04.2022).
5. Зверства гитлеровцев в совхозе «Красный». Съемка 21–23 апреля 1944: [видео] / оператор И. Запорожский. – URL: https://www.youtube.com/Watch?v=GE5Krc1tQsY&t=3s&ab_channel=cdfchannel (дата обращения: 23.04.2022).
6. Константинов В. А. «Красный». История нацистского лагеря смерти. Симферополь. Крым. 1941–1944 / В. А. Константинов, М. Б. Кизилов, В. В. Бобков. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. – 412 с.
7. Лагерь смерти: совхоз «Красный» / сост. Г. Н. Гржибовская. – Симферополь: ООО «Антиква», 2015. – 224 с.
8. Мемориальный комплекс жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь «Красный» // Мирновское сельское поселение: независимый информационный портал. – URL: https://mirnoe.com/memorial_konclagerya/3747-memorial-zhertvam-fashistskoj-okkupacii-kruma-1941-1944-gg-konclager-krasnyu.html (дата обращения: 23.04.2022).
9. Немецкие варвары в Крыму: сборник материалов / под ред. П. А. Чурсина. – Симферополь: Красный Крым, 1944. – 112 с.
10. Открытие I очереди Мемориального комплекса памяти жертв фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов Концлагерь «Красный» // Мемориальный комплекс «Концлагерь «Красный»: [сайт]. – URL: http://crimea.gov.ru/krasniy/istoriya/sozdanie/otkritie_pervoy (дата обращения: 23.04.2022).
11. Пастак Абрам Исаакович // Мирновское сельское поселение: независимый информационный портал: Известные жители сел. – URL: <https://mirnoe.com/pochetnye-zhiteli-sela/4964-pastak-abram-isaakovich.html> (дата обращения: 23.04.2022).
12. Палитра памяти // Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь «Красный»: [официальный сайт]. – URL: <http://memorialkrasniy.ru/2022/04/18/palitra-pamyati/> (дата обращения: 23.04.2022).
13. Первомайская Е. Нет пощады предателям! / Е. Первомайская // Крымская правда. – 1972. – 1 июня. – № 127 (14612). – С. 4.
14. Первомайская Е. Судьбы людские. Из зала суда / Е. Первомайская // Крымская правда. – 1972. – 29 июня. – № 151 (14636). – С. 4.
15. Первомайская Е. Не уйти от ответа / Е. Первомайская // Крымский комсомолец. – 1972. – № 65 (4774). – 2 июня. – С. 2.
16. Первомайская Е. Позор и проклятие палачам / Е. Первомайская // Крымская правда. – 1972. – № 132 (14617). – С. 4.
17. Первомайская Е. Позор и проклятие палачам / Е. Первомайская // Крымский комсомолец. – 1972. – № 68 (4777). – 9 июня. – С. 3.
18. Первомайская Е. Справедливое возмездие. Из зала суда / Е. Первомайская // Крымская правда. – 1977. – 3 июля. – № 155 (16165). – С. 4.
19. Селиванова В. Не забудем, не простим. Из зала суда / В. Селиванова // Курортная газета. – 1974. – 17 ноября. – № 226 (8461). – С. 4.
20. Селиванова В. Не забудем, не простим. Из зала суда [О суде над изменниками Родины Мамутовым, Вольфом и Мухтаровым в Симферополе] / В. Селиванова // Правда Украины. – 1977. – 2 августа. – С. 4.
21. Селиванова В. Счет палачам. Из зала суда / В. Селиванова // Курортная газета. – 1974. – 20 ноября. – № 228 (8463). – С. 4.
22. Селиванова В. Из зала суда. От расплаты не уйти / В. Селиванова // Советский Крым. – 1977. – 22 июня. – № 121 (9124). – С. 4.
23. Селиванова В. Из зала суда. Обличают живые и мертвые / В. Селиванова // Советский Крым. – 1977. – 29 июня. – № 126 (9129). – С. 4.
24. Селиванова В. Из зала суда. Счет палачам [О процессе над изменниками Родины – Мухтаровым, Вольфом, Мамутовым] / В. Селиванова // Советский Крым. – 1977. 26 июня. – № 124 (9127). – С. 4.
25. Селиванова В. Из зала суда. Возмездие / В. Селиванова // Советский Крым. – 1977. – 3 июля. – № 129 (9132). – С. 4.
26. Соколов Г. Фашистских палачей к ответу! / Г. Соколов, В. Ягупов // Крымская правда. – 1970. – 26 декабря. – № 302 (14174). – С. 3.
27. Соколов Г. Нет прощения убийцам! / Г. Соколов // Крымская правда. – 1970. – 27 декабря. – № 303 (14175). – С. 3.
28. Соколов Г. И горечь, и гнев наши / Г. Соколов // Крымская правда. – 1971. – 20 февраля. – № 43 (14221). – С. 3.
29. Соколов Г. Тысяча четыреста семьдесят три... Новые факты о преступлениях гитлеровских палачей / Г. Соколов // Крымская правда. – 1971. – 11 декабря. – № 291 (14469). – С. 3.
30. Соколов Г. Тысяча четыреста семьдесят три... / Г. Соколов // Курортная газета. – 1971. – 11 декабря. – № 244 (7713). – С. 3.
31. Соколов Г. Встать! Суд идет! / Г. Соколов // Крымская правда. – 1972. – 30 мая. – № 125 (14610). – С. 3.
32. Соколов Г. Шакалы. Из зала суда / Г. Соколов // Крымская правда. – 1972. – 3 июня. – № 129 (14614). – С. 4.
33. Соколов Г. Шакалы / Г. Соколов // Крымский комсомолец. – № 66 (4775). – 1972. – 4 июня. – С. 2–4.
34. Соколов Г. Припертые к стенке. Из зала суда / Г. Соколов // Крымская правда. – 1972. – 4 июня. – № 130 (14615). – С. 4.
35. Соколов Г. Припертые к стенке / Г. Соколов // Крымский комсомолец. – № 67 (4776). – 1972. – 7 июня. – С. 3.
36. Соколов Г. Когда кровоточит сердце / Г. Соколов // Крымская правда. – 1972. – 10 июня. – № 135 (14620). – С. 4.
37. Соколов Г. Адская кухня убийств. Из зала суда / Г. Соколов // Крымская правда. – 1972. – 14 июня. – № 138 (14623). – С. 4.
38. Соколов Г. Когда кровоточит сердце / Г. Соколов // Крымский комсомолец. – № 69 (4773). – 1972. – 11 июня. – С. 4.
39. Соколов Г. На службе народа / Г. Соколов // Курортная газета. – 1972. – 7 июля. – № 132 (7858). – С. 3.
40. Соколов Г. Факты обличают. Из зала суда / Г. Соколов // Крымская правда. – 1972. – 21 июня. – № 144 (14629). – С. 4.
41. Соколов Г. И оживает прошлое... Из зала суда / Г. Соколов // Крымская правда. – 1972. – 25 июня. – № 148 (14633). – С. 4.
42. Соколов Г. Расплата. Из зала суда / Г. Соколов // Крымская правда. – 1974. – 13 ноября. – № 265 (15360). – С. 4.
43. Соколов Г. Убийцы – крупным планом. Из зала суда / Г. Соколов // Крымская правда. – 1974. – 17 ноября. – № 269 (15364). – С. 4.
44. Соколов Г. Последние показания из зала суда / Г. Соколов // Крымская правда. – 24 ноября. – 1974. – № 275 (15370). – С. 4.
45. Соколов Г. Именем народа... Из зала суда / Г. Соколов // Крымская правда. – 1974. – 29 ноября. – № 279 (15374). – С. 4.
46. Соколов Г. Палачи перед судом народа [О преступлениях предателей Родины М. Мамутова, С. Мухтарова, А. Вольфа в годы Великой Отечественной войны в Крыму] / Г. Соколов // Крымская правда. – 1977. – 22 июня. – № 145 (16155). – С. 4.
47. Соколов Г. Правду им не скрывать [О судебном процессе над изменниками Родины, сотрудниками карательного отряда, действующего в Крыму – Мамутовым, Вольфом, Мухтаровым] / Г. Соколов // Крымская правда. – 1977. – 25 июня. – № 148 (16158). – С. 4.
48. Соколов Г. Факты изобличают убийц. Из зала суда / Г. Соколов // Крымская правда. – 1977. – 29 июня. – № 151 (16161). – С. 4.
49. «Сквер памяти». Этапы строительства II очереди // Мемориальный комплекс «Концлагерь «Красный»: [сайт]. – URL: <http://crimea.gov.ru/krasniy/istoriya/sozdanie/skver> (дата обращения: 23.04.2022).
50. «Сквер памяти» на Мемориальном комплексе «Концлагерь «Красный» // Мирновское сельское поселение: независимый информационный портал. – URL: https://mirnoe.com/memorial_konclagerya/3453-skver-pamyati-na-memorialnom-komplekse-konclager-krasnyu.html (дата обращения: 23.04.2022).
51. Яковлев В. Преступления. Борьба. Возмездие / В. Яковлев. – Симферополь: Крымиздат, 1961. – 240 с.

The article deals with the social functions of the Memorial to the Victims of the Nazi Occupation of Crimea in 1941–1944. «Krasnyy concentration camp» as an object of cultural and historical heritage and a center for the patriotic education of youth. Analyzed: ideological, educational, cognitive, utilitarian, compensatory, educational, regulatory translation of the function and historical continuity. The significance of the complex in the study of the history of the Great Patriotic Wars and the preservation of historical memory is investigated.

Keywords: Memorial to the victims of the fascist occupation of Crimea in 1941–1944. «Krasnyy» concentration camp», social functions, object of cultural and historical heritage, center for patriotic education.

Пространственно-временные контексты межкультурных контактов

Новизна исследования состоит в рассмотрении межкультурных контактов с позиции их реализации в пространстве и времени. Описываются особенности синхронических и диахронических контактов. Диахронические рассматриваются культурами, которые развивались в разные историко-временные периоды. В качестве синхронических анализируются пространственные коммуникации, которые осуществляются между культурами, одновременно существующими в связанном историко-временном пространстве.

Ключевые слова: межкультурный контакт, диахронические взаимодействия, синхронические взаимодействия, культурный шок, культура.

Пропорционально с культурным усложнением мира стремительно растет важность процессов взаимодействия: появление молодых культур и культурных образований требует использования новых ресурсов для свободной интеракции. Формирование глобальной культуры и активное продвижение ее основных идей прямо указывают на исчерпанность старых принципов организации общественных отношений. Поэтому тезис о независимом, «параллельном», сосуществовании культур становится утопическим в условиях растущей миграции народов и открытой пропаганды коммуникации без границ.

Особенно значимы данные процессы для полиэтнических государств, в которых политические и экономические проблемы усложняются межкультурными разногласиями. В подобных условиях возрастает потребность изучения специфики организации межкультурных отношений.

Таким образом, **объектом** данного исследования являются межкультурные контакты, а **предметом**, соответственно, — пространственно-временные контексты межкультурных контактов. **Цель статьи** — изучение специфики межкультурных контактов. Достижение поставленной цели подразумевает решение следующих **задач**: изучение основных характеристик процесса межкультурной коммуникации; анализ динамики кросс-культурных взаимодействий с учетом пространственно-временных характеристик; рассмотрение явления «культурного шока» и его влияния на межкультурные контакты.

Изучение проблем межкультурной интеракции, как правило, касается исследования роли кросс-культурных контактов в процессе эволюции человечества. В частности, рассмотрению данной проблемы посвятили свои работы П. Бернс [6], Р. Билз, М. Гирдхам, Т. Джек, Е. Мошня-

га, М. Новелли, Э. Холл. В рамках данного исследования базовыми стали также концепции У. Бека, Ф. Боаса [1], Н.Я. Данилевского [2], А. Кребера, Дж. Мида, Л. Уайта, С. Хантингтона, А. Д. Шоркина, О. Шпенглера.

Подвергая анализу пеструю палитру кросс-культурных взаимодействий, следует отметить, что сложность изучения данного явления вызвана, прежде всего, существованием большого количества разнообразных типов межкультурных контактов, их проявлений и модификаций.

Все существующие виды кросс-культурных коммуникаций нельзя рассматривать, принимая во внимание лишь одну их какую-либо характерную черту, поскольку осуществление процесса культурного взаимодействия невозможно без соблюдения целого ряда условий. Чтобы корректно описать разнообразие коммуникаций, нужно сформировать достаточно широкий перечень их параметров. Поэтому проблема исследования кросс-культурных взаимодействий требует комплексного, многомерного подхода к ее изучению.

Дифференциация кросс-культурных взаимодействий зависит не только от уникальных особенностей контактирующих культурных образований, значительное воздействие оказывают и внешние факторы, не зависящие от субъективных характеристик сторон взаимодействия.

Принимая во внимание различные условия и характеристики, при наличии которых осуществляются взаимодействия, целесообразно выделить целый ряд характеристик, одной из которых является пространственно-временной контекст межкультурных контактов. Данный тип кросс-культурных взаимодействий воплощает контакты культур в плане их существования относительно друг друга во времени и пространстве. Следует четко различать диахронические и синхронические типы кросс-культурных взаимодействий.

К диахроническим коммуникациям следует отнести временные взаимодействия между культурами, которые развивались в разные историко-временные периоды. Опираясь на идеи Н. Я. Данилевского,

можно говорить, что такие контакты были основаны на этнических характеристиках носителей культур, их уникальности, самобытности [2]. В качестве синхронических можно определить пространственные коммуникации, которые осуществляются между культурами, одновременно существующими в связанном историко-временном пространстве. Это связано с осуществлением культурного обмена между различными цивилизациями.

При осуществлении межкультурного взаимодействия диахронического типа происходит обращение к достоинству культур, существовавших ранее, что означает переосмысление прошлых достижений, их иное прочтение, применение и использование в новом историко-культурном контексте. Таким образом, ценности, которые были актуальными в прошлом, приобретают значимость в новой культуре. К данному типу можно отнести сохранение и передачу традиций, норм, образцов поведения из одного поколения в другое. Культурное наследие, в этом случае, является основой стабильности культуры, ее самобытности, создает прочный фундамент для развития, а, следовательно, и взаимодействие будет более организованным и продуктивным. Без хорошо организованной трансляции наследия культуры гибнут.

Однако диахронические контакты могут оказывать и негативное влияние на взаимодействующие культуры, лишая их мобильности, развивая в них излишнюю избирательность к переносу ценностей, что не позволяет налаживать коммуникацию с иными культурными образованиями, следовательно, сковывает и ограничивает культуру. Так, Н. Я. Данилевский отрицал возможность взаимного обмена цивилизационными основами между культурно-историческими типами, описывал процесс становления культурно-исторического типа, в котором выделял: бессознательный период, период государственности, творчество, ознаменовавшее расцвет цивилизации, период апатии [2].

В процессе реализации синхронических контактов происходит взаимодей-

ствие между культурами, которые сосуществуют и развиваются параллельно, в одной исторической эпохе, переживают одинаковые события и ощущают сходные влияния. Их эффективность наглядна на примере культуры Испании, которая впитала в себя достижения христианских и мусульманских миров. Занимая пограничное положение между Африкой и Европой, испанская культура сформировалась на стыке мавританских и европейских элементов, что наиболее ярко проявилось в архитектуре и музыке.

Синхронический тип межкультурной интеракции — необходимое условие для существования культуры, поскольку позволяет устанавливать полезные взаимоотношения с другими культурами, а это необходимое условие для налаживания торговых, политических связей, туризма.

Кросс-культурное взаимодействие может происходить вне исторической родины народа (другое государство, континент), то есть носить миграционный характер. В данном случае интеграция в новое культурное образование осуществляется в результате вхождения в культурные институты различного рода, такие как профессия, круг друзей и др. Подтверждением этого является формирование диаспоры. Например, третье место по численности людей, эмигрировавших за пределы автохтонной территории (свыше десяти миллионов человек) занимает украинская диаспора. Украинская диаспора в Канаде представляет собой значительную часть украинского народа, сформировавшая социальные институты для сохранения и развития своей уникальности.

Данный тип взаимодействия сопровождается рядом существенных проблем. В ходе интеракции мигрант стремится не только влиться в новую культурную среду, без чего существование на новой территории может быть затруднено, но также сохранить свою родную культуру, а это невозможно без соблюдения традиций. Таким образом, в процессе миграции человек испытывает «культурный шок».

Термин культурный шок введен американским исследователем К. Обертом в 1960 году и означает своего рода диском-

форт, напряжение, стресс группового или индивидуального сознания, вызванные вхождением в иную культурную среду. Он заключается в конфликте между привычными для индивида ценностями, нормами, языком, повседневными практиками, свойственными для той социокультурной среды, которую покинул, и ценностями, нормами, языком, повседневными практиками, характерными для новой социокультурной среды, в которой он оказался [3].

Безусловно, культурный шок оказывает воздействие на ход межкультурных интеракций. В частности, можно выявить ряд закономерностей, связанных с влиянием культурного шока на развитие процессов взаимодействия, и в соответствии с этим выделить несколько стадий адаптации к новой культуре. Главным образом, это зависит от индивидуальных особенностей культур. В результате встречи культур мигрировавшие группы могут вести себя согласно одной из четырех возможных схем [4].

1. В схеме замкнутости (отторжения) контактирующий народ, в силу ряда причин (например, из-за огромной пропасти между культурными обычаями, традициями, из-за наличия религиозных барьеров и т.д.), пытается отстраниться от чужой культуры, избегает прикосновения к ней. Как итог, происходит создание закрытого культурного пространства, состоящего из представителей своей культуры или родственных образований. Данный процесс обусловлен желанием отгородиться от влияния чужой культуры, максимально сохраняя свою.

2. В схеме приспособления мигрант пытается полностью влиться в новую культурную среду, перенять свойственные ей особенности: ценности, традиции, нормы, модели поведения, язык. При этом индивиды испытывают желание отказать от собственных этнических признаков, вплоть до смены цвета кожи. Так иногда данный процесс принимает крайние формы, и человек полностью отвергает родную культуру, начинает ее стыдиться, воспринимать как преграду для полной ассимиляции с иным народом.

3. В схеме трансформации осуществ-

ляется попытка совмещения родной и новой культур путем сочетания их элементов (норм, традиций). Как правило, в данном случае мигрировавшие культуры пытаются максимально приспособить свои традиции к инокультурной среде, при этом основные компоненты культуры (язык, пища, религия и др.) сохраняются. Так, представители мигрирующего этноса могут, выучив иностранный язык, использовать его при общении с местным населением, в кругу же своей этнической группы разговаривать на родном. Если взаимодействие разворачивается по данной схеме, то этносы будут всячески стараться наладить коммуникацию. Сложность данной схемы состоит в том, что достаточно не просто достичь гармонии в сочетании культурных традиций, поскольку, например, в традиционных культурах любые новшества могут сломать устоявшиеся принципы и разрушить этническую культуру. Однако в результате контролируемой интеракции данные процессы способствуют обогащению обеих культур.

4. Наконец, в схеме оппозиционности подразумевается необходимость пропаганды и навязывания аборигенам пришлым населением своих культурных традиций, моделей поведения, норм и ценностей. При этом может делаться акцент на недостаточности или неполноценности аборигенной культуры. В данном случае имеет место агрессивное противопоставление разных культурных традиций. Взаимодействия, разворачивающиеся согласно данной схеме, можно охарактеризовать как особенно напряженные, могущие повлечь за собой возникновение межкультурной вражды.

Таким образом, в результате миграции человек как носитель культуры преодолевает целый ряд барьеров, но, тем не менее, установление подобного рода интеракции — необходимое условие для развития и обогащения культуры, поскольку герметичность может ослабить культуру, сделать ее уязвимой для новых, незнакомых влияний, дистанцировать от прогрессивных достижений науки.

Наряду с миграционными, можно вы-

делить автохтонные интеракции. Они свойственны людям, которые проживают в полиэтнических регионах, где взаимодействие с носителями других культурных традиций с момента рождения является необходимым условием для существования не только индивида, но и целого народа. В отличие от миграционного взаимодействия, автохтонное не сопровождается культурным шоком, поскольку человек-носитель культуры подготовлен к взаимодействию и уже выработал определенные навыки общения с другими культурными группами.

Примером такого варианта взаимодействия могут стать контакты этноса, проживающего на территории полиэтнического региона (например, полуострова Крым), когда этнос развивается в поликультурной среде и постоянно вынужден контактировать с другими этническими образованиями. Как правило, для поликультурных регионов характерны интенсивные межкультурные контакты и, как следствие, — широкая распространенность межэтнических браков. Таким образом, в центре межкультурных коммуникаций оказывается человек как представитель двух и более этнических образований одновременно. В данных условиях возникает проблема сочетания культурных особенностей разных этносов в сознании индивида. Конфликтность ситуации кризиса идентичностей подтверждается неспособностью носителя признаков нескольких этносов однозначно себя идентифицировать, ибо строгое и безоговорочное соотнесение себя лишь с одной культурной традицией некорректно, поскольку приводит к нивелировке черт истинной культурной принадлежности [5]. Как правило, культуры, попадающие в подобную среду, под влиянием других народов рискуют потерять свою индивидуальность.

Итак, практика синхронических интеракций, безусловно, способствует развитию культуры, делает ее популярной, а, следовательно, стимулирует интерес к ней со стороны других культур, развивающихся в данную эпоху. Тем не менее,

частые контакты не всегда заканчиваются установлением дружеских взаимоотношений. Синхронические взаимодействия сопряжены также с непониманием, преодоление которого может и не произойти, что чревато конфликтными ситуациями и культурной неприязнью. Поэтому главное задание субъекта взаимодействия в такой ситуации — выработать наиболее оптимальные механизмы межкультурных контактов.

Таким образом, пространственно-временной контекст межкультурных контактов представляет собой сложный и объемный материал. Изучение специфики межкультурных контактов имеет важное значение в современных условиях развития общества, поскольку позволяет не только изучить актуальные кросс-культурные контексты, но и спрогнозировать и, отчасти, откорректировать итоги общения между культурами.

1. Боас Ф. Эволюция или диффузия? // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры / Ф. Боас. — Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. — С. 343–348.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — Москва: Родина, 2021. — 592 с.
3. Коноплева А. А. Влияние особенностей субъектов межкультурных взаимодействий на процесс кросс-культурной коммуникации / А. А. Коноплева // Філософські дослідження: Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. Випуск № 14. — Луганськ: вид-во СНУ ім. В. Даля, 2011. — С. 11–21.
4. Коноплева А. А. Осмысление процесса развития культурного шока в контексте современных миграционных процессов / А. А. Коноплева // Социально-гуманитарное обозрение. — 2016. — № 1. — С. 41–43.
5. Чудина-Шмидт Н. В. Экстремальность — катализатор изменения культуры / Н. В. Чудина-Шмидт // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2017. — № 5. — С. 62–65.
6. Burns P. M. Tourism and Social Identities: Global Frameworks and Local Realities / P. M. Burns, M. Novelli // Advances in Tourism Research. Oxford: Elsevier Ltd. — 2006. — P. 13–14.

The novelty of the study lies in the consideration of intercultural contacts from the standpoint of their implementation in space and time. The features of synchronic and diachronic contacts are described. Diachronic are considered by cultures that developed in different historical and temporal periods. Spatial communications that are carried out between cultures that simultaneously exist in a connected historical-temporal space are analyzed as synchronic ones.

Keywords: *intercultural contact, diachronic interactions, synchronic interactions, culture shock, culture.*

УДК 130.2 : 008

А. Ю. Микитинец, О. И. Микитинец

Русский мир как цивилизационный нарратив: ключевые аспекты культурологического осмысления

В статье проводится культурологический анализ русского мира, который интерпретируется в качестве цивилизационного нарратива. Конструирование данного цивилизационного нарратива рассматривается, в частности, на примере формирования крымской региональной идентичности. В контексте динамики современных социокультурных процессов формулируются ключевые особенности русского мира как глобального культурного проекта.

Ключевые слова: *культура, цивилизация, многополярный мир, цивилизационный нарратив, цивилизационная идентичность, русский мир.*

Актуальность исследования обуславливается прежде всего политическими и социокультурными вызовами России в современном мире. Глобализационные процессы, охватившие не только экономику, но и культуру, переход к новому типу общества («информационное»), геополитические трансформации последних лет, ведущие к формированию новой конфигурации многополярного мира, — все это привело к возрождению в гуманитарных науках интереса к понятию «цивилизация» и исследованию цивилизационных нарративов развития как в общемировом контексте, так и в масштабе отдельных государств. Многополярный мир, о возрождении которого заявил президент Российской Федерации В. В. Путин в своей знаменитой Мюнхенской речи в 2007 году, — это основа международной безопасности, подразумевающая выход за пределы «военно-политической стабильности» и обеспечение устойчивости «...ми-

ровой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие **межцивилизационного диалога**» (выделено нами. — *Авт.*) [4]. Уникальность цивилизационного пути России подчеркивается и в нормативных правовых документах. Так, в Указе Президента РФ № 808 отмечается: «Россия — страна великой культуры, огромного культурного наследия, многовековых культурных традиций и неиссякаемого творческого потенциала. В силу своего географического положения, многонациональности, многоконфессиональности Россия развивалась и развивается как страна, объединяющая два мира — Восток и Запад. Исторический путь России определил ее культурное своеобразие, особенности национального менталитета, ценностные основы жизни российского общества» [15].

Отметим, что модель однополярного мира была объявлена нежизнеспособной не только в силу военно-политических

и экономических ограничений, но, и что немаловажно, в основе такой модели нет «...и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [4]. Очевидно, что развитие однополярного (по сути — американского) мира, во многом ориентирующееся на концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы, зашло в тупик: данная концепция подвергнута сомнению не только в теоретических дискуссиях, но и самой реальностью культурно-цивилизационного развития современного мира. Уникальность культур отдельных народов (стран), объявленная (помимо культуры потребления как основы современного либерализма [16]) американским политологом препятствием, затрудняющим процесс демократизации («Культура — в виде сопротивления преобразованию определенных традиционных ценностей в ценности демократические <...> может, таким образом, представлять собой препятствие на пути демократизации» [16]), была опровергнута даже на уровне моделей экономического развития, реализуемых сегодня Всемирным банком в отношении развивающихся стран (см., например: [14, с. 103–105]). Поэтому уникальность культур сегодня выходит на передний план, и, как следствие, актуализируется внимание на цивилизационном пути развития, что возвращает понятие «цивилизация» в поле научных интересов.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими задачами. Как подчеркивает С. Конрад, рассматривая проблемы децентрализма современного социокультурного развития, исследования цивилизационных нарративов активно развивались в XIX — начале XX века (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер). Однако позднее стали считаться устаревшими — вплоть до окончания «холодной войны», ознаменовавшего конец биполярного мира. «После того <...> ученым во многих частях света показалось, что цивилизации — вполне естественный инструмент анализа, с помощью которого можно осмыслить быстрые и масштабные перемены и объяснить конфликты в глобализованном мире (выделено нами. — *Авт.*). Понятие «цивилизация» оказалось особенно популярным за

пределами Европы, например, в исламском мире и в Восточной Азии. Оно медирует отдельные жизни и локальные контексты, с одной стороны, и анонимные процессы на общемировом уровне, с другой. Оно привлекательно еще и тем, что облегчает уход исторических сочинений от евроцентризма, поскольку придает большое значение политическому и культурному развитию, внутренне присущему соответствующей цивилизации» [8, с. 34].

Сам концепт цивилизации сегодня является в достаточной степени эклектичным, выражая как определенное состояние общества, так и совокупность средств достижения социальных целей, заданных «существующими универсалиями культуры» [18]. Ю. М. Резник под цивилизационным проектом понимает определенную конструкцию «будущего страны (общества) или группы родственных в культурном отношении стран (системы обществ), обоснованную не только логически, но, главным образом, содержательно и с учетом заданных автором критериев долженствования» [12, с. 12]. Так или иначе, цивилизация подразумевает совокупность сообществ, связанных определенными культурными признаками (Н. Я. Данилевский, С. Хантингтон).

Таким образом, несмотря на то что современные исследования преимущественно сосредоточены на вопросах транснационального развития и проблемах межгосударственного и межкультурного взаимодействия, что, безусловно, обусловлено глобализационными процессами, цивилизационные трансформации и связанные с ними нарративы выступают не менее интересной темой исследования.

Анализ последних исследований и публикаций.

Интерес к динамике социокультурных процессов, развитию мировой истории и цивилизационным трансформациям, безусловно, не является новым. Исследования второй половины XX — начала XIX века породили довольно большое количество социальных концепций футурологического толка. В качестве наиболее популярных подходов, привлекаемых для объяснения будущего стран — «ключевых

игроков» мирового сообщества, выступают выдвинутые в конце XX века концепция «конца истории» Ф. Фукуямы [16] и концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона [17]. Однако в ключе последних событий нам представляется необходимой актуализация исследований Н. Я. Данилевского [5], который одним из первых обозначил проблему цивилизационного развития мира.

Отметим работы современных отечественных исследователей, освещающих основные взгляды на рассматриваемую проблему. Так, особый интерес представляет исследование Ю. М. Резника, сопоставляющего концепции С. Хантингтона и Н. Я. Данилевского для выявления их проектных возможностей в прогнозировании будущего России [12]. Отметим также работы А. А. Романова [13], А. С. Беденковой [1], Е. П. Каргаполова [7], В. В. Заславского [6], А. В. Костиной [9] и др.

Объектом данного исследования выступает цивилизационный нарратив, **предметом** — культурологическое измерение концепции русского мира как цивилизационного нарратива.

Цель данной статьи: раскрыть ключевые аспекты культурологического осмысления концепции русского мира как цивилизационного нарратива.

Ввиду ограниченности формата статьи далее обзорно и тезисно обозначим проблемное поле исследований цивилизационных нарративов, цивилизационной идентичности, концепции русского мира и связанной с ней региональной идентичности, требующих, безусловно, более детального раскрытия и обоснования в последующих публикациях.

Говоря о цивилизационном нарративе, отметим, что под данным понятием, применяемым изначально для описания восприятия исторических событий, понимается «...рефлексия над прошлым <...> это всегда рассказ, <...> организованный извне, посредством внесленного рассказчиком сюжета, организующего повествование» [10, с. 657]. Т.е. здесь важны не столько факты, сколько культурные смыслы, конструируемые, зачастую, субъективно в контексте социокультур-

ного развития, исходя из базовых культурных конструктов, разделяемых данным обществом или их группой.

Культурные смыслы как основа цивилизационных форм неоднократно подчеркивались Н. Я. Данилевским в его знаменитом труде «Россия и Европа». Так, цивилизацию русский философ понимает предельно широко, вводя в ее семантическое поле все остальные социообразующие составляющие: «Цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности; и цивилизация все это в себе включает. Я говорю, что даже и религия есть понятие, подчиненное цивилизации» [5, с. 129]. Однако концепция Н. Я. Данилевского, как и более современная, предложенная С. Хантингтоном, включает и спорные моменты. В частности, и у русского философа, и у американского мыслителя в понимании природы цивилизации лежит общая религия [5; 12; 17]. В современных реалиях основа цивилизационной составляющей видится нам в формировании особой идентичности, основанной на надконфессиональных и наднациональных феноменах.

Вопрос идентичности является сегодня одним из центральных при решении проблемы цивилизационного развития. Так, С. Хантингтон, развивая концепцию «столкновения цивилизаций», отмечает, что падение биполярного мира спровоцировало в мире кризис идентичности, а вопрос ««На чьей вы стороне?» сменился более принципиальным: «Кто вы?». Каждая страна должна иметь ответ. Этот ответ, культурная идентичность страны» [17, с. 187]. Сегодня речь идет уже не о национальных и культурных идентичностях, а о более широких формах — цивилизационных [17, с. 76].

На сегодняшний день не существует единой точки зрения на сущность цивилизационной идентичности. Ряд исследователей связывает ее с этнонациональной и этнокультурной составляющими (противопоставляя ее гражданской идентичности) [2], часть из них говорит о трансцендентальном характере такого рода идентичности [12]. На наш взгляд, цивилизационные

нарративы той или иной страны строятся на исторических и культурных основах, выходящих далеко за рамки языкового, религиозного, этнического и иных ограничений. Основа цивилизационной идентичности — это принятие и разделение ключевых культурных идей, общий взгляд на историю (нарративы) и понимание стратегических ориентиров будущего.

Конституирование идей, способных объединить русский мир (в цивилизационном, но не этническом контексте), основные аспекты их формирования являлись и до сих пор выступают одной из наиболее популярных тем отечественной философской мысли. Главное событие 2014 года — возвращение Крыма в состав Российской Федерации — навело определенный взгляд на конституирование цивилизационных нарративов и формирование наднациональной¹² идентичности — «русского мира».

Отметим, что «русский мир» (в мировоззренческом аспекте) — это ещё и определенный «цивилизационный миф», позволяющий любому русскокультурному человеку *просто и доступно объяснить* сложные и непонятные глобальные процессы, не потерять свою идентичность и найти свое собственное место в социокультурном пространстве. С воссоединением Крыма с Россией завершается формирование такого *позитивного цивилизационного мифа*: русский мир получает видимые географические контуры. Хотя очевидно, что русский мир превосходит географические границы России и постепенно, вслед за этим цивилизационным мифом, ее пределы в пространстве физическом также расширяются. Во-вторых, русский мир продолжает наполняться аксиологически: речь идет не только о защите самобытных ценностей любого отдельного народа России, но также и о защите всех традиционных ценностей от парадигмы трансгрессивности западной культуры. Разумеется, что по своему масштабу это противостояние является темой отдельного исследования, однако отметим, что образы западной культуры ошеломля-

ют своей неординарностью и эксцентричностью, балансируя на грани приличия во всех значениях этого слова. При этом привычные западному обывателю понятия заменяются кичливыми неологизмами, традиционные же ценности вытесняются в маргинес: налицо попытка искусственной замены существующей культурной парадигмы альтернативной.

Рассмотрим конструирование цивилизационного нарратива на примере формирования крымской идентичности. Анализируя последнюю, следует указать, что прежде всего она ориентирована на концепцию «русского мира». Согласно развиваемому в статье подходу, крымская региональная идентичность не имеет четкой этнической основы, она — *национальная*. Крымские русские — это самоназвание больше не этнических русских, но россиян в общенациональном, государственном смысле. Кстати, в этом отличие крымчан от севастопольцев: последние себя воспринимают русскими именно в этническом отношении. К слову, у севастопольцев идентичность тесно связана с конкретным местом проживания: «легендарный Севастополь, город русских моряков». Эту идентичность севастопольцы всегда подчеркивают и считают предметом своей гордости. Если провести аналогию с древней Грецией, то Севастополь — это именно тот полис, который является городом-государством со своей собственной «величественной» мифологией, и быть в нем «политесом» дано не каждому — этот статус нужно заслужить. Возможно, это также связано с тем, что Севастополь, в отличие от остального Крыма, не был искусственно оторван от русско-культурного пространства. Этот аспект крымской идентичности дополняется тем, что она долгие годы являлась перманентно «дремлющей», и только события 2014 года ее актуализировали. В Севастополе же региональная идентичность всегда являлась активной. Кроме того, «типичные» севастопольцы чувствуют себя в значительной степени особенными и исключительными, что, вероятно, проистекает из длительного периода «закрытого» статуса города.

В контексте рассмотрения общей региональной идентичности отдельно отметим

особенность крымской мифологии о России, образ которой, как нам представляется, сформировался и во многом зиждется на событиях нашей истории XVIII–XIX веков. Образ современной России в Крыму конституируется достаточно медленно, с определенным «запаздыванием». Сформированный массив объектов культурного наследия, которые сконцентрированы на такой относительно небольшой территории, привел к тому, что крымчане, независимо от субъекта Федерации, зачастую сконцентрированы больше на прошлом, чем на настоящем и будущем.

Выводы и перспективы дальнейшего изучения данного направления.

Таким образом, понятие русского мира активно используется в современных дискурсах политических и философских, под которым, как правило, понимается определенный цивилизационный проект. Русский мир имеет оригинальную идеологию, не вписывающуюся в классические дихотомии «консерватизм-либерализм», «коммунизм-капитализм» и т. п. В данном случае «русский мир» можно рассматривать как цивилизационный нарратив, выражающийся в виде глобального культурного проекта. На какие же особенности данного проекта следует обратить внимание в культурологическом анализе?

С нашей точки зрения, в первую очередь его ключевыми аспектами будут выступать:

- «мультикультурализм», имеющий несколько иное смысловое наполнение, чем в Европе и связанный с исторически сформированной региональной культурной полисубъектностью. К слову, ушедшее на периферию научных дискуссий понятие «интернационализм» в данной связи имеет большой эвристический потенциал. В дополнение к этому отметим, что в цивилизационном нарративе русского мира отсутствует угроза культурной ассимиляции, что является одним из важных его преимуществ;

- евразийство: русский мир — это альтернатива «Востоку» и «Западу», у него особый путь развития. В этом контексте актуально высказывание Н.Я. Данилевского о том, что прогресс «...состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком

случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях» [5, с. 109];

- традиционализм: идея сохранения устоявшихся в сообществах ценностей: семьи, нравственных оснований, патриотизма. В данном контексте обратим внимание на недавнее голосование по изменениям в Конституцию РФ, которое вполне укладывается в реализацию этого цивилизационного нарратива. Дополним данный аспект идеей «духовности» («за Веру, Царя и Отечество»). Тот факт, что в России сразу четыре религии (христианство, ислам, буддизм и иудаизм) имеют многовековые корни и потому признаны исконными даже на уровне законодательства, свидетельствует о мощной ценностной составляющей, предполагающей многообразие в единстве;

- идея «державности» (сильного государства) и территориальная, а не этническая идентичность;

- глобальный охват: «русский мир» потенциально и принципиально превосходит географические границы России, которая естественно стремится к «собираению исконных земель». В данной связи обратим внимание на фразу президента Российской Федерации В. В. Путина, сказанную им на церемонии вручения премии Русского географического общества: «...граница России нигде не заканчивается» [11].

В завершение отметим, что по мере ускорения глобальной социокультурной динамики значимость проблемы поиска и определения цивилизационной идентичности будет возрастать, в связи с чем возникнет необходимость новых подходов к осмыслению цивилизационного нарратива России, в рамках которого, несомненно, концепция «русского мира» (с необходимыми корректировками) станет основополагающей. При этом, может быть вполне разумным и обоснованным возврат к «старому», не принятому сегодня пониманию цивилизации как культуры гражданского, городского человека [3], разделяющего национальные (надэтнические) ценности, основанной на общем взгляде на историю и консенсусе в вопросах перспективы развития своей страны.

¹² *Нация как надэтническое образование, принадлежность к которой — свободный выбор каждого, исходя прежде всего из разделяемых цивилизационных ценностей и ориентиров.*

1. Беденкова А. С. Российская цивилизация: проблема определения и специфика развития – Текст: электронный / А. С. Беденкова // Электронный научно-образовательный журнал «Nauka.me»: [сайт]. – 2020. – № 4. – URL: <https://nauka.me/s241328880013303-7-1/> (дата обращения: 29.04.2022).

2. Беспалова Т. В. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе / Т. В. Беспалова, В. Н. Расторгуев. – Москва: Институт наследия, 2017. – 224 с.

3. Введение в культурную антропологию: учеб. для вузов / О. А. Габриелян, А. В. Швецова, Е. В. Донская, Е. Б. Ильянович, А. А. Коноплева, Н. Н. Кузьмин, А. Ю. Микитинец, О. И. Микитинец, М. В. Сомов. – Симферополь: Издательство «ЧП Предприятие Феникс», 2014. – 298 с.

4. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 года. Мюнхен. – Текст: электронный // Президент России: [сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 27.04.2022).

5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский / составление, послесловие и комментарии С. А. Вайгачева. – Москва: Книга, 1991. – 574 с.

6. Заславский В. В. Возможности цивилизационного развития России / В. В. Заславский // Вестник РФО. – 2021. – Вып. 1–2 (95–96). – С. 24–33.

7. Каргаполов Е. П. Цивилизационная идентичность России: проблемы и решения / Е. П. Каргаполов // Вестник КемГУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – 4 (1). – С. 61–69.

8. Конрад С. Что такое глобальная история? / Себастьян Конрад. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – 312 с.

9. Костина А. В. Цивилизационная идентичность России: вызовы и ответы / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 2. – С. 138–152.

10. Нарратив // Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. – 2001. – С. 657.

11. Путин: Граница России нигде не заканчивается. – Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. – URL: <https://rg.ru/2016/11/24/putin-granica-rossii-nigde-ne-zakanchivaetsia.html> (дата обращения: 03.05.2022).

12. Резник Ю. М. Два проекта цивилизационного будущего России: Хантингтон против Данилевского (опыт актуальной реконструкции) / Ю. М. Резник // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 4. – С. 10–22.

13. Романов А. А. Россия и Европа: Столкновение Цивилизаций (актуализация взглядов Н. Я. Данилевского и С. Хантингтона) / А. А. Романов // Россия и мир: развитие цивилизаций. Преобразование цивилизационных ценностей в современном мире: Материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х ч., Москва, 21–22 апреля 2021 года. – Москва: Институт мировых цивилизаций, 2021. – С. 388–392.

14. Тросби Д. Экономика и культура / Д. Тросби; пер. с англ. И. Кушнарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 256 с.

15. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». – Текст: электронный // Президент России: [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 27.04.2022).

16. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма // Гуманитарный портал: [сайт]. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6341/6361> (дата обращения: 29.04.2022).

17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603, [5] с.

18. Цивилизация // Новейший философский словарь / сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. – 2001. – С. 1170.

The article provides a cultural analysis of the Russian world, which is interpreted as a civilizational narrative. The construction of this civilizational narrative is considered, in particular, on the example of the formation of the Crimean regional identity. In the context of the dynamics of modern socio-cultural processes, the key features of the Russian world as a global cultural project are formulated.

Keywords: culture, civilization, multipolar world, civilizational narrative, civilizational identity, Russian world.

УДК 379

Н. В. Николаенко, А. А. Шелягова

Перспективы становления уникальной исторической территории как комплексной формы освоения и управления природным и культурным наследием Крыма

В статье представлен проект, транслирующий знания в региональном аспекте деятельности уникальной историко-культурной территории — экомuzeя. Проблема сохранения и рационального использования потенциала объектов природного и культурного достояния является значимым аспектом современной музеологии. Процесс выявления перспективной историко-культурной территории способствует привлечению интереса общественности, расширяет возможности эстетического и экологического воспитания.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, экомuzeй, уникальная территория, экспозиция.

Актуальность статьи обусловлена тем, что проблема защиты, сохранения и рационального использования природного и культурного достояния в его традиционной естественной среде, где оно было создано или обнаружено, заставляет вести постоянный поиск инновационных принципов, методов, форм. Развитие местных туристско-краеведческих организаций требует практических мероприятий по модернизации этно- и социокультурной деятельности.

Введение. Перспективной формой, получившей развитие в РФ в последние десятилетия, является уникальная историческая (историко-культурная) территория — УИТ (УИКТ). В общих чертах, концепция УИТ базируется на представлении об избранной локации как о це-

лостном, рассредоточенном музее. Насыщенная памятниками природы, истории, архитектуры территория рассматривается как уникальная. По направлениям и формам деятельности УИТ представляют собой музейные учреждения, в определенной степени, аналогичные экомuzeям [15, с. 165]. Взяв под свой патронаж обозначенную территорию, экомuzeй выступает в роли организации, способствующей сохранению наследия.

Как известно, первые варианты формулирования основных положений экомuzeя были осуществлены Ж. А. Ривьером, который выделил видовые признаки и подчеркнул приоритет: концепция экомuzeя предполагает активное осмысление реалий истории и культуры («Эволюционное определение экомuzeя»). Первый

российский сборник «Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов» (под ред. Ю. А. Мазурова) вышел в Москве в 1994 году. Труды Ю. А. Веденина [4], П. М. Шульгина [24] определили ведущие направления отечественных исследований, дали материал для появления рабочих определений. С. И. Сотникова уделила данной теме главу «Музей в региональном развитии» в пособии для вузов [15]. Значительный вклад в развитие УИТ принадлежит Российскому НИИ культурного и природного наследия, создавшему ряд удачных программ. Примером может служить проект УИТ ПУНСИ в Ханты-Мансийском национальном округе «Барсова гора»: многочисленные археологические памятники помогают воссоздать и представить местную культуру в ее глубокой исторической ретроспективе. Опыт, накопленный при разработке научной концепции заповедника «Ирендык» (Башкирия), получил развитие в аналогичных проектах — «Аркаим» (Челябинская обл.), «Каргалинский рудник» (Оренбургская обл.) и др. [24]

Проблемой организации УИТ является ключевое решение по районированию (или зонированию) общей территории на предмет выделения регионов, перспективных для историко-культурной специализации. Решением, на наш взгляд, является создание территориальных экокомплексов. Конкретная локализация решает также проблему включения территории в земельный кадастр как особой категории.

Объектом исследования являются уникальные исторические территории. **Предмет** исследования — деятельность УИТ как комплексной формы освоения и управления природным и культурным наследием Крыма.

Цель и задачи данного исследования направлены: 1) на выявление основных объектов наследия в Чернореченской долине Крыма; 2) обоснование реальной возможности организации и становления УИТ; 3) определение места УИТ на географической и исторической карте полуострова.

Разработка комплексной программы

развития региона на принципах экомuzeя квалифицируется как следующий этап проектирования.

Материалом послужили природные и историко-культурные объекты региона. На основе **метода** теоретического анализа обоснованы возможности создания нового экомuzeйного проекта. При подготовке использован значительный корпус источников: мемуары, публицистика и др. литература.

Горная юго-западная часть полуострова является целостным пространственным историко-культурным комплексом. Чернореченская долина — составная часть этой территории, и ее уникальные объекты, рассмотренные в идейной совокупности, представляют значительный потенциал для археологов, краеведов, практических музейщиков, экотуристов. Выбор долины обусловлен феноменом формирования в этой местности уникальной цивилизации на протяжении известного времени. Удачное сочетание различных факторов, прежде всего природных, объясняет насыщенность территории памятниками различных племен и народов. Относительно мягкий климат, богатые водные ресурсы, хорошо увлажненные почвы, наличие лесов и пастбищ, природные ресурсы для развития ремесел и промыслов естественно дополнены особенностями ландшафта — многочисленными пещерами и гротами, удобными обособленными высотами и нагорьями. Обширная земледельческая округа предоставляет благоприятные возможности ведения продуктивного хозяйства при обеспечении определенной безопасности. Со временем расположение долины (близость моря и удобных гаваней) позволило местным правителям контролировать торговые пути. Этим можно объяснить наличие многочисленных стоянок человека, поселений, городищ, монастырей, замков-исаров. В результате на данной территории возникла оригинальная цивилизация, т. н. провинциальная, с особыми характеристиками, что позволяет настаивать на необходимости создания на этой территории нового музейного экомuzeя.

Результаты исследования. На территории современного села Черноречье

(город федерального значения Севастополь) и в ближайшей округе находятся различные археологические, природные, архитектурные памятники, доступные для посещения. Идея структурно объединить их в единый комплекс, связать различными тематическими экскурсиями, а также создать в перспективе музейную экспозицию, лежит в основе проектирования и обустройства уникальной историко-культурной территории «Чоргунь» (прежнее название села, которое является центром данного комплекса).

Известным архитектурным памятником округа является Чоргуньская башня, расположенная на берегу Черной реки. Селение Чоргунь (старые названия — Верхний и Нижний Чоргунь) возникло в XV в. на юго-западе княжества Феодоро, с 1520 г. оно начинает фигурировать в османских налоговых ведомостях. По переписи 1628 г., в селении еще проживали христиане (10 домов), но уже в 1662 г. все жители были мусульманами. Турецкий путешественник Э. Челеби, посетивший эти места в середине XVII в., отмечает: «Стоянка селение Чоргане. Оно расположено в широкой долине на берегу реки Казаклы-Озен. Деревня с садами, виноградниками, 150-ю домами, крытыми черепицей, одной баней и одной соборной мечетью. Между прочим, перед домами жителей Чоргане <...> у которых мы жили, есть большая башня с железными воротами и подъемным мостом» [20, с. 82].

Высказано предположение, что в селении находилась резиденция кадия-судьи, правителя округа. А. Л. Бертъе-Делагард, крымский археолог, коллекционер, нумизмат и военный инженер полагал, что башня была возведена для турецкого или татарского вельможи (XVI–XVII вв.), который проживал в построенном рядом деревянном дворце [1, с. 184]. По мнению исследователя, являясь декоративной частью дворцового комплекса, башня не имела военно-фортификационного значения. Очевидно, что в данном случае генерал ошибается в своей оценке, т. к. в Крымской войне башня использовалась отрядом подполковника А. Е. Ра-

ковича в ходе Балаклавского сражения (1–2.10.1854). На площадке башни были установлены два орудия 16-й артбригады под командованием поручика Ф. И. Максимова 3-го, которые обстреливали сардинские войска [5, с. 182].

Чоргуньская башня — четырехэтажное сооружение необычной формы: снаружи это двенадцатигранник, изнутри — цилиндр. Современная высота — 12 м (изначально была выше из-за утраченного парапета), ширина граней — 3,7 м, толщина стен — 1,5 м (у основания — 2,5 м). Сложена из бутового камня, углы граней — из хорошо обработанного известняка [21]. Нижний ярус башни — глухой, без входа. Здесь располагался резервуар для воды, которая поступала по глиняным трубам (башня в 80 м от русла реки). Верхние этажи были жилые, вход — на уровне третьего этажа, т. е. попасть внутрь предлагалось либо по наружной деревянной лестнице, либо с деревянной галереи, соединяющей башню с дворцом. С внешней стороны имеется несколько малых окон (не бойниц). Отметим, что археологические раскопки объекта не проводились, а вот архитектурное обследование велось [5, с. 181]. По поводу наружного 12-гранника можно предположить, что такая архитектурная форма возникла под влиянием дюрбе татарской знати XV в. (по аналогии: восьмигранник — малоазийский стиль) [26]. Отметим любопытный факт: в конце XIX в. рабочие, проводившие близ деревни Чоргунь ремонт Екатерининской мили, обнаружили, что «... в ее фундамент вмонтированы три армянские надгробные надписи, датированные XVII веком. Одна из них представляет собой стихотворную эпитафию большому количеству лиц, которые, вероятно, скончались в результате какой-то эпидемии» [21].

Неподалеку, в полутора километрах по проселочной дороге (у с. Хмельническое), находится Чоргуньский акведук. Сооружение представляет трехарочный мост длиной 12 м, перекинутый через р. Черную и является частью старого водовода. В 1823–1824 гг. проект Севастопольского (Лазаревского) водовода

разработал французский инженер на русской службе А. Рокур. В 1836 г. в Севастополе началась постройка пяти сухих доков для ремонта кораблей, вода поступала из реки. Проект модернизировал англичанин Д. Уптон: сооружена плотина, а далее вода самотеком (по водоводу около 18 км) проходила по трем тоннелям и четырем акведукам. После Крымской войны водовод не стали восстанавливать из-за разрушенных доков Корабельной (Доковой) бухты. Большая часть трассы уничтожена в 1870-х гг. при строительстве железной дороги Лозовая — Севастополь, а удаленный Чоргунский акведук уцелел и хорошо сохранился — утрачены лишь отдельные камни в облицовке [6, с. 72].

За акведуком открывается Чернореченская долина, занятая садами и виноградными плантациями. Освоение местности началось более 10 тысяч лет назад. В Крыму открыто не менее 30 мезолитических стоянок, одна из которых — Мурзак-Коба близ с. Черноречье, дала название культуре. Впервые грот Мурзак-Коба (как и соседние Шан-Коба и Фатма-Коба) заселен еще в конце верхнего палеолита. Гроты и навесы многократно оставляли и возвращались на протяжении всей мезолитической эпохи [19, с. 33]. Археологи полагают, что мурзак-кобинская культура принадлежит двум разным группам населения, которые, не смешиваясь, обитали на этой территории в VIII–VI тысячелетиях до н. э. (возраст может быть углублен) [3, с. 18–19].

К VIII в. до н. э. в предгорном Крыму сформировался новый этнос — тавры (с V в. до н. э. в поле зрения античных авторов). Погребальные памятники, объединяемые в кизил-кобинскую культуру, распространены по всему предгорному Крыму, в том числе близ с. Черноречье — Уч-Баш, Инкерманское и др. Обнаруженные таврские поселения дают обширный материал для будущей историко-архитектурной реконструкции: они однотипны и конструктивно примитивны. Наиболее детально исследовано поселение Уч-Баш. Экспедиция под руководством С. Ф. Стржелецкого в 1952–1954 гг. обнаружила остатки трех

жилищ одинаковой конструкции и около 100 хозяйственных и очажных ям. Жилища представляют наземные постройки неправильной четырехугольной формы (длина — 9 м, ширина — 6 м): стены домов — плетни, обмазанные изнутри и снаружи глиной с примесью соломы. Двухскатную крышу подпирали опорные балки; полы глинобитные. В центре жилища устраивали первый очаг (источник света и тепла), рядом — второй, на котором готовили пищу. Вдоль стен (снаружи) вырыты хозяйственные ямы; иногда к стене примыкала полуземлянка для скота. Постройки погибли от пожара в VII в. до н. э. В 300 метрах юго-западнее поселения Уч-Баш находилось его кладбище — своеобразный архитектурный памятник [5, с. 159]. Как известно, таврские могильники состояли из т.н. каменных ящиков: четыре вкопанные в землю плиты, образующие стены, сверху покрывались пятой плитой (1,5 м — 1 м — 1 м). Практически все разграблены, единственное исключение — Мал-Муз [19, с. 73]. Датируются усыпальницы по находкам античной керамики IV–III вв. до н. э.

Некоторые раннесредневековые усыпальницы расположены на местах поздне-таврских разрушенных поселений. Могильники V–VIII вв. принадлежат потомкам тавро-скифов; прослеживаются скифо-сарматские формы. Раскопки у с. Черноречье обнаружили 36 подбойных могил, 9 простых грунтовых, 7 склепов-катакомб. Найдены римские монеты III века: 3 антопинианы Гордиана III, два денария Каракаллы, денарий Марка Аврелия 166 г., бронзовый денарий Юлия Мезы. Выявлены также захоронения с оружием: меч, наконечник копья, кинжалы [14, с. 117–118]. В долине обнаружены остатки средневековых поселений, интересные, прежде всего, тем, что жизнь на них никогда не прерывалась надолго — современные села либо стоят на них, либо находятся в непосредственной близости. Поселения состояли из небольших усадеб и построек, расположенных вплотную одна к другой на искусственных ступенчатых террасах крутых склонов [9, с. 102]. Перспектива практической

реконструкции средневекового поселения выглядит столь же привлекательно, как и высказанная ранее подобная идея применительно к Бельбекской долине [12, с. 7].

Сады и поля огораживали каменными заборами, сложенными из бута насухо или колючими живыми изгородями из терновника. Были распространены разнообразные сорта груш, яблок и слив. В садах росли также вишня, айва, персик, абрикос, миндаль, желтая и красная черешня, кизил и проч. В хозяйстве огромную роль играли виноградарство и виноделие — их следы повсюду [7, с. 107–108]. Как известно, существенным результатом германо-римской цивилизации философ Н. Я. Данилевский считал науку о природе: где, как не в плодовом саду, этой лаборатории всех европейских естествоиспытателей, формировались и опытным путем проверялись ее ступени и фазисы «собираения материалов, искусственные системы, части эмпирических законов, общий рациональный закон» [8, с. 161]. Развитие плодового хозяйства в предгорных долинах юго-западной части Таврики на протяжении столетий позволяет утверждать, что поколение за поколением, невзирая на природные невзгоды, военные события, различного рода катаклизмы и эпидемии, культурную и научную изоляцию, местные садоводы создавали удивительно продуктивные и многообразные фруктовые и виноградные плантации, что позволяет нам напомнить о существовании особой цивилизации — крымской.

Вверх по течению находится феодальный замок, руины которого расположены в 2-х км к юго-востоку от с. Черноречье (левый берег реки, где она выходит из каньона и заканчивается более чем 100-метровым обрывом — это гора Исар). В литературе и среди местного населения крепость известна именно под названием «Исар» (реже «Бибиковский Исар», в честь археолога С. Н. Бибикова). Замок имел площадь в 2 га; окружен естественными обрывами и стеной (толщина — 2 м, высота — сохранившаяся — около 3,5 м), которые образуют дугу про-

тяженностью около 130 м. Ворота (под защитой башни) находились в средней части этой дуги. Стена исара сложена из необработанных камней, на извести. Внутри укрепления заметны остатки строений. Археологи нашли обломки пифосов, амфор с рифлением, поливной керамики, датируемые XIV–XV вв. [2; 17, с. 269]. На территории с. Черноречье, неподалеку развалины церкви Св. Георгия, известен также могильник с надгробиями XV–XVI вв. с текстами на греческом и армянском языках.

Руины значительного по площади феодального замка, известного как Исарчик (или Сарджик), находятся в юго-восточной части каньона, на плато скалистого мыса. Мыс отгорожен от плоскогорья стеной (толщина до 2 м) из грубо обработанных камней на извести с песком. В центральной части заметны следы прямоугольной башни (3,5–4,5 м). Под ее прикрытием находились ворота; такие же прямоугольные башни, но меньшего размера, замечены у северной и южной оконечностей стены. На территории замка (площадь — 1,25 га) видны следы каменных построек, на поверхности обнаружено значительное количество обломков поливной посуды, характерной для XIV–XV вв. [17, с. 270].

Живописная природа Чернореченской долины представлена эндемиками флоры, редкими геологическими породами, необычными формами рельефа. Река Черная начинается от слияния нескольких ручьев (северный макросклон Главной гряды) с р. Узунджой; длина составляет 41 км, имеет группу притоков. За самым крупным в Крыму водохранилищем на естественном стоке начинается каньон — загадка и памятник природы полуострова [11, с. 216]. Современные исследователи склоняются к версии о регрессивном процессе образования каньона, т.е. считается, что верховья реки постепенно врезались в горные массивы, пока не достигли пределов. Почти 17 км, от скалы Кизил-Кая до с. Черноречье, стиснутая скалами высотой в несколько десятков метров, река течет по каньону (геологический заказник). Склоны его покрыты лесными массивами дуба

пушистого и можжевельника высокого [25, с. 21].

Выявленные объекты природного и культурного наследия подтверждают реальную возможность организации УИКТ «Черноречье» со значительным потенциалом: стоянка Мурзак-Коба, таврские памятники, средневековые замки Исар и Сарджик, Чоргунская башня, акведук XIX в.; Чернореченский каньон и реликтовые леса. А вот в селе Черноречье необходимо создать историко-краеведческий музей (составная часть УИКТ). Находясь в границах определенной территории, музей может решать не свойственные другим культурным учреждениям задачи, являясь центром научно-исследовательской деятельности, учреждением культурного представительства региона, творческой студией для молодежи [16]. В музее необходимо сосредоточить археологические коллекции, документы по истории села и округи, изображения различных объектов (рисунки, чертежи, фотографии), макеты, модели и проч. Разработанная научная концепция музея должна определить профиль системы экспозиций, конкретные цели и задачи, источниковедческую базу, план комплектования коллекции, тематическую структуру (ТС). Нам представляется, что ТС может состоять из следующих разделов (комплексов): I. Природа. Ландшафтные памятники Черноречья. II. Археология. III. История средневековья. IV. Таврическая губерния (Каралезская волость Симферопольского уезда). V. Крымская война (Балаклавское и Чернореченское сражения). VI. История села Чоргунь. VII. Этнография. VIII. Великая Отечественная война (оборона; Балаклавский партизанский отряд; освобождение).

Формат данного исследования не позволяет подробно рассмотреть эпизоды военной истории, хотя в данной местности происходили значительные события; здесь установлены памятники и памятные знаки, посвященные героям Отечества. Несомненно, этим темам должно будет уделить особое внимание.

Село Черноречье имеет интересную и

продолжительную историю, связанную с известными деятелями науки и культуры. В потемкинские времена здесь получил поместье командир Балаклавского греческого батальона Стефан Мавромихали, принадлежавший к древнему роду. Женат он был на дочери графа Я. Н. Булгари. Их сын Павел (1770–1822) служил на флоте, затем перешел на гражданскую службу, в канцелярию герцога А. Э. Ришелье. С 1786 г. поместьем владел русский ученый и государственный деятель К. И. Габлиц (1752–1821). Он прибыл в Тавриду в 1784 г., совершил путешествие по полуострову, собрал и опубликовал научный материал о природных богатствах края. Книга «Физическое описание Таврической области по ее местоположению и всем трем царствам природы» была издана в столице уже на следующий год. Г. А. Потемкин пожаловал ученому за заслуги сад в Судаке и дом в Нижнем Чоргуне. Описания «Чоргунской дачи» ученого сохранились в литературе, лучшие из них принадлежат В. В. Измайлову (впоследствии первый издатель произведений А. С. Пушкина) и И. М. Муравьеву-Апостолу [10, с. 229].

Известно, что в 1793–1794 гг. частым гостем здесь бывал старый друг хозяина путешественник и ученый П. С. Паллас (1741–1811). Он писал, что рядом с известной башней находился «...в турецком вкусе построенный дом <...> очень прочен, обнесен галереями...» [13, с. 212]. В этом доме-дворце и проживал Карл Габлиц. С друзьями связана любопытная история с уцелевшей мраморной плитой из Херсонеса. Посетив Габлица в его имении, Паллас обнаружил эту плиту и опубликовал эту надпись, а также несколько других. Надпись гласила, что византийский император Зенон (474–491) в 488 г. даровал городу часть податей, платимых жителями. Впоследствии Габлиц передал находку Таврическому губернатору А. М. Бороздину, а тот — князю М. С. Воронцову. Сыном последнего плита была передана в Херсонесский монастырь, в ведение Одесского общества истории и древностей (проводившего раскопки древнего Херсонеса) [18, с. 348]. Уехав из Тавриды в феврале 1797 г., Габлиц еще 12 лет владел

Чоргуном, причем имение в его честь в первой половине XIX в. называли Карловкой. Полагаем, следует увековечить память об одном из первооткрывателей края, причем как в музейной экспозиции, так и иными способами, а также предметно рассказать о его ближнем круге.

Родственные и деловые связи были у С. Мавромихали и с известным ученым, топографом, исследователем Центральной Азии И. П. Блаرامбергом (1800–1878). Поместье через некоторое время перешло к его сыну. Поселившись в Чоргуне, композитор П. И. Бларамберг активно занялся сельским хозяйством. Умер он в 1907 г., урна с прахом захоронена в фамильном склепе. В годы Великой Отечественной войны склеп и дом были разрушены [22, с. 38–40].

Выводы. Научная концепция УИКТ «Черноречье» предполагает поэтапное создание и развитие проекта. Структурообразующими элементами могут быть традиционный музей, регулярные выставки, живые коллекции (памятники природы) и памятники *in situ* (недвижимые памятники), рассредоточенные на территории. Музей в границах УИКТ подтвердит и расширит знания, полученные при осмотре отдельных объектов. Система экспозиций позволит подробно осветить природные явления, исторические события, показать этнический состав населения, социальную устроенность, рассмотреть религиозные аспекты, факторы внешнеполитического влияния, особенности и проблемы хозяйственной деятельности, развитие и видоизменения материальной культуры региона.

Классические методы формирования тематико-экспозиционных комплексов должны дополняться внедрением новых музейных технологий. Это, прежде

всего, веб-сайт, предназначенный для виртуальных посетителей. Электронная экспозиция (система терминалов, особым образом интерпретирующая информацию) позволяет решить важную задачу современного музея — привлечение нового поколения посетителей. Привнесение в традиционную музейную среду анимации, звука, видео, трехмерной графики и других элементов мультимедиа значительно расширяет возможности экспозиции и степень ее эмоционального воздействия [23, с. 407]. Виртуальный экспонат незаменим, когда материальный объект не может быть реально представлен: речь о специально созданных мультимедийных программах, выступающих равноправными участниками экспозиции наряду с подлинными музейными предметами. Именно в музеях, созданных в рамках уникальной историко-культурной территории, электронная экспозиция найдет в будущем широкое применение, особенно в силу специфики формирования фондовых коллекций и широкого использования технологичных способов получения и применения информации.

Таким образом, рациональное освоение и использование национального наследия является значительным стимулом для экономического развития территории (как минимум — создание современной инфраструктуры), а также ресурсом для проведения научных многопрофильных исследований и выполнения различных образовательных и туристических программ. Практическое воплощение проекта УИКТ «Черноречье» стимулирует интерес общества к природному и историко-культурному достоянию, будет способствовать сохранению памятников Крыма и созданию в перспективе оригинальных музейных проектов.

Перечень использованных топонимов

1. Бертъе-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города в Крыму / А. Л. Бертъе-Делагард // ЗООИД. — 1886. — Т. 14. — С. 180–190.
2. Бибииков С. Н. Средневековое укрепление Исар близ селения Чоргунь / С. Н. Бибииков // КСИА АН СССР. — Т. 2-1; Е., 1939. — № 30–32.
3. Буров Г. М. Древний Крым / Г. М. Буров // История Крыма с древнейших времен до наших дней. — Симферополь: Атлас-Компакт, 2013. — С. 3–47.
4. Веденин Ю. А. Основные положения современной концепции управления культурным наследием / Ю. А. Веденин, П. М. Шульгин // Наследие и современность: Информационный сборник. — Москва, 2002. — Вып. 10. — С. 7–18.
5. Венিকেев Е. В. Архитектура Севастополя / Е. В. Венিকেев. — Симферополь: Таврия, 1983. — 208 с.
6. Венিকেев Е. В. Севастопольские маршруты / Е. В. Венিকেев. — Симферополь: Таврия, 1988. — 144 с.
7. Гарагуля В. К. Общины Готии / В. К. Гарагуля // Дорогой тысячелетий. — Симферополь: Крым, 1966. — С. 98–119.
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — Москва: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.
9. Домбровский О. И. Средневековая Таврика и Крымская «Готия» / О. И. Домбровский // Дорогой тысячелетий. — Симферополь: Крым, 1966. — С. 41–76.
10. Дружинин С. А. К. И. Габлиц в Тавриде / С. А. Дружинин // Крымские каникулы. — Т. 2. — Симферополь: Таврия, 1985. — С. 224–231.
11. Ена В. Г. Краткий географический словарь / В. Г. Ена, Ал. В. Ена, Ан. Ена. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. — 264 с.
12. Николаенко Н. В. К проблеме рационального использования потенциала природного и культурного наследия Крыма: особенности развития на основе концепции уникальной исторической территории / Н. В. Николаенко // Этническая культура. — 2022. — Т. 4. — № 1. — С. 24–30.
13. Паллас П. С. Путешествие по югу России / П. С. Паллас // ЗООИД. — 1881. — Т. 12. — Ч. I; 1988. — Т. 13. — 212 с.
14. Пиоро И. С. Крымская Готия / И. С. Пиоро. — Киев: Лыбидь, 1990. — 200 с.
15. Сотникова С. И. Музеология / С. И. Сотникова. — Москва: Дрофа, 2010. — 190 с.
16. Странский З. Музей, искусство и перспективы развития человечества / З. Странский // Музейное дело. Музей — культура — общество: сб. науч. тр. — Вып. 21. — Москва, 1992. — 253 с.
17. Фадеева Т. М. Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник / Т. М. Фадеева, А. К. Шапошников. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. — 396 с.
18. Фадеева Т. М., Ф. Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу... / Ф. Дюбуа де Монпере; перевод с французского, предисловие и примечание Т. М. Фадеевой // Симферополь: Бизнес-Информ, 2020. — С. 5–7; 325–358.
19. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма / И. Н. Храпунов. — Симферополь: Доля, 2007. — 272 с.
20. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / Э. Челеби. — Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2017. — 312 с.
21. Чоргунская башня // Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Чоргоречье_\(Севастополь\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Чоргоречье_(Севастополь)) (дата обращения 20.02.2022).
22. Шавшин В. Г. Балаклава. Исторические очерки / В. Г. Шавшин. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. — 296 с.
23. Шулепова Э. Л. Основы музееведения / Э. Л. Шулепова. — Москва: URSS, 2015. — 432 с.
24. Шульгин П. М. Работа Института наследия над комплексными региональными программами / П. М. Шульгин // Наследие и современность: десять лет Институту наследия: Инф. сб. Вып. 10. — Москва: Институт Наследия, 2002. — С. 19–47.
25. Шутов Ю. П. Воды Крыма / Ю. П. Шутов. — Симферополь: Таврия, 1979. — 96 с.
26. Якобсон А. Л. Закономерности развития средневековой архитектуры / А. Л. Якобсон. — Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1986. — 152 с.

Список сокращений

АН — Академия наук.
ЗООИД — Записки Одесского Общества любителей истории и древностей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

Балаклава (тюрк.) — садок для рыбы.
Инкерман (тюрк.) — пещерная крепость.
Исар (араб.) — крепость, укрепление.
Казыклы-Озен (тюрк.) — река с укрепленным плетнем берегом (р. Черная — Чоргунь, Черсу).
Кизил-Кая (тюрк.) — красная скала.
Мурзак-Коба (тюрк.) — пещера мирзы (вельможи).
Узунджа (тюрк.) — продолговатая, длинная.
Уч-Баш (тюрк.) — пастушья стоянка.
Фатьма-Коба — Фатьма (араб. жен. Имя), Коба (тюрк.) — пещера.
Шан-Коба — Шан (араб.) — слава, известность, Коба (тюрк.) — пещера.

При определении топонима использованы источники:

1. Белянский И. Л. Географические названия / И. Л. Белянский, И. Л. Лезина, А. В. Супранская // Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. — 160 с.
2. Гарагуля В. К. Краткий словарь географических названий / В. К. Гарагуля // Крым: путеводитель. — Симферополь: Таврия, 1982. — С. 295–305.

The article presents the project that translates the knowledge in the regional aspect of the unique historical and cultural territory — the ecomuseum. The problem of the conservation and rational use of the potential of objects of the natural and cultural heritage is a significant aspect of the modern museology. The process of identifying the promising historical and cultural territory helps to attract public interest, expands the possibilities of the aesthetic and environmental education.

Keywords: the historical and cultural heritage, the ecomuseum, the unique territory, the exposition.

А. В. Норманская

Влияние культурного наследия на формирование студенческой культурной среды

В рамках данного исследования предложен подход к пониманию культурной среды студенческой молодежи; ставится вопрос о необходимости выявления ряда тенденций, участвующих в ее формировании в соответствии с вызовами времени. Для молодого поколения важным является наличие мотивации в любом виде деятельности и культурной мотивации в частности (стремление студентов к познанию и пониманию культуры и искусства). Особого внимания требует изучение таких социокультурных тенденций студенчества, как видеохостинг, фриланс, цифровизация, Art&Science, флэшмоб и др.

В статье также обозначены способы влияния культурного наследия на студенческую культурную среду как важнейшего модуля культурной мотивации. Именно отношение к художественному достоянию, исторической памяти во многом определяет культурный капитал молодого человека.

Ключевые слова: культурная среда, студенческая молодежь, культурная мотивация, культурный капитал, культурные интересы, культурное наследие.

Актуальность исследования обусловлена тем, что понятие «культурная среда студента» традиционно рассматривается, в первую очередь, с точки зрения толкования слова «среда» — «окружение». Однако трактовать данное понятие только как круг общения и интересов — слишком узко. Культурная среда — это комплекс культурных предпочтений студента в границах определенного пространства. В свою очередь, культурное наследие является неоспоримым условием для ценностного и смыслового наполнения культурного пространства, вследствие чего знаковым модулем культурной среды студенчества является приобщение к культурному наследию, его переосмыслению.

Сегодня мы наблюдаем активную

государственную поддержку в деле сохранения и презентации культурного наследия. Задачу популяризировать культурные события поставил президент России Владимир Владимирович Путин. Согласно его указу, 2022 год стал годом сохранения культурных традиций народов, памятников истории и культуры. Во многом обращению к культурному наследию среди молодежи способствует проведение мероприятий по программе «Пушкинская карта», разработанной правительством России.

Объектом исследования является студенческая культурная среда.

Предмет исследования: способы влияния культурного наследия на формирование культурной среды студенчества.

Цель исследования: определить значение культурного наследия в процессе формирования культурной среды студенчества.

Для выполнения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

— охарактеризовать ряд социокультурных тенденций в студенческой культурной среде на современном этапе;

— обозначить способы влияния культурного наследия на формирование культурной среды студенчества в настоящий момент.

В контексте нашего исследования проблемой является также актуализация самого понятия «культурное наследие» для молодых людей в силу его множественных дефиниций. Так, например, Российская музейная энциклопедия определяет культурное наследие как «Совокупность объектов культуры и природы, отражающих этапы развития общества и природы и осознаваемых социумом как ценности, подлежащие сохранению и актуализации» [6]. В Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» культурное наследие включает «предметы материальной культуры, памятники, группы зданий и территории, обладающие различной ценностью» [3].

В представлении большинства молодых людей культурное наследие — это историко-культурные достижения народов, ценность которых заключается в сохранении памяти о них. Главная задача для подрастающего поколения в силу нивелирования в их среде непреходящих ценностных установок — обозначить конструктивные способы для современного прочтения наследия.

Анализ последних исследований. Выявление соотношения молодого человека с культурным пространством — задача сложная, которую следует рассматривать в комплексе. По мнению К. Э. Разлогова, «...культура окружает нас повсюду и, будучи в этих размытых границах, мы начинаем осознавать, что культура — это характеристика каждого человека, это характеристика того, что мы думаем, во что мы верим, каким образом соотносимся с окружающими нас

людьми, и, в первую очередь, это сфера человеческих отношений» [5].

Многие ученые обращались к проблеме актуальности культурного наследия для молодежи. Так, Е. Н. Шапинская подчеркивала значение наследия для формирования здорового общества, необходимость бережного отношения к культурной памяти молодыми людьми [8]. Е. В. Демина рассматривала проблему популяризации культурного наследия в молодежной среде, а также методы использования Интернета как эффективного инструмента визуальной подачи информации и влияния на формирование представления о наследии для молодежи [2]. И. И. Широкоград и Т. А. Пакунова представили образовательный проект «Культурное наследие малых городов и сел России» [9]. В методических рекомендациях Н. И. Горловой и Д. Т. Маковецкой изложена характеристика понятия «волонтер наследия» [1] и др.

Изложение основного материала. Обратимся к культурной среде студента. Прежде всего, выделим ее ядро: образование — непосредственно получение знаний, формирование профессиональных умений и навыков в вузах. В то же время в культурную среду включаются досуг, работа, культурные интересы, культурная мотивация, культурный капитал.

Культурные интересы студента — традиционно яркие, возможно, гиперболизированы, изменчивы и, зачастую, к тридцати оставляют лишь мимолетные воспоминания в жизни взрослого человека. Но не следует забывать, что многие из юных предпочтений становятся базовыми, выражаются в нормах социального поведения людей, эстетических интересов в сфере художественной культуры и искусства.

Определение культурных интересов, как правило, продиктовано определенной мотивацией. А. Я. Флиер отмечает: «...культурные интересы представляют собой определенную форму социальных интересов, основная (исторически самая ранняя) социальная функция которых связана со стимуляцией индивидуального сознания людей к развитию в направ-

лении его социализации, трансформации в индивидуализированную форму социального сознания» [7].

Следует отметить, что процесс формирования культурных интересов в студенческой среде обусловлен определенными социокультурными тенденциями, в которых существует молодое поколение. Рассмотрим некоторые из них:

— *видеохостинг* в контексте нашего исследования представляет интерес с точки зрения транслирования культурных инноваций в широкие массы, продиктованный, прежде всего, желанием студентов подражать кому-то и / или чтобы подражали тебе. Кроме того, важно заявить о собственной позиции, которая согласно пирамиде А. Маслоу должна вдохновлять как можно больше людей вокруг. Так, блогер или трендсеттер становится каналом распространения трендов;

— *фриланс* — востребованный вид деятельности, мотивированный на зарабатывание денег в удобное для тебя время, в частности, свободное от учебных занятий. Получение финансовой независимости и возможность одновременно получать знания в вузе и строить свою карьеру по свободному графику во многом привлекает студенческую молодежь. Девальвация ценности карьеры косвенно связана с ростом ценности свободы: мобильность и доступность средств в решении жизненно важных вопросов: поменять работу, место жительства, образ жизни и др.;

— *цифровизация* — новая реальность в онлайн-пространстве. Студенты активно используют цифровые технологии в учебе, работе, досуге. Культурные практики в цифровой среде изменяют отношение к миру. Например, в сети друзья, приятели, знакомые становятся просто френдами и фолловерами; социальные компетенции трансформируются и т. д.;

— *Art&Science* — синтез творчества и науки, а также процесс против массовой культуры, шаблонов, гламурности; работа над креативностью и индивидуальностью. Современные молодые люди четко осознают свою культурную «продвинутость», обыватели же отличаются низким

уровнем образования и культуры, отсутствием интересов и увлечений, за исключением примитивного потребительства;

— *флэшмоб* («многовенная толпа») — это коллективное действие, которое носит стихийный характер, направленное на ивент (событие). Для студенчества флэшмоб позволяет продемонстрировать реакцию и привлечь внимание к важному событию здесь и сейчас, обозначив проблему или мероприятие;

— *выбор хобби («увлечения»)* — вид организации свободного времени. Сегодня основными критериями при определении хобби выступают его небанальность и стремление подчеркнуть индивидуальность;

— *пренебрежение к статусу* — маркирование внешними условностями и установками истеблишмента. Например, повышенный интерес к шопингу считается в молодежной среде признаком ограниченности, в то время как большое внимание уделяется покупке компьютера или компьютерного оборудования и др.;

— *потребность в трансцендентном мире*, который может дать силу, смысл и тайну: черная магия, параллельные миры, религиозные искания, толкинизм и т.д.;

— *фрагментация жизни* — мобильность, многообразие стилей жизни, порожденные новейшими технологиями и СМИ.

Проанализируем, каким образом находят отражение указанные выше тенденции при выявлении способов влияния культурного наследия в культурной среде студентов. Важным моментом для формирования их культурного пространства является накопление культурного капитала — это процесс долгий, требующий серьезной интеллектуальной работы и дисциплинированности, индивидуальной заинтересованности. Он связан не только с обучением, но и с грамотным выстраиванием отношений с пространством культуры в целом.

По мнению Е. В. Никаноровой, «...нацеленность культурного капитала на развитие человека и человеческого капитала связывает воедино культурный капитал,

природный капитал и человеческий капитал. Его можно рассматривать как накопленные результаты творческой деятельности человечества в материальной, нематериальной формах, обладающих свойством создавать культурные продукты [4, с. 604]. Накопление культурного капитала студента идет по нескольким направлениям (векторам) — семья, друзья, вузовская среда, практическое воплощение знаний и умений, полученных во время обучения. Отправной точкой этого процесса, по нашему мнению, является культурное наследие, обращение к которому особенно актуально в изменчивой повседневности: современный человек все явственнее ощущает потребность в причастности к чему-то непреходящему. Идентифицировать себя с чем-то извечным, изначальным — значит обрести чувство стабильности, уверенности.

Обратим внимание на социокультурные проблемы, которые затрудняют или вовсе не позволяют ввести объекты культурного наследия в ценностный мир современного студента: отсутствие навыка воспринимать и интерпретировать данные объекты в силу ограниченности или отсутствия знаний и умений, экспансия массовой культуры, глобализация, медиатизация. В учебных заведениях изучается ряд дисциплин, способствующих нивелированию данных проблем: культурология, социология, философия, история отечественной культуры, история искусств и др.

Одним из направлений актуализации культурного наследия для подрастающего поколения, в том числе для студенчества, стала программа «Пушкинская карта». Она направлена не только на формирование культурных предпочтений, приобщение к шедеврам культуры и искусства, но и на решение финансовых проблем, связанных с платой за посещение важнейших выставок, музейных экспозиций, спектаклей, культурных акций, творческих встреч, концертов и т. д. Репертуар мероприятий, или карта культурных мероприятий, обширен: от классических произведений до современных.

Приоритетными являются произведе-

ния, входящие в сокровищницу отечественной и мировой культуры. Например, театральные постановки «Бег» по М. Булгакову, «Варвары» М. Горького или «Сон в летнюю ночь» и интерпретация «Гамлета» У. Шекспира и др. В Крыму мероприятия «Пушкинской карты» представлены лучшими постановками: мюзиклами по мотивам произведений А. Беляева «Человек-амфибия»; А. Дюма «Три мушкетера»; П. Бомарше «Бомарше и компания, «Покоренные любовью. Или Виват, Франция!»; произведениями А. Пушкина «Дубровский» и «Бахчисарайский фонтан»; А. Островского «Женитьба Белугина» и др.

Следует отметить волонтерскую деятельность, нацеленную на популяризацию, конкретные действия по поддержанию в порядке, обустройства территорий, ухода за историческими зданиями и памятниками, ремонта, и, в разрешенных законом пределах, консервации, реставрации объектов культурного и природного наследия. В рамках федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура» реализуется программа «Волонтеры культуры», направленная на поддержку добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия. Студенты в онлайн-курсе «Волонтеры культуры» на базе сервиса «Добро. Университет (edu.dobro.ru)» активно участвуют в волонтерских проектах.

Способствует актуализации культурного наследия флэшмобы. Например, в день проведения всемирной акции #МузейноеСелфи м люди выкладывают в соцсети свои селфи в музеях, театрах, филармониях, домах культуры и библиотеках.

В контексте культурного туризма востребованы интерактивные формы «погружения» в историю и традиции народов, участие в исторических реконструкциях. Так, туристы стремятся жить так, как живет местное население: есть ту же пищу, одеваться в ту же одежду, разговаривать на том же языке.

Выводы. Таким образом, анализ ряда социокультурных тенденций в формировании культурной среды студентов тре-

бует новых подходов и переосмысления в связи с необходимостью обеспечения равных возможностей для развития культурного многообразия, а также творческого самовыражения. Культурное наследие играет важнейшую роль в процессе формирования культурной среды студента, так как наполняет его культурное пространство ценностным содержанием и соответствует вызовам времени. Для по-

пуляризации наследия среди студентов используются эффективные способы, созвучные социокультурным тенденциям молодого поколения: флэшмобы, блоги, сайты, карта культурных мероприятий, в том числе по программе «Пушкинская карта», акции волонтерского движения и т.д. В перспективе следует расширить научное поле исследования социокультурных предпочтений в студенческой среде.

1. Горлова Н. И. Сборник волонтерских практик в сфере культуры: методические рекомендации / Н. И. Горлова, Д. Т. Маковецкая. – Москва, 2019. – 124 с.
2. Демина Е. В. Популяризация материального и нематериального культурного наследия России среди молодежи / Е. В. Демина // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы II Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 18–20 апреля 2016 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – Т. 2. – С. 340–344.
3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО: Конвенции и соглашения, рекомендации, декларации. – Москва, 1991. – С. 290–302.
4. Никонорова Е. В. Культурный и природный капитал: устойчивость развития и возможности управления / Е. В. Никонорова // Обсерватория культуры. – 2016. – Т. 13. – № 5. – С. 600–605.
5. Разлогов К. Э. Медиаобразование в социокультурном контексте / К. Э. Разлогов // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 2 (107). – С. 144–152.
6. Российская музейная энциклопедия [официальный сайт]. – URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp> (дата обращения: 12.04.2022).
7. Флиер А. Я. Культурные интересы человека / А. Я. Флиер // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 5 (55). – С. 12–19.
8. Шапинская Е. Н. Роль культурного наследия в образовании и воспитании Российской молодежи / Е. Н. Шапинская // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусства. – Москва. – 2016. – № 4 (23). – С. 53–61.
9. Широкопад И. И. Образовательный проект «Культурное наследие малых городов и сел России» / И. И. Широкопад, Т. А. Пакунова // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2019. – № 2 (169). – С. 67–73.

Within the framework of this study, an approach to understanding the cultural environment of student youth is proposed; the question is raised about the need to identify a number of trends involved in its formation in accordance with the challenges of the time. For the younger generation, it is important to have motivation in any kind of activity and cultural motivation in particular (students' desire for knowledge and understanding of culture and art). The study of such socio-cultural trends of students as video hosting, freelancing, digitalization, Art & Science, flash mob, etc. requires special attention.

At the same time, the article outlines the ways in which cultural heritage influences the student cultural environment as the most important module of cultural motivation. It is the attitude to artistic heritage, historical memory that largely determines the cultural capital of a young person.

Keywords: cultural environment, student youth, cultural motivation, cultural capital, cultural preferences, cultural heritage.

УДК 008

Т. В. Охотникова

XXI век: столкновение цивилизаций

Выдающийся русский мыслитель и естествоиспытатель Н. Я. Данилевский утверждал, что история мира — это существование локальных цивилизаций, каждая из которых проходит в своем развитии все стадии: от возникновения до гибели. И эта смена цивилизаций постоянна. Что и доказывает XXI век. Современное состояние противостояния между западной цивилизацией и российской, актуализируют теорию Н.Я. Данилевского, которая в аспекте исторического, сравнительно-сопоставительных подходов позволяет иначе взглянуть на современный исторический процесс и выделить важную роль России в геополитическом пространстве.

Ключевые слова: цивилизация, смена цивилизаций, цивилизационный подход, национальная культура, локальность, человеческая история, интересы России.

Современный этап исторического развития России определяется исследователями как сложный и неустойчивый: экономические, политические и социокультурные условия порождают новые угрозы. В последние десятилетия XX века Россия явно не встраивается в новые общемировые тенденции, направленные на развитие по западному образцу, навязывания одинакового образа жизни, единой цивилизационной модели. Все это привело к многочисленным цивилизационным конфликтам, в том числе, на территории Российской Федерации, создало специфическую среду для экстремистских настроений. Результатом стал затяжной системный социальный и цивилизационный кризис. Необходима культурно-историческая рефлексия. В качестве анализа этих процессов воспользуемся теорией культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, а также историческим и сравнительно-сопоставитель-

ным подходами. Исторический подход позволит проследить схожие тенденции в истории России. Сравнительно-сопоставительный — раскроет особенности понимания теории Н. Я. Данилевского на современном этапе, позволит конституировать иные смыслы дальнейшего развития России в рамках нового складывающегося миропорядка.

Цель: раскрыть особенности столкновения цивилизаций в XXI веке в аспекте теории Н. Я. Данилевского.

Объект исследования: концепт «цивилизации». **Предмет** исследования: развитие и столкновение цивилизаций в XXI веке в аспекте теории Н. Я. Данилевского.

Одной из важнейших проблем статьи являются следующие противоречия. С одной стороны, амбивалентность теории Данилевского на современном этапе: одни считали его приверженцем славянофильства (Н. Н. Страхов), другие полагали, что он больше склоняется к «теории

русского национализма» (В. Мякотин). С другой стороны, применимость его теории на современном этапе: существуют ли закономерности развития современных цивилизаций или, есть только культурно-исторические разрывы цивилизаций, что ставит вопрос о перспективах цивилизационного подхода в целом в связи с процессами полицентричности в современном обществе.

Чтобы разобраться в происходящих событиях, социум вынужден искать информацию, где все должно быть понятно всем. В этом смысле учение Данилевского многое объясняет.

Николай Яковлевич родился в семье дворян Якова и Дарьи Данилевских. Закончив Императорский Царскосельский лицей в 1842 году, он поступает на службу в Канцелярию Военного Министерства и одновременно является вольнослушателем Петербургского университета. Активно публикуется, имея степень кандидата, готовится к защите диссертации, но в 1848 году за связь с петрашевцами его заключают в Петропавловскую крепость, а затем высылают под надзор полиции в Вологду. Через некоторое время его переводят в Самару, он участвует в научных экспедициях, а затем в 1879 году назначается директором Никитского ботанического сада. Ведет серьезную исследовательскую деятельность, начинает писать работу по дарвинизму и... скоропостижно умирает [2].

В XXI веке отмечается особая дата — 200-летие русского мыслителя, геополитика, социолога, культуролога, публициста, естествоиспытателя Николая Яковлевича Данилевского. Его по праву считают основоположником цивилизационного подхода. Выдающийся отечественный ученый рассматривал историю цивилизаций, логику их развития, различные стадии последовательности этих цивилизаций. Николай Яковлевич является родоначальником этой теории: человеческой истории, разделенной на определенные цивилизации или историко-культурные типы. Доказывая эту гипотезу, он «сражался» с историками, которые рассматривали Запад как высшую

стадию развития цивилизации. По его мнению, «...цивилизации не могут развиваться все одинаково, у каждой — своя хронология развития, свои этапы развития цивилизации, которые проходят в только им «свойственной последовательности» [5, с. 54]. В 1869 году выходит труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Названием второй главы становится вопрос: «Европа ли Россия?» И доказывает, что Россия — не Европа, поскольку они представляют собой две отдельные политические единицы, появившиеся не на тождественной основе и, соответственно, являющиеся двумя «обособленными» цивилизациями [1, с. 75–76].

К идеям Данилевского примкнули исследователи К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский, К. Н. Бестужев-Рюмин. Критиковали его идеи П. Н. Милюков, К. А. Тимирязев. Учения его вызвали большой интерес у Л. Н. Толстого, Л. Н. Гумилева. Н. Н. Страхов и В. С. Соловьев неоднократно вступали в полемику по выдвинутым предположениям Данилевского. В своей статье «Жизнь и труды Н. Я. Данилевского» Страхов (его друг, защитник его учения, издатель его книги «Россия и Европа») оставил такое воспоминание о Николае Яковлевиче: «По личным своим качествам Николай Яковлевич представлял высокое явление. Это был человек огромных сил, крепкий телом и душой, и притом такой ясный, чистый, чуждый зла и малейшей фальши, что не любить его было невозможно, и что он не оставил после себя ни единого врага или порицателя. Его мало знали; в нем вовсе не было свойств, которыми приобретает известность. Его знали только люди, лично с ним сходившиеся или специально интересовавшиеся тем, что он писал и делал. Он принадлежал к числу тех, кого можно назвать солью земли русской, к тем неизвестным праведникам, которыми спасается наше Отечество» [6]. Л. Р. Авдеев писал о Николае Яковлевиче как о русском мыслителе века. В XX веке О. Шпенглер и А. Тойнби, разрабатывая концепцию локальных цивилизаций, опирались на труды Данилевского. А немецкие социологи М. Ве-

бер и А. Вебер в своих исследованиях использовали его теорию, согласно которой «...материальная культура имеет тенденцию распространяться повсеместно <...> а духовная <...> только в границах собственной территории» [7, с. 135].

Прошло 200 лет со дня его рождения. А его идеи, как никогда, актуальны. Что мы сегодня имеем? Подтверждение мыслей Николая Яковлевича Данилевского, гения русской философии и истории, который утверждал, что у России должен быть свой альтернативный Западу путь развития. Об этом говорят и современные философы. Так, А. С. Панарин предостерегал: «Однажды народы восстанут против разрушающей модели Запада, и первой восставшей будет или православная страна, или православный регион...» [4]. Философ, религиовед, общественный деятель А. В. Щипков несколько углубил понятие «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского, применив концепт «цивилизационный код». Он справедливо полагает, что «потенциал разных культур сталкивается <...> с унифицирующим влиянием глобальной модели, созданной в интересах англо-американской культуры». Сегодня существует довольно ясное понимание того, что в идеологическом пространстве Запада мы имеем дело не с «общечеловеческими ценностями» как таковыми, а с определенной (атлантистской) их трактовкой. И эта трактовка является отправной точкой культурной гегемонии. Во второй половине XX — начале XXI века (эпоха позднего модерна или постмодерна) набирают силу именно культурные и цивилизационные формы расизма. Место прежних «биологически неполноценных народов» заняли «враги мировой демократии», «закрытые тоталитарные общества» и народы, якобы «неполноценные» в гражданско-политическом смысле. Эта тенденция ярко проявилась в политике Украины по отношению к русскому меньшинству, поддержанная англо-американским политическим классом. В начале XXI века на первый план выходит культурный и цивилизационный расизм [8, 9]. И действительно, XXI век — век

перемен фундаментальных и динамичных. В международной сфере — новые угрозы и вызовы безопасности, социально-экономические и межэтнические противоречия. Подъем сепаратизма, националистический, религиозный и нацистский экстремизм, международный терроризм, транснациональная организованная преступность, незаконный оборот оружия и наркотиков, распространение оружия массового уничтожения, а сегодня — военные действия вследствие активной реализации плана размещения Соединенными Штатами Америки ПРО и наращивание ядерного потенциала около границ Российской Федерации. И как следствие — экологические проблемы, свертывание торгово-экономического, культурного (и др.) сотрудничества стран, физическая гибель огромного количества людей.

К России применяются еще и экономические рычаги давления, санкции, увеличился негативный потенциал консолидированных позиций Евросоюза, который сказывается во всем, в том числе и в оттеснении России от решения проблем международной политики, а также дипломатической изоляции.

Ошибка в том, что современный Запад, не является высшей стадией цивилизации, которой он себя считает. Ни одна цивилизация не считается лучшей. Каждая просто проживает свое время, развиваясь в последовательности только ей присущей (по Данилевскому). Но общество глобальное — страны-лидеры, используя и эксплуатируя национальные окраины, привлекая дешевую рабочую силу менее развитых обществ, становятся империями. За счет других обществ (наций) достигают развития, становясь монополистами. Добавьте сюда информационные технологии нового времени, которые захватили важнейшие сферы жизни: промышленную, политическую, культурную, военную. Благодаря техническим средствам массовой информации люди стали объектами манипуляции. Процветавшая некогда европейская (германо-романская, по Данилевскому) цивилизация, утверждают современные уче-

ные, заканчивает свою доминантность.

Что собой представляет эта цивилизация сегодня? Это «...растущий цинизм, ненасытная жажда власти, доминирование над миром...» [5, с. 54] и популяризация превосходства европейского перед русским и другими народами. Такая характеристика дана еще Николаем Яковлевым, а сегодня мы воочию наблюдаем все это: агрессивность, враждебность, экспансию территорий (экономическую, политическую, культурную). Сегодня продолжается свертывание сотрудничества с рядами стран; появились проблемы применительно к русскоязычному населению, в том числе в обеспечении прав российских соотечественников, проживающих за границей; закрываются эффективные российские средства информационного влияния за рубежом и т. д. Современный мир переживает фундаментальные перемены, затрагивающие фундаментальные интересы России, которая понимает, что «...безопасность одной страны не может быть обретаема за счет других стран» [5, с. 251], в частности за счет России.

Н. Я. Данилевский в теории о разнообразии историко-культурных типов (он выделял 11 таковых) особое внимание обращая на славянский. Сегодня его мысль о том, что наиболее перспективным является славянский тип, подтверждается самой историей. Сегодня Россия выступает с миссией объединения всех народов (как и предсказывал Данилевский), ценностные системы которых совпадают с российскими: общий тип хозяйствования, неповторимая культура (соборность и высшая духовность), братское единство народов, просвещенное общество.

Россия имеет подлинного лидера, справедливого и честного. Его команда активно работает над парадигмой выживания, основанного на гармонии цивилизаций, этносов, государств, отношениям человека с неживой природой, с окружающей сферой, Мировым океаном и космосом [3, с. 27]. Современное время показывает нам столкновение этих цивилизаций. И В. В. Путин, учитывая цивилизационное развитие, делает все

возможное, чтобы экономика была национальной, полагалась бы на свои интересы и свой потенциал. Цель проста: обеспечить народу России не только достойное материальное сосуществование, исходя из имеющихся условий, но и нравственное, уничтожив нацистов, защитив жизненно важные интересы личности, общества, Российского государства. Ясная и четкая политическая позиция, без двойных стандартов, основана на главенстве норм международного права.

Таким образом, мы выяснили, что цивилизация — особое состояние группы обществ, между которыми сложились и поддерживаются достаточно длительные и значимые связи. Цивилизационный подход задает новую парадигму исследований социально-культурных процессов в гуманитарных науках: концепт глобализации — это вызов человечеству, ответом на который может быть только цивилизационный подход.

137 лет прошло после смерти Николая Яковлевича, а история доказывает, как он был прав. Каждая цивилизация — сама по себе, каждая имеет индивидуальный замкнутый характер, свои закономерности возникновения, роста и заката. При этом у каждой цивилизации своя религиозная составляющая, свое развитие социального, научного, художественного толка, что и дает нам возможность утвердиться в его теории: **не существует всемирной истории, а есть история данных цивилизаций.**

Идеи Николая Яковлевича были новы, актуальны, востребованы ученым сообществом. Но главное Данилевский обозначил: идет борьба цивилизаций. И он первым выразил характерные особенности национального понимания мирового исторического процесса.

В XXI веке продолжается процесс разрушения одних цивилизаций и укрепления, процветания других. Но есть исторические личности, которые и через века своими трудами и своей жизнью помогают человечеству удерживаться в рамках базовых ценностей и нравственных качеств. К таким людям относится и Николай Яковлевич Данилевский.

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: монография / Н. Я. Данилевский; сост. и комм. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. — Москва: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.
2. Краткая биография Н. Я. Данилевского. Российский сводный каталог по НТЛ. — URL: <http://artyushenkooleg.ru/wp-oleg/archives/14286> 1 (дата обращения 04.04.2022). — Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.
3. Научно-практический сборник Академии геополитических проблем / под ред. Л. Г. Ивашова. — Москва: Академия геополитических проблем, 2009. — 312 с.
4. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. — Москва: Алгоритм, 2002. — 415 с.
5. Словарь-справочник по социологии / авт.-сост. А. А. Акмалов, В. М. Капицын, А. В. Миронов, В. К. Мокшин. — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. — 304 с.
6. Страхов Н. Н. Жизнь и труды Н. Я. Данилевского. Российский сводный каталог по НТЛ. — Текст: электронный / Н. Н. Страхов. — URL: <https://danilevsky.ru> (дата обращения 08.04.22). — Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.
7. Кириленко Г. Г. Философский словарь. Справочник студента / Г. Г. Кириленко, Е. В. Шевцов. — Москва: Филологическое общество «СЛОВО»; ООО «Издательство АТС», 2002. — 704 с.
8. Щипков А. В. Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода / А. В. Щипков // Вопросы философии. — 2018. — № 7. — С. 28–34.
9. Щипков А. В. Цивилизационный расизм и возможность исторических исследований в рамках цивилизационного подхода / А. В. Щипков // Вопросы философии. — 2021. — № 2. — С. 53–64.

N.Y. Danilevsky, a prominent Russian thinker and naturalist, argued that the history of the world is the existence of local civilizations, each of which goes through all stages in its development: from emergence to death. And this change of civilizations is constant. What the XXI century proves. The current state of confrontation between Western and Russian civilization actualizes the theory of N.Y. Danilevsky, which in the aspect of historical, comparative approaches allows a different look at the modern historical process and highlight the important role of Russia in the geopolitical space.

Keywords: civilization, change of civilizations, civilizational approach, national culture, locality, human history, Russian interests.

С. В. Чимириш, Н. С. Норманский

Культурно-историческое наследие как определяющий фактор развития историко-культурного туризма в Крыму

В статье рассмотрены взаимосвязь и взаимозависимость культурно-исторического наследия и историко-культурного туризма, систематизированы элементы интереса туристов к культурно-историческому наследию Крыма. Дана оценка влиянию туристических потоков на состояние культурно-исторического наследия.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, историко-культурного туризм, туристическая дестинация, туристические потоки.

Обоснование актуальности. В связи с современной политической и экономической ситуацией весьма актуальной становится необходимость поиска эффективных средств сохранения и развития культурного наследия. Анализируя культурно-историческое наследие и туристскую привлекательность регионов, важно отметить прямую зависимость этих двух элементов. Практически каждое туристическое путешествие связано с привязкой к каким-либо объектам туристического показа. При этом основными туристическо-привлекательными элементами выступают объекты культурно-исторического наследия и туристической инфраструктуры вокруг них.

Постановка проблемы. Важно отметить, что ключевым условием становления социума и патриотического воспитания населения является сохранение культурно-исторического наследия, восстановление и преумножение

культурных традиций, сохранение архитектурных и исторических памятников. К сожалению, современная тенденция сближения деловой и потребительской культур приводит к формированию новых систем ценностей, ведущих к забвению своего культурного наследия.

На сегодняшний день можно отметить ряд государственных инициатив, направленных на решение актуальных проблем сохранения культурной идентичности Республики Крым. Это выражается в том числе в возрождении памятников культуры времен Крымского ханства, Российской империи, а также советского периода [7]. Таким образом, особая многокультурная площадка, которая сформировалась на территории полуострова в процессе длительного исторического взаимодействия между различными народами, должна выступить в качестве ключевого фактора сохранения традиционных ценностей. В связи с этим необхо-

димо особо отметить важную функцию историко-культурного наследия, заключающуюся в способности представлять культурную специфику России на международном уровне [2].

Анализ последних исследований. Взаимосвязи между туризмом и культурно-историческим наследием являются объектом научных интересов большого количества авторов. Так, привязке последнего к туризму на Крымском полуострове посвящены работы: И. А. Андрющенко, О. А. Артемьева, С. С. Касаткиной, Я. Б. Мотагали, Б. Н. Попова, Р. Ю. Стыцюк, М. А. Сагателян и др. Однако, несмотря на большое количество научных исследований, остается еще целый ряд нерешенных вопросов по сохранению культурно-исторического наследия как фактора развития туризма.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования статьи является культурно-историческое наследие Крыма. Предмет исследования — факторы развития культурно-исторического туризма на Крымском полуострове.

Цели и постановка задач. Цель научной статьи — определить место и роль культурно-исторического наследия в развитии туризма в Крыму. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

— изучить взаимосвязь и взаимозависимость культурно-исторического наследия и туризма.

— систематизировать элементы интереса туристов к культурно-историческому наследию Крыма.

Изложение основного материала исследования. В последние десятилетия вопросы туризма и культуры стали взаимосвязанными — частично из-за роста интереса к культуре, особенно как источника идентичности, а также благодаря динамичному развитию туризма и росту доступности культурных и исторических ценностей.

Все большее значение для туристов приобретают такие нематериальные факторы, как «атмосфера места», его связь с известными людьми, идеями или событиями — другими словами, культура, история и традиции места. Как было отмечено

Всемирной туристической организацией (UNWTO), сегодня культурный туризм является одним из крупнейших секторов мирового туризма, а его роль продолжает быстро расти. В связи с этим, 12 декабря 2017 года UNWTO заключила «Маскатскую декларацию по туризму и культуре: содействие устойчивому развитию» [8]. В данном документе все страны-участницы Всемирной конференции по туризму и культуре подтвердили свою приверженность укреплению синергии туризма и культуры и продвижению культурного туризма в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [8].

Сочетание культуры и туризма является мощным двигателем экономического развития, но преимущества такой связи выходят далеко за пределы экономических показателей: путешествие с целью ознакомиться с культурой и искусством других людей означает расширение кругозора, получение новых знаний, установление новых культурных связей и сохранение культурного наследия.

Выделим ряд факторов, которые стимулируют сближение культуры и туризма:

— рост уровня образования, влияющего на увеличение уровня культурного капитала;

— расширение сферы потребительской культуры, акцентирующей внимание на личном развитии;

— рост значения нематериальной культуры, который отражается на увеличении роли имиджа и атмосферы туристской дестинации;

— возрастающая мобильность туристов, упрощающая доступ к культурно-историческим ценностям;

— доступность информации о культурно-исторических ценностях, достигаемая с помощью новых технологий;

— стремление туристских дестинаций и регионов к конструированию и презентации своей идентичности;

— актуализация проблем финансирования культуры и искусства, связанная с ростом культурных потребностей населения, которая выражается в увеличении количества культурных институций.

Современный турист предпочитает

посещать те места, которые ассоциируются с известными людьми, историческими событиями. Кроме достопримечательностей, все большую роль в их выборе начинают играть звуки, вкусы и общая «атмосфера» места. Такое расширенное понимание культурного потребления туристов, растущая тенденция не различать туристов и других посетителей, а также разнообразие подходов к взаимосвязи между культурой и туризмом размывает базовые операционные категории, затрудняя формулировку определений в данной области. Поскольку культура затрагивает каждый аспект человеческой жизни, можно утверждать, что любое проявление жизни человека является культурным актом.

Взаимосвязь между туризмом и культурой, как правило, основывается на так называемом подходе — «места и памятники», где культурные достопримечательности, интересные для туризма, в основном рассматриваются только как физические объекты.

Этот подход основан на практике проведения инвентаризации культурных памятников. Однако постепенно формируется более широкий взгляд на культуру, включающую сценическое искусство, ремесла, культурные события, архитектуру и дизайн, а в последнее время — креативную деятельность и нематериальное наследие.

В целом за последние десятилетия наблюдается переход от продукто-ориентированного туризма к процесс-ориентированному (как «образу жизни»). Соответственно меняется подход к ряду характерных особенностей общества (материальных, интеллектуальных, духовных и эмоциональных), более широко охватывающих искусство и архитектуру, историческое и культурное наследие, креативные индустрии и живые культуры с их образом жизни, системами ценностей, верованиями и традициями.

Поскольку туризм все больше отходит от концентрирования на ландшафтах и природных ресурсах (например, солнце, море и песок), а туристы становятся все более заинтересованными в символическом и чувственном потреблении

образов и идей, возникла необходимость в отдельном понятии туристской дестинации. Под последним понимается пространство, в котором сконцентрирован комплекс туристических услуг и продуктов: достопримечательностей, средств размещения, питания, развлечений и многое другое [5]. Это пространство имеет физические и административные границы, определяющие форму его управления, имидж и репутацию, влияющие на его конкурентоспособность на туристическом рынке.

Объединение отдельных памятников культурно-исторического наследия в туристическую дестинацию стимулирует разработку соответствующих программ реставрации архитектурных памятников, открытие новых музеев, скансенов, ресторанов традиционной кухни. На практике это проявляется, в частности, в лоббировании муниципалитетами крупных культурных программ и проектов, создающих «атмосферу места», что тем самым повышает его ценность.

В настоящее время, когда туризм стал доступным и массовым явлением, турист продолжает уделять особое внимание наличию культурных ресурсов на территории, продолжая ассоциировать их с элитностью и социальным успехом. Благоприятный климат и чистая экология, удобное географическое расположение, транспортная доступность и уровень сервиса продолжают играть важную роль в туристической привлекательности территории, однако «культурность» и «историчность» дестинации служат дополнительным достоинством, что важно даже для тех туристов, которые не ставят ее приоритетом.

Множество природных и рукотворных достопримечательностей Крымского полуострова отражают прошлые события, религиозную и культурную жизнь давних времен и разных народностей. История полуострова — это переплетение восточных и западных культур, историческое наследие скифов и греков, верований первых христиан и мусульман. На территории Крыма многие столетия враждовали и заключали союзы, воевали и торговали

различные народы и народности, возводились и разорялись города, зарождались и исчезали целые цивилизации.

Мягкий климат, природа с особой флорой и фауной привлекали сюда множество народностей. С древних времен Крым населяли тавры, киммерийцы, скифы, греки, гунны, сарматы, аланы, чьи обычаи и традиции так или иначе, оставили отпечаток в истории и культуре Крымского полуострова [4]. Степную полосу населяли, в основном, тюркоязычные племена, которые впоследствии смешались с другими народами. На территории полуострова образовывались новые этнические союзы, шел процесс слияния одного народа с другим.

Все эти исторические процессы нашли свое отражение в культурном многообразии. На полуострове можно увидеть изящество эпохи итальянского Возрождения, строгость английской готики, причудливые элементы мавританского стиля и т. д. В Крыму представлена широкая панорама историко-культурных объектов: остатки древнегреческих городов-государств и «пещерные города», оборонительные сооружения и крепости, древние храмы и достопримечательности, мемориальные дома и комплексы, кладбища и отдельные захоронения, заповедники и музеи. Здесь расположены памятники, которые условно отнесены к европейской традиции, а также множество жемчужин исламской художественной культуры и выдающихся примеров архитектурной мысли Востока. Кроме того, до сих пор остается актуальным вопрос об утверждении единого перечня, фиксирующего объекты нематериального культурного наследия, которое в Крыму имеет явную этническую доминанту [1].

В историческом отношении Крым является конгломератом многих культур и этносов. На полуострове проживают представители различных национальностей: русские, украинцы, белорусы, крымские татары, армяне, греки, молдаване, болгары, цыгане, евреи, турки и многие другие. Каждый из этих этносов принес с собой свои архитектурные и культурные традиции.

2022 год в Российской Федерации объявлен Годом культурного наследия народов России. Соответствующий Указ № 745 подписал Президент России Владимир Путин. Согласно документу, Год культурного наследия народов России проводится «в целях популяризации народного искусства, сохранения культурных традиций, памятников истории и культуры, этнокультурного многообразия, культурной самобытности всех народов и этнических общностей РФ» [6].

В рамках данного указа запланировано множество мероприятий по сохранению культурного наследия, духовных и даже нравственных традиций России и их приумножению, сохранению для будущих поколений, что соответствующим образом отразится и на культурно-историческом наследии Крыма. Региональный План мероприятий, посвященный Году культурного наследия народов России, включает около ста значимых событий. В его рамках пройдут тематические встречи, фестивали, конкурсы, выставки, лекции и мастер-классы, кинопоказы, концерты, реализуются творческие проекты, рассчитанные не только на местных жителей, но и туристов, прибывающих на полуостров.

Важно отметить, что на момент воссоединения Крыма с Россией на полуострове исследовано около 9 тыс. объектов культурного наследия, в том числе более 5 тыс. памятников археологии. Кроме того, власти республики получили право выкупать у частных владельцев памятники истории и культуры. В первую очередь, это касается объектов архитектуры, владельцы которых покинули полуостров, что расширяет возможность их показа как экскурсионных объектов в туристической сфере.

Наиболее значимые объекты культурного наследия Крыма вошли в «Перечень объектов культурного наследия регионального значения, расположенных на территории Республики Крым», который включает 2186 наименований [7].

Постоянное расширение диапазона культурных и исторических явлений, потребляемых туристами, также увели-

чивает внимание к региону со стороны местных и федеральных властей, положительно влияя на процесс расширения инфраструктуры и супраструктуры туризма, экономических и социальных преобразований на Крымском полуострове. В перспективе развитие городской инфраструктуры позволит создать полноценную услугу культурно-познавательного туризма — аттрактивную — как для туристов, так и для местных жителей [3].

Культура, в самом широком смысле, обеспечивает совокупность материальных и символических ресурсов, имеющих потенциально нескончаемый характер. Такая специфика, при бережном отношении к имеющимся культурным ресурсам, позволяет строить устойчивую местную экономику. Специфическое для туристической отрасли тяготение к эксклюзивному продукту дает возможность предлагать свои уникальные культурно-исторические ресурсы на глобальном туристическом рынке без необходимости значительных стартовых инвестиций.

Разнообразие и большое количество культурно-исторических объектов на полуострове является значительным катализатором развития культурного туризма в Крыму, источником получения существенных доходов от туристической сферы, а также мотивирует к развитию культурно-исторического потенциала, инвестированию в местную культуру и туристическую инфраструктуру. Тем самым историко-культурный туризм становится действенным механизмом сохранения местных достопримечательностей,

расширения возможностей учреждений культуры Республики Крым и создания новых рабочих мест в сфере обслуживания туристов.

Выводы и перспективы дальнейшего изучения данного направления. Рассматривая историко-культурный туризм в качестве одного из ключевых факторов культурного наследия и традиционных ценностей, необходимо сделать акцент на проблемах, с которыми в долгосрочной перспективе могут столкнуться культурные центры. Некоторые из них, такие как рост цен на услуги сферы обслуживания, загрязнение окружающей среды, нагрузка на городскую инфраструктуру, — это проблемы, возникающие в результате роста туристического потока. При этом обостряются проблемы, специфически связанные с историко-культурным туризмом, например, преобразование культурных достопримечательностей в музеи, где невозможно проводить предыдущие культурные практики, физическое уничтожение достопримечательностей и др.

Тем не менее, несмотря на появление сложностей, которые может сегодня испытывать туристическая отрасль, именно историко-культурный туризм играет чрезвычайно важную роль в экономическом развитии Республики Крым. Продуманное, последовательное развитие и сбережение культурного наследия, основанное на принципах устойчивого развития, дает возможность не только минимизировать потери, но и в полной мере грамотно использовать и сохранять объекты культурного наследия.

4. Сагателян М. А. Культурное наследие Крыма как фактор развития культурно-познавательного туризма / М. А. Сагателян // Молодая наука Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. — 2017. — С. 208–210.

5. Чимириис С. В. Понятие туристских дестинаций и их классификация / С. В. Чимириис // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России — 2020: сборник научных трудов IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. — Казань, 2020. — С. 34–38.

6. Указ Президента Российской Федерации от 30.12.2021 № 745 «О проведении в Российской Федерации Года культурного наследия народов России»: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310115>

7. Постановление Совета министров Республики Крым от 24 января 2017 года № 17 «Об отнесении объектов культурного наследия к объектам культурного наследия регионального значения и выявленным объектам культурного наследия (в ред. Постановления Совета министров Республики Крым от 06.02.2018 № 51, от 12.12.2018 № 631, от 27.08.2019 № 468)»: [сайт]. — URL: <https://archive-gkokn.rk.gov.ru/ru/structure/321>

8. Muscat Declaration on Tourism and Culture: Fostering Sustainable Development. Second UNWTO/UNESCO World Conference on Tourism and Culture: Fostering Sustainable Development. — 4 p. — 12.07.2017. Muscat, Sultanate of Oman.

The article examines the relationship and interdependence of cultural and historical heritage and historical and cultural tourism, systematizes the elements of tourists' interest in the cultural and historical heritage of the Crimea. The influence of tourist flows on the state of cultural and historical heritage is assessed.

Keywords: cultural and historical heritage, historical and cultural tourism, tourist destination, tourist flows.

1. Андриященко И. А. Сохранение культурного наследия как приоритетная задача региональных стратегий культурной политики / И. А. Андриященко // Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней. Материалы конференции. XLII Международные научные чтения. — 2017. — С. 26–29.

2. Касаткина С. С. Историко-культурное наследие городов России как элемент культурного универсума / С. С. Касаткина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2021. — С. 21–24.

3. Попов Б. Н. Концептуальные аспекты развития культурно-познавательного туризма на базе объекта культурно-исторического наследия / Б. Н. Попов, Р. Ю. Стыцок, Я. Б. Мотагали, О. А. Артемьева // Экология человека и природы в информационно-технической среде (Эко-Мир-10). Материалы конференции 10-й Международной научной конференции. Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет). — 2020. — С. 209–212.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930.85

Г. А. Абрашкевичус

Цивилизационный подход в исследованиях истории современного российского общества

В статье рассматриваются исследовательские стратегии историков, позволяющие использовать цивилизационный подход в изучении современного российского общества. Отмечается, что цивилизационная парадигма обладает высоким научным потенциалом, имеет глубокие русские корни и традиции, представленные в фундаментальных трудах Н. Я. Данилевского. Дана оценка актуальности идей ученого, его методологическим позициям в поиске Россией своего пути. Предпринята попытка определения методологического потенциала цивилизационного подхода, как междисциплинарного, представленного комплексом теорий, концепций и направлений отечественных ученых, начиная с конца 80-х годов XX века. Сделан вывод о том, что цивилизационный подход в исследованиях социокультурных изменений российского общества позволяет выявить взаимодействие антропологических, культурных и социально-политических оснований развития и самоопределения российской цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный подход, Н. Я. Данилевский, междисциплинарный подход, современное российское общество.

Кардинальные изменения, охватившие мировое сообщество, процессы глобализации, проникающие в национальную самобытность, требуют сохранения собственной уникальности и культурной самобытности. Активное противостояние России господствующим в мире негативным образам и стереотипам при восприятии ее цивилизационных особенностей вновь активизирует обсуждение роли цивилизационного подхода в исследованиях исторического процесса развития современного российского общества. Цивилизационный подход в исследова-

ниях социокультурных изменений российского общества позволит выявить взаимодействие антропологических, культурных и социально-политических оснований развития и самоопределения российской цивилизации. Поиск своего пути, создание образа справедливой, стабильной и быстро развивающейся страны, самобытной цивилизации в противовес информационному давлению Запада, попыткам «отменить русскую культуру» имеет первостепенное значение в современную эпоху противостояния цивилизаций с различными базовыми ценностями.

Цель исследования: рассмотреть исследовательские стратегии историков, позволяющие использовать смежные с историей идеи и понятия цивилизационного подхода. **Объектом** исследования является современный научный опыт применения цивилизационного подхода к изучению истории России. **Предметом** исследования стал цивилизационный подход к изучению истории России как средство познания российской цивилизации.

Исходя из поставленной цели, при написании статьи решались следующие **задачи**:

1) изучить истоки цивилизационной парадигмы, представленные в фундаментальных трудах Н. Я. Данилевского;

2) проанализировать современный научный опыт применения цивилизационного подхода к изучению истории России.

В научных кругах дореволюционной России цивилизационный подход к изучению общества начал разрабатываться в XIX веке, приняв форму дискуссии между западниками и славянофилами. Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа: взгляд на культурно-исторические и политические отношения славянского мира к германо-романскому» [1], опубликованной в 1869 году в литературно-политическом журнале «Заря», представил концепцию цивилизации как главной формы организации человеческого общества. Появление подобной работы создало прочный фундамент формирования цивилизационной парадигмы. Были заложены основы понятия «локальная цивилизация», разработано учение о культурно-исторических типах, определяемых особенностями духовной природы народов, составляющих самобытные типы культуры.

Возникший в Европе феномен великих держав считался столетиями опорой мирового равновесия. Н. Я. Данилевский, размышляя над данными процессами, вышел на уровень цивилизационного видения истории в определенном историческом контексте появления буржуазного общества на экономической основе капитализма. Он рассмотрел противостояние Европы и России как противостоя-

ние двух культурно-исторических типов с различными системами ценностей. Буржуазный тип личности великих держав ориентировался преимущественно на инструментальные ценности. Индустриализм, рационализм, небывалая технологическая вооруженность сочетались с индивидуализмом и безнравственностью. С позиции культуролога Данилевский прозорливо отмечал рост тенденции навязывания Западом всему миру собственного цивилизационного пути, ценностей, выдаваемых за общечеловеческие.

Отвечая на вопрос, почему Европа враждебна России, Н. Я. Данилевский аргументированно обосновал свой ответ, созвучный современным реалиям. «Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды ...» [1, с. 65–66]. И сегодня актуальным остается его совет о методах борьбы с «европейничаньем». Совет его состоял в необходимости развивать и повышать русское и славянское самосознание, а чтобы оставаться самобытными, необходимо уметь заимствовать только технику, а не европейский дух.

Методологическим основанием цивилизационного подхода к истории у Н. Я. Данилевского стала опора на органическую теорию изучения природы и общества как целостного образования, функционирующего по своим законам развития. Цивилизационный подход в работах русского ученого противопоставлялся взглядам, исходившим из универсальной парадигмы исторического прогресса, и господствовавших в то время в западной науке. Он оценивал данную парадигму как искусственную, противоречащую законам развития общества и природы, т. е. естественным законам общественно-исторической динамики. Модель исторического развития, по мнению Н. Я. Данилевского, состоит в существовании и функционировании отдельных цивилизаций с уникальным культурным духом. Безусловно, что развитие цивили-

заций находится во взаимодействии друг с другом, но развиваются они по своим естественным законам, что предполагает множественность уникальных по своей природе культурных образований, названных им «культурно-историческими типами». Актуальным до сегодняшнего дня остается вывод Данилевского о влиянии чужеродных элементов, при внедрении которых в культурную ткань цивилизации может произойти разрушительный для данной цивилизации эффект.

Цивилизационный подход Н. Я. Данилевского к историческому развитию России, поиску путей важен для современной науки в части описания признаков нации. Идеи о сплочении нации, укреплении духа народа в эпоху глобализации остаются актуальными для современного российского общества. «Оскудение духа может излечиться только поднятием и возбуждением духа, которое заставило бы встрепенуться все слои русского общества, привело бы их в живое общение, восполнило бы недостаток его там, где он иссякает в подражательности и слепом благоговении перед чуждыми идеалами, из того сокрытого родника, откуда он не раз бил полноводным ключом... [Россия. — Прим. автора] сорвав все личины, поставила бы врагов лицом к лицу и заставила бы возненавидеть идолослужение и поклонение своим открыто объявленным врагам и противникам. Совершить это в силе только суровая школа событий, только грозный опыт истории» [1, с. 359–360].

События последующих этапов отечественной истории создали специфический фон, на котором рельефно высвечиваются изменения, произошедшие во всех формах жизнедеятельности советских людей. Выстраивается соответствие между духовными и материальными ценностями нового жизнеустройства общества. Интересны ученых были направлены на изучение цели и смысла исторического процесса — построения коммунизма. Вторичным было изучение влияния цивилизационных особенностей, ценностно-смысловых аспектов, духовных факторов на повседневность

жизни в советском обществе. Обладая устойчивостью, цивилизационные основы прежних способов жизни большинства людей — консервативные элементы духовности (религия, нравственность) не сразу менялись. Однако новые способы материального производства и распространения идеологического тезиса о решающей роли материального производства в жизни общества, условия для самовыражения человека и достижение им большей степени свободы обусловит тоталитарный режим. Произойдет отказ от ранее сложившихся научных традиций рационального познания цивилизационной специфики России.

Изучение исторического развития общества будет осуществляться с позиций формационной теории. Она станет социально-философской «матрицей» как внутренней, так и внешней политики Советского государства. Спустя десятилетия, Великая Отечественная война привела к реабилитации в СССР темы «русского характера». XX съезд КПСС и новая социокультурная ситуация создают предпосылки для дискурса об исторической и культурной специфике России, правда, в жестко заданных рамках подцензурной публицистики. Разворачивается идейное противостояние, символами которого выступили журналы «Новый мир» и «Октябрь»... Проблема национальной специфики отвоевывала свое место в общественном мнении. «Перестройка легализовала проблематику цивилизационного анализа», — считает И. Г. Яковенко [9, с. 34].

С конца 80-х годов XX века в СССР стал расти интерес к изучению проблем цивилизационного развития общества. Ощущалась недостаточность научного осмысления исторического развития только с позиций формационной теории. В отечественной гуманитарной среде начался процесс формирования методологического аппарата, адаптированного к изучению и объяснению феномена цивилизации. При рассмотрении объективной стороны исторического процесса, поиск ответа на вопрос «Формация или цивилизация?» [8] привел отечествен-

ных ученых к выводу, что формации и цивилизации следует рассматривать в качестве «взаимодополняющих элементов, но четких представлений о формах такого объединения не было выработано. Сформировалась необходимость нового теоретического синтеза» [8, с. 59]. В постсоветский период продолжалась выработка междисциплинарных методов социально-исторического познания общества. Цивилизационный подход к истории на официальном академическом уровне получил признание в 1995 г., после публикации статьи И. Д. Ковальченко «Многомерность исторического развития. Типология, периодизация, цивилизационный подход» [4].

И. Н. Ионов предложил вместо задачи создания цивилизационной теории задачу «создания критической истории российской цивилизации...» [3, с. 10]. Б. С. Ерасов отстаивал методологическое определение цивилизационного подхода. Объединенное единой системой духовных ценностей сообщество людей имеет характерные атрибуты цивилизации — целостность, системность, устойчивость, преемственность и всеобщность. Разводя цивилизационный подход с формационным, он считал, что в совокупном общественном производстве не материальные, а духовные компоненты являются определяющими, хотя «их роль может сказаться лишь, «в конечном счете», пробиваясь сквозь разнообразие исторических и социально-политических обстоятельств» [2, с. 13]. Б. С. Ерасов в книге «Цивилизации: универсалии и самобытность» (Москва: Наука, 2002. С. 321) проанализировал проблему взаимодействия современности и самобытности. Он пришел к выводу о том, что они могут меняться в зависимости от ценностных, символических или институциональных особенностей, а также от различных знаковых исторических событий.

Изучение человека в пространстве и во времени потребовало от историков использования понятий, теорий и идей смежных с историей социально-гуманитарных наук. Уникальность и самобытность каждой цивилизации они искали

в особенностях мировосприятия, в ценностных приоритетах и поведенческих моделях, специфике менталитета, в культурных практиках общественных индивидов. Так, например, в работах отечественных культурологов, посвященных изучению теории и истории российской цивилизации, приоритеты исследований сконцентрированы на «надстроечных» явлениях, утверждающих первенство духовной сферы. И. Г. Яковенко считает, что «Описание локальных цивилизаций с помощью набора сопоставимых, инвариантных характеристик, таких, как возраст, границы, устойчивая структура, способность к динамике и т. д., не содержит главного, ибо не дает ответа на вопрос: почему данная цивилизация обнаруживает именно эти, легко объективируемые, характеристики. Ответ лежит в пространстве культурологического анализа» [9, с. 14]. В исследованиях культурологов соотношение культуры и цивилизации было различным, но в целом речь шла о том, что структурообразующим ядром цивилизации выступает культура. В. М. Межуев отмечает, что культура выступала как творческое начало исторического процесса, в то время как цивилизация сводилась лишь к форме организации социальной жизни.

Продолжилась разработка идеи историков о рассмотрении формации и цивилизации в качестве «взаимодополняющих элементов», высказанной еще в конце 80-х годов XX века. Ее продолжил в своих работах Н. Е. Осипов. Цивилизационные и формационные основания жизни общества, по его мнению, складывались объективно, как результат исторического действия множества различных факторов. В этих основаниях присутствовали и материальные, и духовные, сознательные и бессознательные, рационально контролируемые и стихийные компоненты человеческой деятельности. Наличие данных компонент предопределяло известную целесообразность и необходимость, свидетельствуя об эффективности функционирования общественных институтов и норм жизнеустройства. Цивилиза-

ционный подход вскрывает социальный тип личности, являющейся субъектом не только производственно-экономических отношений, но также всей культуры (творцом и продуктом материальных и духовных ценностей) [5].

Изучая цивилизационный подход к российской истории как опыт исторического и междисциплинарного изучения, А. С. Сеньявский пришел к выводу, что «цивилизационный метод, как хронологически «сквозной», должен раскрывать социокультурное своеобразие конкретного общества как целостности, обладающей исторической «самостью» и самооценностью» [7, с. 60]. Работа исследователей цивилизационного подхода к истории России продолжается. В начале XXI века ведущим центром цивилизационных исследований остается Институт всеобщей истории Российской академии наук. Издан ряд монографий, вышла серия статей, посвященных цивилизационному подходу, определению задач, призванных обозначать поле компетенции подхода. Полученные результаты исследований, в том числе в сопоставлении с трудами зарубежных, нашли аналитическое отражение в монографии «Россия как цивилизация: материалы к размышлению» [6]. Цивилизационный, целостный и взвешенный подход к истории России, может стать элементом государственной идеологии. Диалог с прошлым — постоянный и динамический фактор развития любой цивилизации.

Выводы. Цивилизационный подход к истории России стал фактом историографии и методом познания. К началу XXI века сформирован блок научной литературы по данной тематике и закономерностям движения социокультурных процессов в российском обществе. Современные ученые выполняют задачу осмысления отечественной истории с целью критического анализа возможностей применения цивилизационного подхода к российской действительности, ее исторической «самости». Продолжается исследование особенностей

российского культурно-исторического типа, введенного в научный обиход Н. Я. Данилевским, путей достижения целостности современной цивилизационной системы России.

В значении исследовательского цивилизационный подход рассматривается как необходимый компонент в аналитическом аппарате понимания и объяснения феномена российской цивилизации. В культурно-историческом контексте он способствует выявлению факторов, которые способствовали цивилизационным процессам. Изучение отечественной истории с позиции развития цивилизации в пространстве и времени позволяет рассмотреть путь, пройденный народами России, как сложный и противоречивый, но системно-целостный, самостоятельный и самодостаточный.

Раскрытие потенциала цивилизационного подхода как методологического направления и стратегии научного познания общества и культуры возможно в полной мере, если исследователем синтезируются преимущества других методологических подходов, необходимых для изучения системности цивилизации. Динамично развивающаяся сфера современного гуманитарного знания, применение политологического, социологического, этнологического, культурологического предметных дисциплинарных подходов позволяет постичь многомерность сущности явлений истории, основ развития и самоопределения российской цивилизации. Для России на данном этапе важно сохранить тенденцию устойчивого развития, которая сводится к проблеме сохранения национальной культурной самобытности. На этом делал акцент в своем учении Н. Я. Данилевский. Дальнейшие исследования позволят изучить тенденции к развитию диалогической основы российской цивилизации, компоненты исторического сознания, влияющие на формирование ценностного отношения к прошлому и перспективы будущего.

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский; составление и комментарии Ю. А.
2. Ерасов Б. С. О статусе и содержании теории цивилизаций / Б. С. Ерасов // История России: теоретические проблемы. Вып. 1. Российская цивилизация. Опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А. С. Сеньявский; Ин-т рос. истории. — Москва: Наука, 2002. — С. 9–20.
3. Ионов И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / И. Н. Ионов; Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории. — Москва: Наука, 2007. — 498 с.
4. Ковальченко И. Д. Многомерность исторического развития. Типология, периодизация, цивилизационный подход / И. Д. Ковальченко // Свободная мысль. — 1995. — № 10. — С. 77–88.
5. Осипов Н. Е. Социальные технологии формационные и цивилизационные аспекты анализа / Н. Е. Осипов. — Йошкар-Ола: Мар. гос ун-т, 2008. — 280 с.
6. Россия как цивилизация: материалы к размышлению = Russia as a civilization: readings for reflections: [материалы регулярного научного семинара «Типы цивилизаций и характер социально-экономического развития»] / Высшая школа экономики, Нац. исслед. ун-т. — Москва: Лаб. сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ: Мир России, 2015. — 464 с.
7. Сеньявский А. С. Цивилизационный подход к российской истории: теоретико-методологические аспекты / А. С. Сеньявский // История России: теоретические проблемы. Вып. 1. Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. — Москва: Наука, 2002. — С. 59–69.
8. Формация или цивилизация (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. — 1989. — № 10. — С. 34–59.
9. Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект / И. Г. Яковенко; Российская акад. наук, Ин-т социологии. — Москва: Прогресс-Традиция, 2006. — 174 с.

The article examines the research strategies of historians to use a civilizational approach in the study of contemporary russian society. It is noted that the civilizational paradigm has a high scientific potential, has deep russian roots and traditions, presented in the fundamental works of N.Y. Danilevsky. It assesses the relevance of the scholar's ideas and his methodological positions in Russia's search for its own path. An attempt has been made to identify the methodological potential of the civilizational approach as an interdisciplinary one, represented by a complex of theories, concepts and trends of domestic scientists, starting from the late 80s of the twentieth century. It is concluded that the civilizational approach in the studies of sociocultural changes in russian society allows to reveal the interaction of anthropological, cultural and sociopolitical foundations of development and self-determination of russian civilization.

Keywords: civilisation, civilisation approach, N.Y. Danilevsky, interdisciplinary approach, contemporary russian society.

УДК 908 (477.75) “1922-1932”

А. В. Севастьянов

Crimea Studies Partnership (1922–1932): regional studies initiative in ideological conditions of soviet reality

Общество по изучению Крыма (1922–1932): краеведческая инициатива в идеологических условиях советской реальности

В статье анализируется деятельность ключевого научного объединения краеведов Крыма в 20-х — начале 30-х гг. XX в. Представлены основные формы работы организации: проанализирован Устав общества, определены организационные и содержательные задачи, которые были определены при его учреждении, а также прослежена трансформация конкретных мероприятий общества в течение всей деятельности. Освещается тема организации обществом собственных научных исследовательских учреждений — Гурзуфской научной базы и самостоятельных экспедиционных мероприятий. Сформулированы выводы о роли и значения деятельности общества для развития научного, исследовательского и массового, популярного краеведения.

Ключевые слова: краеведение, история науки, Крымская АССР, Общество по изучению Крыма, Съезды, региональные отделения, Гурзуфская научная база, экспедиции.

Creating a full and unbiased image of regional studies in Crimea in the period from twenties to the beginning of thirties of the 20th century requires investigating previously understudied role and place of civic scientific unions in organizational formation and development of studying the past and present of the region in the historiography

In the given period, due to substantial concentration of scientific elite from pre-Soviet period in Crimea during Civil war and due to massive growth of regional studies movement after Soviet rule establishing by the end of 1920 forms and methods of

Crimean studies gained new meaningful and quality variety. Scientific principle of regional studies organization was substantially improved [7–19].

One of the most interesting pages of this process was a fruitful work by Crimean Studies Partnership (CSP) (RCSP — the first name — Russian Crimean Studies Partnership was used between 1922 and 1927). It was established on October 13, 1922 in Moscow by an authoritative circle of representatives of the metropolitan scientific elite (among them professors: historians and archeologists A. S. Bashkurov (1885–1963),

I. N. Borozdin (1883–1959), B. F. Dobrinin (1885–1951), ethnographer B. A. Kuftin (1892–1953); literary critic E. E. Leitnekker (1888–1954), head of the Main Department of the People’s Commissariat for Education of the RSFSR F. N. Petrov (1876–1973), People’s Commissar of Health Protection of the RSFSR N. A. Semashko (1874–1949), one of the sponsors of resort construction in the Crimea in Soviet times, doctor N. I. Tezyakov (1859–1925) and many others).

A partnership determined its main target as comprehensive studying of peninsula by means of organizing scientific researches and popularizing knowledge about Crimea among broad audience of country’s working classes to develop resort and recreational branches of Crimean ASSR [17, c. 47–88].

Among basic directions of Crimean Studies Partnership (CSP) the most important are three: issue of organizing scientific Crimean studies, creating branched network of regional departments, foundation and providing work for research establishments and activities.

Basic sources for the participation of CSP in the organization of development of regional studies movement in Crimea are partnership’s statutes which reflect internal organization on the different levels of its existence. The first constituent document of the CSP should be considered the statute approved by the People’s Commissariat of Internal Affairs of RSFSR on May 9, 1923. To promote the Crimean studies organization, the statute was printed in the form of a brochure of 5000 copies [20]. The document consisted of 5 sections: «A. Tasks of the Partnership», «B. Composition of the Partnership», «C. Activities of the Partnership», «D. Funds of the Partnership», «E. Management of the Partnership’s affairs», which were divided into 26 paragraphs.

The first section of the statute (§ 1, 2) defined the CSP tasks, namely: “a) Comprehensive study of Crimea and wide circulation of information about it; b) To promote travel industry of Crimea in every way for the purpose of scientific, cultural, educational and leisure purposes”. Paragraph 2 declared the area of Partnership for Crimean Studies activity the whole territory of the

RSFSR. The executive board of the company was located in Moscow [20, c. 1].

The second section of the statute (§ 3–7) regulated the membership in the organization, divided the CSP members into existing members and associate members, determined the procedure for their election, determined the procedure for dismissal from the company: “at dismissed one’s own request or by the resolution of 2/3 present members of the partnership” [20, c. 1–2].

The third section of the statute (§ 8, 9) specified the tasks of the company declared in paragraph 1, covered the forms of work of the organization: observations, compilations of collections, materials, production and sale of scientific and demonstration collections; business trips, excursions and expeditions to Crimea; organization of laboratories, observatories, research stations, museums, exhibitions, scientific libraries; distribution of editions about Crimea, printing of scientific works of members of the organization in their own periodic and non-periodic issues; holding public meetings, lectures, courses, seminars, etc.; organization of all-Russian and regional congresses on regional studies [20, c. 2–3].

The most extensive section of the statute was the fifth one (§ 12–26). It defined the functions of the governing and executive bodies of CSP. The highest body in the management of CSP affairs was determined by the meeting of members of the society, which took place once every six months. All issues were resolved by open vote, decisions were made by simple majority, except the cases provided by the statute.

The document defined the following competencies of the governing assembly: the election of candidates for the position of Chairman and Deputy Chairman of the Partnership, members of the Board and the Audit Committee, existing CSP members; approval of instructions for officials and members of the organization; introduction of branch departments, sections, special commissions; establishment of assistance and scientific missions of members of the society; expulsion from Partnership for Crimean Studies membership; reviewing the Board’s report on prospects; approval of the financial statements of the Audit Committee and establish-

ment of new membership fees; discussing changes in the organization's statute; definition of CSP logo and membership badge.

Paragraphs 18–19 of the statute limited the term of the Chairman, the Deputy Chairman, and the Board of the Organization for one year. The Board of Directors was determined, which included the Chairman, the Deputy Chairman of the Company, 11 members of the Management Board, and two candidates for the Management Board. The main responsibilities of the Board included the management of all scientific and administrative and economic activities, submission of general reports on the annual activity of the company and estimates for further activities, staffing and inter-governmental work. The legitimacy of the meetings of the Management Board was determined by the presence of the Chairman (or Deputy Chairman) and two members of the Management Board. Paragraph 23 of the statute covered the powers of the Audit Committee, which extended to all financial and property reports of the organization.

Paragraph 24 stated the accountability of the partnership to the Main Scientific Counciling: the organization was obliged to provide semi-annual activity reports and annual reports. The final, 26th paragraph of the statute specified the cases in which the work of a company could be terminated: "1) by the government resolution; 2) as a result of the arrest of the majority of the members of the Council; 3) by resolution of 2/3 of the members of the company according to the lists." In the case of the closure of the company, CSP property was transferred to the People's Commissariat for Education [20, c. 4–7].

The provisions of the statute of 1923 provided an opportunity for fruitful organization of the work of the company at the initial stage of its activity — in 1923–1926.

After the creation of the branched structure of the company's divisions directly in the Crimean ASSR, there was a need to reform the structure of CSP, which led to the need to create a new draft of the organization's statute.

Such a document was proposed for discussion in the winter of 1925–1926 by a number of CSP divisions and was approved

after the CSP Congress in April 1927 in Simferopol. The most important changes in the statute of 1926–1927 were the following. The organization spread its activities throughout the USSR, the Executive Board was located in Simferopol. The partnership distinguished a group of honorary members who were elected at congresses that had merit in the field of Crimean studies or just in the CSP. Serious changes have affected the management structure of the organization. The supreme organ of the organization was the congress of representatives of the branches of the partnership, which convened once a year, according to the norm of representation, 1 delegate from 50 CSP members.

The congress was responsible for all questions regarding reports of CSP management, discussing and approving all constituent documents of the organization and forming new areas of work. The executive body remained the Board, which retained its representative staff, as well as the unchanged scope of powers. The executive bodies at the departmental level were the boards of the departments, which consisted of officials established by the governing counseling, whose competence included the organization of all internal activities of the department.

The new statute of the company provided for the following forms of closure of the organization: by decree of the ruling power and by decree of the congress. If all branches of the company were closed by the authorities, their property and sums of money were transferred to institutions and organizations that had similar Crimean studies purposes. In the case of a single closure of one Partnership for Crimean Studies branch, the issue of the fate of its property was resolved by the regulatory meetings of the divisions [4, л. 55–59].

The statute of the partnership, developed with the direct participation of the regional branches of the organization, clearly demonstrated the growth of their role and importance in its activities. This underscores the link between the first and second topics of CSP main areas of activity — the organization of scientific Crimean studies and the creation of an extensive network of regional centers.

The establishment and activity of regional offices at CSP was recorded by the organization's statute as one of its activities. It was implemented in practice through the establishment of CSP offices in peninsular cities. This process took place during 1923–1925 and ended with the beginning of organizational transformation of the partnership. The first branches of the CSP in Crimea were established in Yalta and Kerch — in the autumn of 1923, in 1924 — branches were organized in Simferopol, Feodosia, Sudak, Bakhchisaray, Sevastopol and Leningrad, the last — during 1925 — in Dzhanjoi, Yevpatoria and Alushta.

Among the forms and methods of work of the departments one should distinguish both research (carrying out independent or participating in inter-institutional scientific expeditions or other activities and bringing the results of these studies through scientific reports and publications) and mass events aimed at attracting attention and attracting participation in regional studies classes (public lectures, evenings, excursions, etc.) [10, c. 137–145]. An example of the most systematic work in this sense is the activity of the Kerch branch of the CSP after changing the organizational structure of the partnership — that is, in 1926–1929.

Thus, in 1926, the branch of the organization consisted of 36 full members, headed by the director of the Kerch Historical and Archeological Museum named after A. S. Pushkin Y. Y. Marty. The main activity of the department in 1926 was the holding of general and sectional meetings. Department established a permanent work of three sections — natural and historical, folk life and regional studies.

At the general meeting in 1926, the members of the Kerch Branch of CSP got acquainted with the scientific developments of metropolitan researchers of great importance to the region. Thus, the theme of the first general meeting became honoring the professor from Leningrad, the prominent oceanologist and hydrobiologist N. M. Knipovich (1862–1939), who conducted expeditions in 1922–1927 devoted to hydrobiology of the Azov-Black Sea basin. During the meeting the employee of the city Ichthyology laboratory V. M. Tikhonov read the

report «To the 40th anniversary of N. M. Knipovich». The second general meeting, attended by more than 70 people (indicating an increase in the size of the organization), addressed organizational issues.

The Board of the Kerch Branch of the Partnership for Crimean Studies held 5 meetings in 1926 where, in addition to organizational and economic issues, it also considered the issue of a local history exhibition in the city. The purpose of collecting materials for the exhibition, according to the plans of the board, was to create a «Museum of the region's production forces» at the department. The exhibition was held during the Kerch Archeological Conference on 6–12 of September 1926 and attracted a wide range of visitors (325 attendees).

During the final proceedings of the conference, the initiative to create a museum at the CSP affiliate received public support from the city administration, and by the end of the year the district executive committee's obligation to provide the museum premises was fulfilled. The organization of the exposition was recognized by the Board of Directors as the main priority of further work [21, c. 180–182]. The interim results of the Kerch branch of the CSP over the three years since its foundation were summed up by the deputy chairman of the company E. E. Leitnecker in his essay. The author noted that during these years (1923–1926) the branch did not acquire a mass character: the number of its activists estimated 50 people.

It was also mentioned that the main staff of the branch — teachers of the city, in order to attract workers and businessmen to the CSP members of the organization proposed to conduct a special campaign. The creation of the Museum of Production Forces in the city by the efforts of department was noted as positive. Despite the modesty of the premises occupied, this facility in a short time managed to become a clear indicator of the regional studies activity of CSP members [5, c. 109–110].

Within Public Reporting Campaign by the Kerch Branch of the CSP in 1927, the following statements were noted in the department report: Professor A. I. Anisimov «On the Sights of Painting in the Crimea», architect

of the Central State Restoration Workshops B. N. Zasytkin «On Sights of architecture in the Crimea», Y. Y. Marti «On the tasks and work of the 1st All-Crimean Regional Conference», M. G. Todorov «On the aims and tasks of local history», E. P. Filipov «On the first Crimean congress of regional studies» (apparently, was devoted to the first congress of CSP in Simferopol April 16–18, 1927) and «On the museum of the local area», water engineer F. I. Mikhailov «Hydrotechnical structures of Kerch peninsula in ancient times and now», post-graduate student of the Leningrad Institute of Experimental Zoology and Phytopathology V. I. Kuznetsov «Entomological Travels in the Spring of 1927 in the Kerch District».

Priorities for further work of Kerch Branch of CSP were determined by E. E. Leitnekker: expansion of the number of participants, strengthening of the material base, creation of a permanent excursion body within the organization, further development of the Museum of Production Forces, regional studies work on enterprises and villages, making contact and mutual research with scientific expeditions of various profiles arriving on the Kerch Peninsula [5, c. 111].

In 1928 the research activity of the Kerch Branch of the CSP remained at a similar high level. At this time, the structure of the Museum of the Local Area was finally formed, the predecessor of which was the Museum for production forces (1926–1927).

The establishment was divided into three departments — natural-history, dedicated to the flora, fauna, geology of the region; production, which covered the history of the formation and current state of the economy and social development; and so called «Revolutionary» — the main exposition of which was gathered under the influence of the 10th anniversary of the October Socialist Revolution in 1927 and the existence of which was the result of the joint efforts of the branches of CSP and the city's Historical commission of October Revolution.

In the context of promotional campaigns that contributed to the acquaintance with the results of scientific research of the masses of the urban intelligentsia, workers, youth, the Kerch branch of CSP continued public re-

ports, which could be divided into three thematic areas: study of natural resources; studies concerning the historical past of the area in archeological and ethnological contexts; reports on regional study's methodology and practice and the social sciences generally [6, c. 203–205]. On the whole, it should be noted that the experience of the Kerch branch of the CSP demonstrated the involvement of all forms of regional studies work actively synthesizing research and mass directions of the organization of these studies.

As for other CSP departments, during their activity a certain specialization was formed in the study of history and ethnography (Yevpatoria, Feodosia branch of CSP), natural history (Leningrad, Yalta branch of CSP), organization of museum work (Alushta and Bakhchisarai branches).

The high professionalism of the members of the society, pursuing the academic traditions of pre-Soviet science, synthesis of these traditions with involvement of the urban broad masses of the Crimean ASSR into the regional studies work, the absence of obstacles in the CSP activities by the bodies of the Soviet authorities became the key to successful work of the well-known society of Crimea scholars.

The third area of work of the Partnership for Crimean Studies — the foundation and provision of research institutions was most clearly reflected in the activities of the Gurzuf (South Bank) scientific base of the society (1923–1926). The need to establish the Gurzuf Science Base was first announced shortly after the company was officially registered — in May 1923.

People's Commissar of Health Protection of the RSFSR M. O. Semashko declared about readiness of the state institution to provide for use of a society the housing stock on the Southern coast of Crimea for arrangement of the scientific base there. The CSP Board entered into negotiations with the Executive Resort Board of the People's Commissariat of Health Protection of the RSFSR and, as a result, the former Deryuzhinsky's and Troyanov's villas in Gurzuf were granted to the company. They became the Gurzuf Scientific Base of the CSP.

The status of the Gurzuf Scientific Base

of the CSP was set out in detail in the «Instruction to the Head of the South Coast Base of the Society» prepared by the CSP Board. It was run directly by the CSP Board, which managed the base through its authorized representative. The latter's responsibilities included all internal administrative activities on the basis of and compliance with the instructions of the Company's Executive Board [2, л. 3–5 об.]. The direct operation of the base began in August – September 1923 with the reception of the first visitors to the base — CSP members for leisure and scientific training.

At the turn of 1923–1924, the management of the base was strengthened. Professor B. F. Dobrynin was elected director. On May 23, 1924, at the meeting of the Board of the Company, the plan of operation of the base for 1924 was approved. The work of the Gurzuf base as a research institution in 1924 lasted 5 months — from June to the end of October. During this period, studies were conducted in the following areas: “1) Geological studies in the Gurzuf area and surrounding mountains; 2) Geomorphological study of Gurzuf district; 3) Geomorphological observations of the lacolites of the Gurzuf-Alushta area; 4) Geobotanical study of Gurzuf district; 5) Research of plant communities of rocky Crimea; 6) Study of the cultural vegetation of the Gurzuf district; 7) Meteorological observations; 8) Astronomical observations; 9) Archeological observations; 10) Excursions to explore the Laspin area of the western part of the South Bank”.

The aim was also to do soil and ethnographic research, but it had to be postponed till next year because of the absence of specialists who were supposed to work at the base (E. P. Troitskyi and B. A. Kuftin). The results of the research conducted at the base in 1924 became collections and compiled materials in geology, botany, soil science, photography. They were to arrive at the Moscow Exhibition Museum in Crimea. Also, according to the results of the work of the base, the preparation of reports and scientific papers was planned for printing.

The cultural and educational activities of the base consisted of conducting popular science lectures, excursions on its territory

and the area around Gurzuf. The Gurzuf branch of the CSP was established at the initiative of the employees of the base, which received the status of a subdivision of the Yalta branch of the society. Together with the Gurzuf authorities, a plan was drawn up to involve the local population in regional studies, with the assistance of members of the CSP — Professor of Leningrad State University V. F. Pchelintsev and head of the Yalta Museum of regional studies G. Y. Rossilevich. There was also the initiative of the base to cooperate with scientific activists of Leningrad and Yalta [2, л. 6–8, 10, 11, 15; 3, л. 10].

The report on the activities of the Gurzuf Scientific Base for 1925 indicated that the management of the base due to B. F. Dobrynin's foreign mission was carried out by V. F. Pchelintsev. A large outbuilding was repaired, the housing stock of the base was expanded, a rosary was restored, and a boarding house was established. Scientific activities were concentrated in the following areas: geographical study of Gurzuf district by a group of Leningrad scientists led by V. F. Pchelintsev, botanical studies of a group of students of the First Moscow State University, headed by Professor A. A. Borzov, astronomical observations carried out by the primary astronomical workers of MSU under the direction of M. E. Nabokov.

Meteorological and economic research projects which could be applied at the base were put forward. In 1925, the Gurzuf Science Base established close contacts with all authorities in Gurzuf, Yalta, Alushta, established close cooperation with the Yalta and Alushta branches of the CSP, which helped strengthen the material and scientific potential of the local masses. The South Coast (Gurzuf) scientific base has reached the level of a full-fledged research institution [1, л. 129–131 об.].

The turning point in the activity of the Center for Regional Studies of CSP in Gurzuf was 1926. The first signal of a threat to the work of the scientific base was the appeal of the Gurzuf village council at the end of March 1926 to the Board of the Society: the village council considered the premises of the base as belonging to its department,

and offered to conclude with it an appropriate lease. Despite repeated appeals from the Partnership for Crimean Studies leadership, the Main Scientific and the People's Commissariat of the RSFSR and significant concessions by the CSP to the Gurzuf authorities, on June 16, 1926, the village council unilaterally made a resolution to either enter into its terms on a weekly basis or seek the help of a court for closing down the premises. By the autumn of 1926, the Gurzuf (South Coast) CSP scientific base ceased its scientific work and existence [18, с. 60–66].

The period of 1929–1932 in the Soviet history was marked by considerable repressions and purges against the heads and ordinary activists of public scientific communities. CSP suffered the same severe fate, which was forced to reduce its work since 1929, and in January 1932 — under pressure of the authorities of the Crimean ASSR, the CSP made a decision to self-dissolve and join the Crimean Regional Bureau of Regional Studies.

As we can see, the CSP research and mass activity managed to cover all areas in the diversity of regional studies. Thus, we can formulate the main conclusions of the importance of CSP for regional studies movement:

- The society clearly outlined its goals and objectives for organizing research and mass work. These program abstracts were shown in the statutes of the company, which had two editions — 1923 and 1926, and reflected the progress in the organization. The CSP statutes can be considered as exemplary constituent documents for the regional studies organization of the period from the 1920's till the beginning of the 1930's.

- The process of initiating regional studies had several sources — mainly repre-

sentatives of the metropolitan intelligentsia whose creative path was linked to Crimea at different times, and a new generation of enthusiastic regional researchers led by representatives of the pre-Soviet provincial intelligentsia;

- The formation of local societies was one of the forms of involvement of representatives of Soviet science and social activism into the fruitful functioning of the new conditions of Soviet society;

- In the work of the CSP, significant goals of Crimean study were formulated, which demonstrated the high scientific level of the society's representatives;

- The internal decision-making process demonstrated considerable democratism and confirmed the lack of total control over the work of local and regional history by the authorities in the USSR in the 1920s;

- Changing the format of CSP work in 1926–1927 testified to the availability of new methodological foundations of regional studies work in Crimea, which also testified to the presence of creative and organizational and administrative strength in the branches;

- Being able to organize regional studies work in the cities of the Crimean ASSR proved the high authority and considerable organizational capabilities of CSP branch activists at local level;

- Initiating the creation of research institutions and conducting such events within the Partnership (Gurzuf Scientific Base of CSP) helped create the conditions for the organization of fruitful scientific studies dealing with the Crimea directly in the region and in favorable conditions. The results of these studies, thanks to the presence of a regional network of offices, had the possibility be disseminated to the public of the Crimean ASSR.

7. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. — Симферополь, 2005. — 432 с.

8. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. — Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. — Т. 2.: TAURICA ORIENTALIA. — 600 с.

9. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. — Киев, 2012. — 464 с.

10. Севастьянов А. В. «...Работа Российского общества по изучению Крыма является в интересах Крыма крайне желательной...»: документы архивов свидетельствуют / А. В. Севастьянов // Историческое наследие Крыма. — 2006. — № 12/13. — С. 128–152.

11. Севастьянов О. В. Статути Російського товариства з вивчення Криму — джерела з історії інституалізації краєзнавчого руху в Кримський АСПР в 20-ті роки ХХ ст. / О. В. Севастьянов // Питання історії науки і техніки. — 2008. — № 2. — С. 12–17.

12. Севастьянов А. В. «На переломе»: Российское общество по изучению Крыма в 1926–1928 гг.: цели, мероприятия, результаты / А. В. Севастьянов // Историческое наследие Крыма. — 2009. — № 25. — С. 185–203.

13. Севастьянов А. В. О научном наследии Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.): историографический аспект / А. В. Севастьянов // Крымский архив. — 2009. — № 11. — С. 251–264.

14. Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов. — Киев; Симферополь, 2010. — 255 с.

15. Севастьянов А. В. Возвращение ученого: вокруг реабилитации Г. А. Бонч-Осмоловского (конец 30-х — начало 40-х гг. ХХ в.) / А. В. Севастьянов // Ученые записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского : Исторические науки. — 2013. — Т. 26 (65), № 1. — С. 125–142.

16. Севастьянов А. В. Ленинградское эхо крымского конфликта: новые подробности научного противостояния Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста на рубеже 20–30-х гг. ХХ в. / А. В. Севастьянов // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України, УТОПіК. — 2013. — Вип. 23. — С. 178–206.

17. Севастьянов О. В. Нариси з історії вітчизняного краєзнавства: Товариство з вивчення Криму (1922–1932 рр.) / О. В. Севастьянов. — Київ: Видавничий центр НУБіП України, 2018. — 273 с.

18. Севастьянов А. В. Институции краеведческого движения в Крыму в 20-х — начале 30-х годов ХХ в.: Общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов. — Riga: Lambert Academic Publishing. — 2018. — 225 с.

19. Севастьянов О. В. З'їзди Товариства з вивчення Криму (1927, 1929 рр.) як відображення тенденцій розвитку вітчизняного краєзнавчого руху 20-х рр. ХХ ст. / О. В. Севастьянов // Питання історії науки і техніки. — 2018. — № 3. — С. 24–33.

20. Устав Российского общества по изучению Крыма. — М., 1924. — 7 с.

21. Филиппов Е. П. Керченское отделение РОПИК / Е. П. Филиппов // Крым. — 1927. — № 1 (3). — С. 180–182.

The article analyses the activity of key scientific community of regional studies specialists of Crimea in the period from 1920s — beginning 1930s. The basic forms of work of the organization are represented: the Statute of Partnership is analyzed, organizational and substantive tasks that were defined at its foundation are determined, and the transformation of specific activities of the partnership during its activity is traced. The problem of organization of the Partnership of its own scientific research institutions — Gurzuf scientific base and independent expeditionary activities is covered. The conclusions on the role and importance of the activity of the society for the development of scientific, research and popular, mass regional studies are formulated.

Keywords: regional studies, history of the science, Crimean ASSR, Crimea Studies Partnership, Congress, regional branches, Gurzuf scientific base, expeditions.

1. Государственный архив Республики Крым, ф. Р-652 (Совнарком Крымской АССР), оп. 1, д. 799, л. 129–131 об.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. А-2307, оп. 2, д. 337, л. 3–5 об., 6–8, 10, 11, 15.

3. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 2, д. 338, л. 10.

4. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 8, д. 286, л. 55–59.

5. Лейтнекер Е. Э. Керченское отделение Общества по изучению Крыма / Е. Э. Лейтнекер // Крым. — 1928. — № 2 (7). — С. 109–110.

6. Марти Ю. Ю. Пять лет краеведческой работы Керченского отделения Общества по изучению Крыма / Ю. Ю. Марти // Крым. — 1929. — № 1 (9). — С. 203–205.

Сведения об авторах

Абрашкевичус Галина Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Горенкин Валерий Анатольевич, кандидат политических наук, доцент, заслуженный работник культуры Республики Крым, ректор ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Верна Вероника Валериевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры туризма ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Ибрагимов Эрнест Энверович, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Иванов Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник ГБУ РК «Центральный музей Тавриды», старший преподаватель кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Коноплева Анна Алексеевна, кандидат философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Микитинец Александр Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Микитинец Ольга Ивановна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Митрошенков Олег Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО Российской Академии народного хозяйства и государственной службы

Николаенко Николай Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Норманская Анжела Викторовна, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Республики Крым, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Норманский Никита Сергеевич, аспирант 3-го года обучения кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Охотникова Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент Казанского государственного института культуры

Севастьянов Александр Валериевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Чимирис Станислав Васильевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Швецова Антонина Викторовна, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Крым, декан факультета социокультурной деятельности, заведующая кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Шелягова Анна Александровна, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры Республики Крым, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности и межъязыковых коммуникаций ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Authors

Abrashkevichus Galina Alexandrovna, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Chimiris Stanislav Vasilyevich, Candidate of Economic Sciences, associate professor of the Department of Tourism, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Gorenkin Valery Anatolyevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Culture of the Republic of Crimea, Rector of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Ibragimov Ernest Enverovich, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Tourism of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Ivanov Vyacheslav Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Central Museum of Taurida, Senior Lecturer at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Konopleva Anna Alekseevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Mikitinets Alexander Yuryevich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Vice-rector of the scientific work of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Mikitinets Olga Ivanovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Mitroshenkov Oleg Alexandrovich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the UNESCO Chair of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Nikolaenko Nikolay Vasilyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Normansky Nikita Sergeevich, Post-graduate student of the 3-d course, The Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Normanskaya Anzhela Viktorovna, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Okhotnikova Tatiana Viktorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Kazan State Institute of Culture

Sevastianov Alexander Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Humanitarian Disciplines of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Shelyagova Anna Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Honored Worker of Culture of the Republic of Crimea, Associate Professor of the Department of Library and Information Activities and Interlanguage Communications of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Shvetsova Antonina Viktorovna, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Crimea, Dean of the Faculty of Socio-Cultural Activities, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Verna Veronika Valerievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Tourism of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В. А. Горенкин, А. В. Швецова

Культурное наследие
как фактор формирования национальной идентичности4

О. А. Митрошенков

Славянофилы и современная русская историософия:
влияние и идентичность 11

В. В. Верна, Э. Э. Ибрагимов

Трансформация организационной культуры
предприятий индустрии туризма
в условиях цифровизации19

В. А. Иванов

Социальные функции Мемориала жертвам
фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг.
«Концлагерь “Красный”»
как объекта культурно-исторического наследия
и центра патриотического воспитания молодежи26

А. А. Коноплева

Пространственно-временные контексты
межкультурных контактов.....34

А. Ю. Микитинец, О. И. Микитинец

Русский мир как цивилизационный нарратив:
ключевые аспекты культурологического осмысления39

Н. В. Николаенко, А. А. Шелягова

Перспективы становления
уникальной исторической территории как комплексной формы
освоения и управления природным
и культурным наследием Крыма45

А. В. Норманская

Влияние культурного наследия
на формирование студенческой культурной среды54

Т. В. Охотникова

XXI век: столкновение цивилизаций59

С. В. Чимирис, Н. С. Норманский

Культурно-историческое наследие
как определяющий фактор развития
историко-культурного туризма в Крыму.....64

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. А. Абрашкевичус

Цивилизационный подход в исследованиях истории
современного российского общества70

А. В. Севастьянов

Crimea Studies Partnership (1922–1932):
regional studies initiative in ideological conditions
of soviet reality

Общество по изучению Крыма (1922–1932):
краеведческая инициатива в идеологических условиях
советской реальности76

Научное издание

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 29 (2022)

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. Н. Гладкая*

Подписано к печати 26.05.2022
Формат 189×283. Усл. печ. л. 10,23
Тираж 50 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел. : +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908